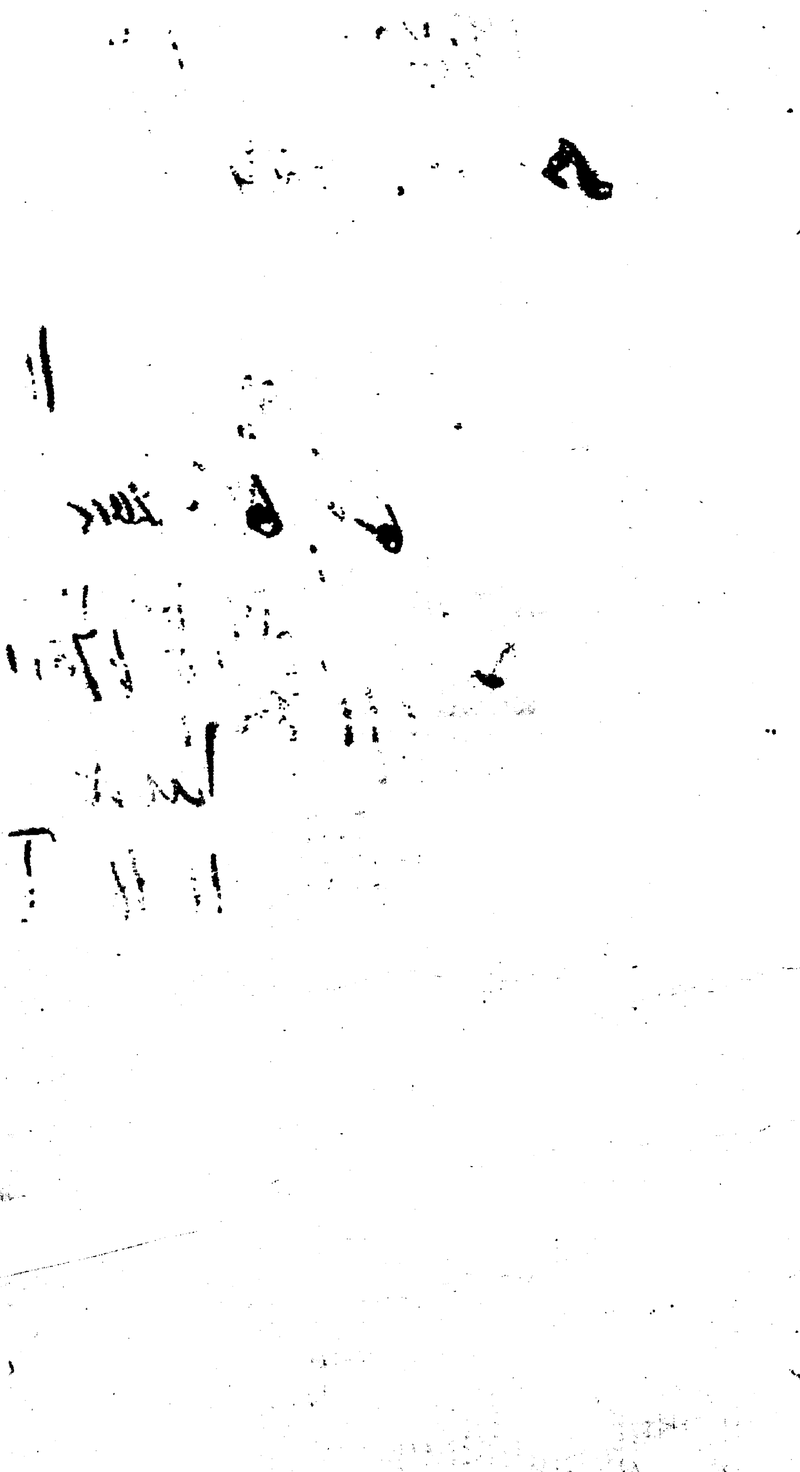

ПЕТРОГРАД

А. П. ИЗВОЛЬСКИЙ
Бывш. Министр Иностранных Дел

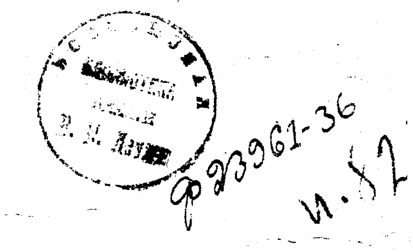
ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
А. СПЕРАНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“
ПЕТРОГРАД — МОСКВА
1924

Петрооблит № 7487 Тираж 10000

Госуд. типогр. имени тов. Зиновьева. Петроград, Социалистическая, 14.

Предисловие к русскому изданию.

Бывшие царские сановники, пользуясь невольным отдыхом на берегах Темзы, Сены или Шпре, усиленно заняты теперь писанием мемуаров. При всем различии содержания этих мемуаров и литературных талантов мемуаристов, все вышедшие за последние годы воспоминания бывших царских сановников отличаются одной особенностью: авторы их занимаются, главным образом, прославлением себя и всех тех, кто в былое время способствовал их карьере, и сведением счетов со своими противниками—прежними и нынешними.

Мемуары бывшего министра иностранных дел и русского посла в Париже А. П. Извольского, вышедшие одновременно на французском и английском языках, не составляют исключения в этом отношении. А. П. Извольский—один из вдохновителей мировой бойни. Его роль достаточно изобличена документами, опубликованными вскоре после того, как октябрьская революция открыла все царские архивы, и секреты тайной дипломатии, к ужасу чопорных дипломатов Европы и Америки, оказались разоблаченными. Извольский мог бы многое рассказать и о своей роли в подготовке мировой войны, и о других виновниках этой войны, и о многом другом. Но бывший царский дипломат старается скользить по поверхности. Порою он пытается даже, хотя и очень неудачно, разнообразить свои воспоминания полубеллетристическими вставками, написанными в самых элегантных выражениях, и всякими лирическими отступлениями, посвященными большей частью кому-нибудь из «жертв большевизма». А. П. Из-

вольского особенно вдохновляет П. А. Столыпин. Он горько скорбит, что столыпинская реформа, имевшая целью воспитать уважение к праву собственности, потерпела крушение и вместо нее наступил «социальный и экономический хаос». Даже столыпинские военно-полевые суды представляются Извольскому вынужденным компромиссом, чуть ли не либеральной мерой, имевшей целью спасти жертв военно-полевой юстиции от расстрелов без суда. Повидимому, Извольский серьезно полагает, что быть повешенным по приговору военно-полевого суда несравненно приятнее, чем быть расстрелянным без соблюдения всех формальностей столыпинской военно-полевой юстиции, вплоть до благословения священника, напутствующего вешаемого на тот свет! Извольский серьезно уверяет, что столыпинская реформа имела «исключительный успех» и русское крестьянство встретило ее восторженно. Беда только в том, что наступила революция, и все труды Столыпина пропали даром. Как случилась эта неприятность, Извольский не объясняет. Впрочем, в одном месте своей книги, он уверяет, что «судьбы наций управляются идеями и абстрактными и психологическими факторами скорее, чем чисто материальными соображениями». Очевидно, и октябрьская революция, по мнению нашего просвещенного дипломата, объясняется «абстрактными и психологическими факторами», а не глубокими социальными и экономическими причинами, как мы по невежеству полагали.

Перебирать все наивности Извольского было бы совершенно напрасным и неблагодарным трудом. Достаточно сказать, что, говоря о неудаче первой Думы, которая оказалась революционной, Извольский с самым серьезным видом объясняет это в значительной степени тем, что трибуна, с которой говорили первые народные избранники в России, была «не так устроена»: если бы она была устроена по английскому образцу, то, по предположению Извольского, Дума не превратилась бы в «революционную говорильню» и ее не пришлось бы распустить. Как видите, «судьбы наций управляются не только абстрактными и психологическими факторами», а даже архитекторами и плотниками, сооружающими трибуны и депутатские кресла!..

Кроме наивностей, в воспоминаниях Извольского очень много вздора—сознательного или бессознательного, сказать трудно. Иногда, читая его воспоминания, просто поражаешься, как может человек, занимавший еще недавно такой ответственный пост, сочинять на глазах всего мира, столько небылиц, и врать—выражаясь вульгарно—без зазрения совести. Желая показать себя

перед европейцами, для которых, повидимому, и написана книга, благодарным верноподданным, Извольский старается всеми силами ретушировать портрет Николая II, который и в его воображении оказывается довольно мало привлекательным. И в своем усердии он доходит до того, что приписывает Николаю II никогда им не произнесенные слова о том, что он будет править Россией «на основах конституции». И не только приписывает эти слова Николаю II, который, как известно, до самой февральской революции слышать ничего не хотел ни о каких конституциях, а уверяет, что слова эти произвели на членов первой Государственной Думы, которым они будто бы были сказаны, отличное впечатление. В действительности, в речи, обращенной к членам первой Государственной Думы, которую Извольский цитирует в очень «вольном» переводе, говорилось буквально следующее:

«С пламенной верой в светлое будущее России, я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам... Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные, с твердою уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благосостояния государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права».

Слова «порядок на основе права» Извольский заменяет словами «на основах конституции»,—и фраза, имевшая целью указать на необходимость соблюдения порядка, противопоставляемого свободе, превратилась в либеральную конституционную фразу, в устах монарха, всю жизнь считавшего всякие конституционные поползновения «бессмысленными мечтаниями». Так пишется история бывшими царскими сановниками для либеральной Европы!

В совершенно извращенном виде излагает Извольский и историю переговоров Витте и Столыпина об образовании «конституционного министерства». Если верить Извольскому, переговоры эти не удались только потому, что и мирнообновленцы, и октябристы, и кадеты оказались слишком требовательными и не соглашались ни на какие уступки. Отказ «общественных деятелей» войти в состав правительства поставил последнее, по уверению нашего мемуариста, перед необходимостью ориентироваться «в сторону

реакции». Не будь этого отказа, не было бы и реакции! Эту версию старается, как известно, внушить читателю и граф Витте в своих «Воспоминаниях». Но это не мешает этой версии быть глубоко неверной. Из воспоминаний П. Н. Милюкова, вышедших в Париже в прошлом году («Три попытки») Париж 1922 г., и—главное,—из «Воспоминаний и дум о пережитом» Д. Н. Шипова мы знаем, что неудача образования конституционного кабинета объясняется совсем не твердокаменностью наших либералов, а тем, что, ведя переговоры с так называемыми общественными деятелями, Витте явно лицемерил и вел двойную игру, привлекая одновременно в свой кабинет и общественных деятелей, и П. Н. Дурново, против кандидатуры которого, как хорошо было известно Витте, привлекаемые им общественные деятели возражали самым решительным образом. Даже очень осторожный в выражениях Д. Н. Шипов вынужден признать, что во время совещаний с общественными деятелями у графа Витте обнаружилось полное «отсутствие искренности и прямоты» и «очевидная неспособность освободиться от усвоенных им привычек и приемов бюрократического строя». Утверждение Извольского о том, что Витте вынужден был привлечь П. Н. Дурново, «в виду отсутствия поддержки со стороны либералов», категорически опровергается Д. Н. Шиповым, который подробно рассказывает в своей книге о ходе переговоров с общественными деятелями. Кандидатуру П. Н. Дурново Витте усиленно навязывал приглашенным им общественным деятелям с самого начала переговоров, хотя ему пришлось выслушать из уст Д. Н. Шипова и А. И. Гучкова «существенные возражения против кандидатуры П. Н. Дурново», относившиеся «не только к политической его физиономии, но и к облику его моральной личности». Только тогда, когда Рачковский сообщил Витте, что «в распоряжении многих редакций имеется различный материал из прошлой деятельности П. Н. Дурново, разоблачающий его личность, и что в случае его назначения материал этот будет немедленно опубликован, не исключая и известной резолюции императора Александра III «убрать этого мерзавца в 24 часа»,—Витте несколько задумался. Но колебания его длились недолго, и, после нескольких минут разговора, Витте все же заявил общественным деятелям, что Дурново назначить необходимо, «а относительно угроз редакций могут быть приняты меры». Таким образом, вопреки утверждению Извольского, Витте предпочел отказаться лучше от общественных деятелей, чем от Дурново. И это вполне естественно, потому что привлечение

общественных деятелей грозило потерей министерского поста самому Витте, а этого, по свидетельству Извольского, он больше всего боялся.

Вторая попытка привлечения общественных деятелей в состав правительства, сделанная уже П. А. Столыпиным, не удалась также не вследствие «партийной тирании кадетов», а опять-таки потому, что ни Столыпин, ни, в особенности, царь, с ведома которого велись переговоры с кадетами, никогда серьезно не думали об образовании конституционного кабинета. Что касается третьей попытки привлечения кадетов в состав правительства, предпринятой по инициативе Трепова, то сам Извольский свидетельствует, что попытка эта имела явно провокационный характер, и что Трепов стремился дать кадетскому правительству возможность обанкротиться, чтобы затем «создать диктатуру, во главе которой стал бы сам».

Наконец, совершенно не соответствует действительности, что в октябрьские дни 1905 года «либеральные идеи одно время имели успех при дворе, но постепенно реакционная партия возобновила свое прежнее влияние на Николая II». Из официальной записки Н. И. Вуича и князя Н. Д. Оболенского, составленной по уполномочию Витте, а также из воспоминаний кн. Орлова и других близких к двору участников событий 1905 года, мы знаем, что «либеральные идеи» никогда не вдохновляли Николая II и что самый манифест 17 октября он решился подписать, после долгих колебаний, только потому, что тогдашний командующий войсками петроградского военного округа Николай Николаевич заявил, что в его распоряжении нет достаточного количества войск для подавления восстания, если бы оно вспыхнуло в Петрограде. Вообще легенду с неудачей «либеральных идей» Николая II, вследствие отказа наших либеральных партий итти на какие бы то ни было уступки, можно считать окончательно похороненной. В России не удалось образовать хотя бы самый скромный конституционный кабинет не потому, что кадеты или мирно-обновленцы были слишком принципиальны и твердо-каменны, а потому, что ни царь, ни поддерживавшее его реакционное дворянство не хотели поступиться самой скромной частичкой своих прерогатив в пользу хотя бы либеральной буржуазии. Поколебать твердыню самодержавия могла только победоносная революция, и никакие уверения либеральных историков и бывших царских сановников о том, что самодержцы сами были склонны к конституционным реформам,—

не говоря уже о реформах социальных, — не могут опровергнуть этого исторически установленного факта.

Беззаботный сплошь и рядом по части фактов А. П. Извольский обнаруживает нередко и большую путаницу в политических партиях, смешивая, например, партию мирного обновления, во главе которой стояли князь Г. Е. Львов и Д. Н. Шипов, с партией правового порядка, которую неудачно пытался организовать нынешний сменовеховец А. В. Бобрищев Пушкин.

Но, несмотря на все указанные недостатки, несмотря на пристрастие нашего автора ко всякого рода апологиям, начиная от апологии бывших царствующих особ и кончая апологией «поместного дворянства», своей родни и даже убийцы Павла I князя Яшвиля (родственника Извольского),—воспоминания бывшего министра иностранных дел во многих отношениях представляют большой интерес. О многом мы узнаем из воспоминаний Извольского впервые. Многое, нам уже известное, он дополняет новыми интересными подробностями.

Большой интерес представляет, например, подробный рассказ Извольского о секретном договоре в Биорке. Правда, уже из «Воспоминаний» Витте мы знали в общих чертах историю того, как Николай II, состоя в союзе с Францией, заключил тайный договор с Вильгельмом II, направленный против Франции. Извольский пытается доказать, что Николая II несправедливо обвинили «в тягчайшем преступлении — в измене своему союзнику Франции» и что, в действительности, договор в Биорке был направлен не против Франции, а против Англии. Но Извольский вынужден признать, что Николай II всегда рабски следовал советам Вильгельма и, плохо разбираясь в дипломатической игре своего кузена, был простой игрушкой в руках германского императора, соблазнявшего его титулом «адмирала Тихого океана», который очень льстил самолюбию Николая II. Подтверждает Извольский и то, что на конфликт с Японией толкнул Николая II Вильгельм, который считал, что Германия будет в выигрыше и в случае поражения России,—так как Россия выйдет из войны обессиленной,—и в случае победы России,—так как внимание России в этом последнем случае будет отвлечено на Восток. Вынужден признать Извольский, что согласие царя подписать секретный договор в Биорке было не только большой политической бестактностью, но и большой глупостью. И единственное, что он находит возможным сказать в оправдание царя, это—то, что он подписал этот величайшего значения политический акт потому, что был бессилен про-

тивостоять красноречию Вильгельма II во время завтрака, хотя — спешит прибавить Извольский — вина во время завтрака было выпито немного.

Чрезвычайно интересен также рассказ Извольского, основанный на несомненных документальных данных, об инциденте в Догер-Банк, едва не вызвавшем войны между Россией и Англией. Читатели, вероятно, помнят, что сущность этого инцидента состояла в том, что адмирал Рождественский, отправляясь со своей эскадрой на Дальний Восток, открыл стрельбу по английским рыболовам, ловившим рыбу в нейтральных водах, приняв рыбачьи шхуны за японскую эскадру. Когда адмиралу Рождественскому было сообщено из Петрограда, что он ошибся, злосчастный адмирал заявил, что у него имеются несомненные доказательства, что он расстреливал именно японскую эскадру, а не рыбачьи шхуны. Оказывается, что эти несомненные доказательства адмирал Рождественский получил от знаменитого провокатора Гартинга-Ландезена, на которого была возложена задача осведомлять Рождественского во время его плавания о местонахождении японской эскадры. Вера в показания этого провокатора была так сильна, что Рождественский верил Гартингу больше, чем даже русскому министерству иностранных дел, получившему возможность убедиться, что Рождественский ошибся, а Гартинг ввел Рождественского в заблуждение в надежде, повидимому, получить прибавку к своему провокаторскому жалованью за обнаружение неприятельских судов, там, где их не было.

Не мало интересного сообщает Извольский о секретных совещаниях Милюкова, секретных даже для его собственной партии— со Столыпиным, во время которых обсуждался вопрос об образовании кабинета в составе С. А. Муромцева, А. А. Муханова, кн. Г. Е. Львова, Д. Н. Шипова, П. Н. Милюкова и П. А. Столыпина. В книге Извольского приводится—кажется, впервые—и докладная записка царю, составленная Н. Н. Львовым и поданная А. П. Извольским, о необходимости конституционных реформ. Если верить Извольскому, записка эта произвела на царя большое впечатление, что не помешало ему продолжать править страной, «как при батюшке».

В воспоминаниях Извольского о Витте любопытно разоблачение, как Витте при помощи «золотого ключа» открывал «двери известных салонов в Петербурге».

Много интересного рассказывает наконец, Извольский о знаменитом государственном контролере П. К. Шванебахе. Извольь-

ский не только подтверждает сообщения о сношениях Шванебаха с австрийским послом в Петрограде, но сообщает, что после каждого заседания совета министров Шванебах немедленно посещал австрийского посла и подробно информировал его о том, о чем шла речь в секретных заседаниях совета министров, а посол сейчас же передавал об этом в Вену австрийскому министерству иностранных дел. Это не мешало Шванебаху слыть истинно-русским человеком, быть одним из столпов реакции и пользоваться благосклонностью Николая II. Вообще, при всем стремлении бывшего министра иностранных дел набросить на наше «недавнее доброе прошлое» легкий флер розового либерализма, книга его дает не мало материала—помимо воли автора—для усвоения истинной сущности этого доброго старого времени, безвозвратно канувшего в Лету. И хотя книга Извольского не дает всего того, что она могла бы дать, она дает достаточно много для того, чтобы стоило ознакомить с нею и русских читателей.

Л. Нежданов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическое положение России (1905—1906 г.г.).

Мое назначение на пост министра иностранных дел состоялось в мае 1906 года и совпало с открытием сессии первой Государственной Думы.

Я был diplomate de carrière, и со времени поступления на государственную службу посвятил себя исключительно вопросам внешней политики. Но в октябре предшествующего года известные события вынудили меня принять активное участие во внутренних делах России, что не осталось без влияния на решение императора Николая поручить мне управление министерством иностранных дел.

События, о которых я упоминаю, относятся к следующему.

Я был в то время посланником в Копенгагене, будучи переведенным на этот пост из Токио в 1903 году, за год до начала русско-японской войны. Этот пост рассматривался в дипломатическом мире, как весьма желанный, вследствие близости в отношениях между датской королевской фамилией и многими европейскими дворами, а также долгих и частых посещений, которые были в обычае у царя и у короля Англии по отношению к Копенгагену. Германский император также любил там появляться неожиданно и, как понятное последствие пребывания правителей Европы, столица Дании являлась в то время центром дипломатической деятельности, предоставляя иностранным представителям исключительно удобный случай иметь наиболее полную осведомленность. Двое из моих предшественников — барон Моренгейм и граф Бенкендорф—получили назначение после

Копенгагена в первоклассные посольства; третий, граф Муравьев, человек весьма средних способностей, заслужив личное расположение императора Николая, покинул Копенгаген, чтобы получить пост министра иностранных дел.

После смерти императора Александра III и королевы Луизы, которая получила наименование «тещи Европы», Копенгаген утерял несколько свою значительность, но тем не менее он оставался хорошим пунктом для наблюдений, и время от времени, хотя и с менее частыми промежутками, посещения то одного, то другого королевского родственника сообщали этому городу значительность былых дней. Как видно будет дальше из чтения этих мемуаров, я получил возможность в один из визитов короля Эдуарда, после долгих собеседований с ним, подготовить базу для соглашения, заключенного в 1907 году между Россией и Англией, которое оказало столь большое влияние на последующие события в Европе.

Лично, однако, я имел основания рассматривать свое назначение в Копенгаген, как проявление известной немилости, потому что в то время, когда я находился в Токио, я являлся решительным противником той «твердой» политики, которая была принята Россией по отношению к Японии и инспирировалась безответственной камарильей, имевшей большое влияние на императора.

Не исчерпывая до конца объяснения тех событий, которые вызвали русско-японскую войну, достаточно сказать, что в качестве представителя России в Токио я настойчиво рекомендовал принять примирительную позицию по отношению к Японии и заключить соглашение с этой страной по вопросам, касающимся Манчжурии и Кореи. Мои усилия в этом направлении имели своим последствием посылку в Европу такого достойного государственного деятеля, как маркиз Ито, в целях создать возможность сближения между Россией и Японией. Эта миссия, если бы она увенчалась успехом, была бы способна изменить весь ход событий и исключила бы возможность войны, но холодный прием, оказанный японским представителям в Петербурге, и медлительные ответы, которые давались им русским правительством, к несчастью, определили полный неуспех этого предприятия. Дальновидный представитель Японии в Лондоне счел необходимым поспешить с заключением англо-японского союза.

Уверенный в то время, что политика, принятая императором под влиянием Безобразова, адмирала Абазы и Алексеева, неизбежно должна привести к войне, и не желая быть простой игрушкой в этом деле, я попросил разрешения вернуться в Европу. По моем прибытии в Петербург, я был очень холодно принят императором, и советы, которые я пытался давать относительно дальне-восточных дел и в частности относительно наших взаимоотношений с Японией, систематически игнорировались. Было еще и другое основание для столь холодного приема. Я пользовался при дворе в Царском Селе репутацией «либерала», сочувственно относящегося к движению, которое успело уже проявить себя в то время в направлении необходимости конституционных реформ в России. Это, конечно, не могло предрасположить в мою пользу царя и еще меньше царицу, которая уже тогда проявляла реакционные тенденции. Хотя в то время она не успела еще приобрести того влияния, которое явилось столь доминирующим в последние дни существования монархии, однако, несомненно ее предубеждение являлось причиной лишения меня доверия императора. В виду этих обстоятельств казалось, что имелось очень мало шансов для меня получить дипломатическое назначение большей или меньшей важности; но с другой стороны вдовствующая императрица, дочь короля Христиана IX, относилась ко мне с большой благожелательностью. Это в значительной мере обусловливалось дружеским расположением, которое она питала к моей жене, выросшей, так сказать, на ее глазах (моя жена была дочерью графа Карла Толя, сына знаменитого генерала, носившего ту же фамилию и бывшего в течение многих лет русским посланником в Копенгагене). Царь, из чувства почтения к своей матери, никогда не назначал посланников в Копенгаген, не посоветовавшись сначала с ней. Таким образом случилось то, что, в соответствии с ее желанием, я получил назначение, очень почетное, несомненно, но назначение, не имевшее при обстоятельствах того времени никакого политического значения.

Время шло, и несчастные события русско-японской войны постепенно рассеивали иллюзии императора, заставляя его склоняться к признанию правильности моих предсказаний и к желанию предоставить мне более активную роль. К концу войны он решился выполнить свое намерение назначить меня

посланником в Берлин на пост, который оказался вакантным, ввиду ухода престарелого графа Остен-Сакена. Еще раньше я был осведомлен, что император предполагал использовать мои специальные познания в японских делах, которые я приобрел во время моего пребывания на Востоке. Как результат посредничества президента Рузвельта, переговоры о заключении мира в Портсмуте были почти предрешены, и император долгое время колебался в выборе полномочного представителя. Сначала этот пост был предложен посланнику в Париже Нелидову, затем посланнику в Риме Муравьеву. Оба ответили отказом; первый ссылался на свою неосведомленность в делах Дальнего Востока, второй—на плохое состояние своего здоровья.

Казалось, что благодаря этим отказам император остановит свой выбор на мне и что я в сорок восемь часов буду назначен главой делегации, которая должна была быть направлена в Америку. Но моя кандидатура встретила сильную оппозицию со стороны министра иностранных дел графа Ламсдорфа, защищавшего назначение Витте, с которым он был тесно связан, не только лично, но и политически.

В то время кандидатура Витте была особенно нежелательна для императора, который относился недоброжелательно к этому выдающемуся государственному деятелю и не вполне доверял ему даже тогда, когда ему был поручен весьма ответственный пост в империи в прошлом. Что касается меня, я совершенно уклонился от вопросов, которые являлись важными для того времени; с начала войны я принял себе за правило не касаться в моих официальных сообщениях дел, которые были в стороне от моего специального поручения, и воздерживаться от предложения каких бы то ни было советов, касающихся того трудного положения, в котором оказалось правительство. Тем не менее я был настолько убежден в величайшей важности личного влияния нашего представителя, которое могло иметь решающее значение в вопросе успеха или неудачи мирных переговоров, что решил нарушить мое молчание и написал письмо графу Ламсдорфу, в котором выразил мое глубокое убеждение со всей энергией, на какую только я был способен, что единственным человеком в России, который успешно выполнил бы столь сложное дело, является Витте. Мое убеждение основывалось на знании того исключительно престижа, который

приобрел Витте в Японии, и тех симпатий со стороны японцев, которые он приобрел в течение времени, предшествовавшего войне. Мое письмо получено было в Петербурге как раз в тот момент, когда граф Ламсдорф исчерпал все аргументы в пользу кандидатуры Витте и, как он сам мне говорил позже, оно помогло рассеять все сомнения императора.

Витте отправился в Америку и, как всякий знает,—с его выдающимся талантом, я бы сказал, с гениальностью,—он успешно завершил порученное ему дело. Император, соглашаясь на совет графа Ламсдорфа, выразил пожелание, чтобы я сопутствовал Витте в качестве второго полномочного представителя, но в это время Витте был настолько предубежден против меня, что настоял на назначении вместо меня моего преемника в Японии, барона Розена, которого он рассматривал, как наиболее послушного сотрудника.

Как бы то ни было, я не только никогда не сожалел о моем вмешательстве в пользу назначения Витте, но я убежден, что моим вмешательством я принес действительную пользу моей стране. Наиболее распространенным мнением среди общества в России является мнение о незначительных результатах, достигнутых Витте в Порсмуте; в этом, как и в других областях, его соотечественники и современники не совсем к нему справедливы. Лично я никогда не был в близких отношениях с Витте, наоборот, я вынужден был энергично оппонировать некоторым из его политических концепций, касавшихся вопросов внешней политики, но я считаю своим долгом воздать ему должное за то, что им было достигнуто в Портсмуте. Никто из профессиональных дипломатов не мог бы сделать того, что было сделано им. Дело требовало всей силы личного престижа этого «самоучки», влияния его личного авторитета на широкое общественное мнение американской демократии, чтобы получить для России, несмотря на ее неудачи, моральное преимущество над представителями противной стороны.. Одной из причин этого преимущества являлась та способность, с которой Витте сумел использовать прессу Америки и Англии, благодаря благожелательному и искусному содействию корреспондента «Daily Thelegraph», д-ра Э. Ж. Диллона. Этот замечательно талантливый публицист в течение долгого времени находился в близких дружеских отношениях с Витте и пользовался его полным доверием. Он сопровождал его в Америку, и без всякого коле-

бания я могу сказать, что значительная доля успеха русской делегации должна быть приписана усилиям доктора Диллона. В заключение к моим комментариям этого эпизода, я хочу прибавить, что, когда я впервые имел случай выступить перед Думой, то почел своим долгом защищать Портсмутский договор, хотя это требовало некоторой смелости в то особое время. Я с удовлетворением узнал, что Витте, несмотря на свое нерасположение ко мне и несмотря на свои большие ошибки, почувствовал ко мне, его явному политическому противнику, большую благодарность.

В то время, как происходили переговоры в Портсмуте, я оставался вдали от всякого участия в активной политике; но несколько позже, в октябре 1905 года, я был внезапно вовлечен в сферу деятельности, которая до сих пор была совершенно незнакома мне,—в решение вопросов внутренней государственной жизни. На этом пути я вошел в непосредственное соприкосновение с царем и стал одним из главных деятелей в той драме, которая разыгрывалась в то время в России. В эту историческую эпоху Россия переживала величайший внутренний кризис. Революционное движение, которое явилось в результате военных неудач русской армии в Манчжурии, завершилось всеобщей забастовкой, которая остановила не только железные дороги, но парализовала всю экономическую жизнь страны. Серьезные беспорядки произошли в провинции, и движение, принявшее угрожающие размеры, имело место по всей империи, в особенности в столице. Вдовствующая императрица, которая в то время жила в Копенгагене, была очень обеспокоена положением вещей, и ее разговоры со мной указывали на понимание ею положения. Я имел случай в этих разговорах попытаться советовать ей и через нее убедить царя в необходимости уступок, сделанных, пока еще не поздно,—разумным требованиям умеренной либеральной партии, с тем рассчетом, чтобы помочь этой партии сопротивляться в тогдашних чрезвычайно неблагоприятных условиях радикальным и революционным партиям. Мои усилия в этом направлении встретили энергичную поддержку со стороны брата императрицы, короля Фридриха VIII, человека большого чутья в политических делах, который впоследствии наследовал своему отцу, королю Христиану IX, на престоле Дании. Императрица решила написать своему сыну и советовать ему дать России конституционную хартию с его

собственного согласия, и это в то же самое время предрешало вопрос о моем отправлении в Петербург, чтобы передать письмо и явиться интерпретатором и защитником перед императором того совета, который давала вдовствующая императрица.

Это было трудное дело—быстро добраться в Петербург, так как поездка по стране, которая была поражена всеобщей железнодорожной забастовкой, представлялась невозможной. Пароходного сообщения между Россией и Данией не было. По требованию Фридриха, Датская Восточно-Азиатская компания предоставила в мое распоряжение один из почтовых пароходов, «St. Thomas», который как раз в это время находился в копенгагенском порту. Таким образом я имел возможность высадиться прямо в Петербурге. Путешествие было быстро, но не особенно приятно, так как «St. Thomas» был нагружен, а Балтийское море бывает наиболее неспокойным в этот период. В момент моего прибытия в Петербург кризис подходил к кульминационной точке. Я не хочу останавливаться в этих своих воспоминаниях на деталях тех трех недель, которые я провел в столице в эти исторические дни последней части октября 1905 года; достаточно сказать, что в эти три недели я был не только внимательным наблюдателем событий, которые имели место в связи с манифестом 30-го (17-го) октября 1905 года, но и принял участие в событиях, которые поставили меня в тесное соприкосновение с императором Николаем, точно так же, как с наиболее видными министрами и политическими деятелями того времени, особенно с графом Витте, который получил этот титул непосредственно после возвращения из Америки. Он был назначен председателем первого конституционного кабинета, и принял на себя дело установления новых форм организации управления империей. Он начал свое трудное дело с приглашения в Петербург лидеров либеральной и умеренно-либеральной партий, которые в то время находились на конференции в Москве, и с помощью которых он надеялся выполнить порученное ему дело. Среди них находились князь Львов (позже глава первого Временного Правительства 1917 г.), князья Урусов и Трубецкой, Гучков, Стахович, Родичев и Кокошкин. План гр. Витте намечал в согласии с ними правительственную програму и предполагал включение в кабинет некоторых из них. В течение этих переговоров я принял на себя энергичную защиту перед императором идеи образования жизне-

способного правительства, составленного из людей, искренно расположенных и способных воплотить в жизнь конституционные реформы, изложенные в манифесте, в целях ограничения влияния крайних элементов и сопротивления тем чрезмерным требованиям, которые предъявлялись революционерами. Среди лиц, приглашенных графом Витте, я имел несколько личных друзей, и я энергично убеждал их согласиться работать с графом, но, к несчастью, этот проект, который казался единственно возможным в то время, потерпел неудачу. Ни одно из лиц, приглашенных графом Витте, не согласилось сотрудничать с ним; политические страсти были слишком напряжены и партийная тирания слишком сурова, чтобы можно было бы с их стороны получить правильное решение. Я считаю даже теперь, что их отказ поддержать графа Витте являлся тяжелой политической ошибкой и большим несчастьем для России, так как этот отказ поставил его перед необходимостью ориентироваться в сторону реакционных и узко-бюрократических элементов для образования своего кабинета,—элементов, которые были совершенно непопулярны в стране и неспособны сообщить кабинету необходимую устойчивость перед лицом грядущей Думы. К концу моего пребывания в Петербурге положение не изменилось в благоприятную сторону: опубликование манифеста сопровождалось в провинции целым рядом беспорядков и анти-еврейскими погромами. Эти события застали врасплох графа Витте и вызвали непосредственно принятие контр-мер при дворе. Реакционная партия использовала случай, чтобы поднять голову и попытаться возобновить свое влияние на императора. Между этой партией и графом Витте завязалась ожесточенная борьба. После опубликования манифеста 30-го (17-го) октября граф Витте ожидал проявления взаимной уступчивости в различных общественных кругах, но вместо этого он сам оказался предметом жестоких нападок со стороны крайних правых и левых и объектом полного равнодушия со стороны умеренных либералов. Когда я покидал графа Витте, чтобы отправиться в Копенгаген, то был поражен пессимистическим характером следующего его замечания: «Манифест 17-го октября—сказал он—предотвратил немедленную катастрофу, но он не явился радикальным лекарством в создавшемся положении, которое до сих пор остается угрожающим. Все, на что я могу надеяться, это—сохранить положение без больших потрясений

до открытия Думы, но даже в осуществлении этой надежды я не могу быть вполне уверен. Новый революционный взрыв представляется всегда возможным». Подобный пессимизм со стороны столь энергичного человека мог поразить не только меня; он находил свое объяснение исключительно в том глубоком разочаровании, которое Витте испытал в связи с непосредственными результатами издания манифеста и сверх того — в отсутствии сочувствия со стороны либеральной партии, которое он не мог предвидеть; на это сочувствие он возлагал большие надежды. Участие, которое я принял в переговорах с умеренными либералами, делало совершенно естественной наличность наибольшего вероятия в назначении меня на пост министра иностранных дел в кабинете, который мог бы образоваться при их участии. Император, который в то время казался весьма искренно расположенным к идее образования такого кабинета, благожелательно относился к моей кандидатуре. Когда он принимал меня в прощальной аудиенции, он говорил мне, что граф Ламсдорф—типичный чиновник старого режима—не смог бы примениться к новому порядку вещей и вынужден будет уйти в отставку перед открытием Думы. Он указал также, что имеет в виду меня в качестве преемника графа Ламсдорфа. По возвращении в Копенгаген, я внимательно следил за развитием событий в России и все больше и больше убеждался, что движение шло к развязке. Граф Витте встретился с чрезвычайными затруднениями, и ни для кого не было секретом, что император, несмотря на свое признание чрезвычайных достоинств этого государственного человека, был тем не менее неспособен победить чувство недоверия и недоброжелательности, которое он столь долго питал к этому министру. Граф Витте со своей стороны с трудом скрывал свое нерасположение к наследнику Александра III, при котором он успешно работал и полным доверием которого он пользовался. Я попытаюсь позже наметить главные черты характера графа Витте. Он, несомненно, был большим государственным деятелем, даже гениальным, но его суровый характер в тот критический момент, который переживала Россия, являлся причиной неудач перед лицом тогдашних событий. Одной из причин, и не последней, неудач его карьеры была полная противоположность между ним и его монархом. Дело было в том, что Витте настаивал перед императором, ввиду событий, на быстром даровании реформ, что казалось

в то время единственно целесообразным. Либеральные идеи одно время имели успех при дворе, но постепенно реакционная партия возобновила свое прежнее влияние на Николая II, и для нее не составляло труда восстановить царя против Витте. Она инсинуировала, что граф Витте, как человек честолюбивый, стремится к уничтожению монархии и к провозглашению себя президентом русской республики. Я имею основание думать, что император неизбежно все больше и больше склонялся доверять этим инсинуациям. С своей стороны, я совершенно уверен в добром желании и честности усилий графа Витте в стремлении разрешить проблему без ущерба для монархического принципа или династии, и даже больше того, без ограничения императорских прерогатив, несмотря на то, что это казалось неизбежным, ввиду дарования конституционной хартии. Тогда я вновь прибег к дружескому расположению ко мне вдовствующей императрицы, которая продолжала жить в Копенгагене. Моей целью было предрасположить императора отнестись с доверием к графу Витте и оказать ему полную поддержку в осуществлении им его программы. Несколько писем такого рода были написаны императрицей своему сыну, но, видимо, они не имели успеха. Сам граф Витте не только обладал полным сознанием трудности своего дела, но все меньше и меньше был уверен в возможности довести его до успешного конца.

Манифест 30-го октября, обнародованный за шесть месяцев перед тем, как добровольный акт воли царя, должен был бы по мысли Витте успокоить недовольные элементы; но случилось так, что этот акт рассматривался революцонной партией, как вынужденный поступок императора, вызванный всеобщей стачкой. Эта партия открыто заявляла свою неудовлетворенность уступками, уже сделанными императорской властью, и указывала на необходимость дальнейшего применения того же самого метода, чтобы вырвать у власти другие и еще более широкие уступки. Революционная агитация возобновилась, но в то же самое время ей было противопоставлено движение, которое началось со времени всеобщей забастовки среди населения провинции. Это контр-революционное движение было организовано реакционной партией, которая образовала обширные организации, называемые «Союзом русского народа». Эта организация под покровительством местных властей образовала так называемую «черную сотню»,

рекрутировавшую своих членов из подонков общества, получивших задание выполнять антиреволюционные выступления. Манифест 30 октября, неспособный положить предел кризису, создал новую базу для ожесточенной агитации. Действительно, первые три месяца, следующие за объявлением конституционных свобод, были отмечены целым рядом кровавых событий, начиная с кронштадского восстания. Это восстание подало сигнал к другим беспорядкам во флоте, в Севастополе и в других местах. Поволжье и другие губернии становились театром аграрных беспорядков и еврейских погромов. Эти беспорядки были особенно ожесточенны в прибалтийских губерниях, где они приняли характер настоящей жакерии, и в конце концов, в декабре месяце, закончились вооруженным восстанием в Москве, которое было подавлено с помощью петербургской гвардии ценою величайшего кровопролития.

События этого времени значительно ослабляли позицию графа Витте, значение которого в это время систематически подрывалось одним из членов его кабинета, министром внутренних дел Дурново, бюрократом, которого Витте был вынужден привлечь, ввиду отсутствия поддержки со стороны либералов. Дурново, будучи в течение долгого времени чиновником полицейской службы, являлся человеком столь же прямолинейным, сколь честолюбивым; но с другой стороны он был одарен замечательной интеллигентностью и энергией. Раньше он оставался в тени, благодаря знаменитому генералу Трепову, всевластному начальнику полиции, занимавшему этот пост в период времени, предшествующий объявлению манифеста 30 октября, а в то время, которое мы теперь описываем, являвшемуся комендантом императорских дворцов,—должность, которая доставляла ему возможность ежедневно видеться с императором и играть на его нерешительности и предубежденности. То обстоятельство, что Дурново занял все же столь ответственный пост, являлось результатом особого расположения к нему царицы, реакционные настроения которой не составляли секрета. Благодаря всем этим обстоятельствам, Дурново, являясь душой реакционной партии, получил возможность оказывать преимущественное влияние на императора, которому он с большой настойчивостью советовал уничтожить конституционную хартию и восстановить прежнее автократическое правительство. Сам царь, казалось, все более и более склонялся к выполнению этих советов. В

декабре месяце 1905 года на приеме монархической депутации, которая подала петицию о восстановлении самодержавия, царь высказывал еще, что манифест 30 октября явился «выражением его непреклонной воли и не может быть ни в коем случае изменен». Но несколькими неделями позже он ответил другой депутации, которая настаивала на отставке графа Витте и протестовала против установления равноправия евреев, что он является единственным носителем власти и признает себя ответственным только перед богом. Кроме того, он прибавил: «свет правды скоро воссияет и все станет ясным; сыны России, соединяйтесь и будьте наготове». Этот загадочный язык, окрашенный мистицизмом, знаменовал собою успех, достигнутый реакционной партией, и в ближайшем будущем явился точкой отправления для анти-революционного реванша. Несмотря на эти тревожные симптомы, положение резко изменилось только в начале марта. Следуя советам графа Витте, император выпустил новый манифест, сопровождавшийся двумя указами, определившими новый государственный строй империи, согласно с принципами, изложенными в манифесте 30 октября. Законодательная власть была предоставлена двум палатам: Государственному Совету или Верхней Палате, с составом наполовину назначенным, наполовину выборным, и Думе, все члены которой были избираемы. Такая организация давала России полную конституционную систему, которая, несмотря на некоторые недостатки, являлась тем не менее решительным шагом вперед, и благодаря этому искренно приветствовалась всеми, включая и меня, кто представлял умеренные либеральные круги. Умеренно-либеральная партия, которая приняла наименование «октябристов», продолжала оставаться в оппозиции к графу Витте, базируясь скорее на личной, чем на политической почве, но заявляла себя готовой и расположенной поддерживать всякий кабинет, который искренне проявит стремление к проведению либеральных реформ. С другой стороны, более крайние либералы, оффициально называвшие себя конституционно-демократической партией (сокращенное название к.-д., благодаря игре слов превращенное в «кадеты»), оставались враждебными, настаивая на том, что права, предоставленные Думе, недостаточны, особенно в том, что касается бюджетного права и права интерпелляции. Кадеты, которые были очень хорошо организованы, подготовили чрезвычайно широкую избира-

тельную кампанию, положив во главу угла своей программы требование расширения прав Думы, открытие которой должно было состояться 10 мая. Чем ближе подходило это время, тем все более и более становилось очевидным, что отставка графа Витте являлась неизбежной, ввиду недоверия к нему со стороны императора и оппозиции всех политических партий. Несколько известных государственных деятелей намечались в качестве его заместителей—все принадлежали к бюрократии, и в числе намечаемых изменений на министерских постах, среди прочих, значилось и мое имя, как кандидата на пост министра иностранных дел. Это предполагаемое назначение, приемлемое для меня при других условиях, если бы кабинет мог образоваться из людей, близких мне по своим политическим воззрениям, не являлось в то время для меня желательным, особенно потому, что мне пришлось бы работать с группой бюрократов, которые неизбежно должны были притти в столкновение с Думой. Кроме того, будучи в течение 3-х лет в стороне от активной дипломатической деятельности, я чувствовал себя недостаточно подготовленным для работы по управлению внешними делами моей родины, в особенности в столь смутное и критическое время. Я решил тогда же попытаться убедить императора поставить во главе министерства иностранных дел старейшего и наиболее испытанного дипломата, каким, например, являлся Нелидов, и назначить меня, как то было предположено раньше, в одно из ответственных посольств с тем, чтобы я имел возможность лучше познакомиться и войти в курс вопросов европейской политики. В марте месяце я получил трехнедельный отпуск и уехал в Париж и Лондон, где я намеревался ознакомиться с общим политическим положением и повидаться с посланниками в этих столицах—Нелидовым и графом Бенкендорфом, рассчитывая также встретиться в Париже с нашим посланником в Риме—Муравьевым. Я был в очень близких отношениях со всеми тремя, и, при полной согласованности с ними в моих взглядах, относительно руководящих политических вопросов дня, мне было особенно важно рассмотреть с ними международное положение с внешними и внутренними затруднениями, которые в то время испытывала Россия. Я надеялся также получить согласие Нелидова относительно плана, который я намеревался предложить императору.

Мое пребывание в Париже и в Лондоне было весьма успешно, так как оно дало мне возможность достигнуть полного единения во взглядах между мною, Нелидовым, графом Бенкендорфом и Муравьевым относительно желательной линии политики России. И это была именно та линия политического поведения, которая была предложена мною царю, когда всего несколько недель спустя я был назначен на пост министра иностранных дел, и которая в конечном счете привела к соглашению, ставшему впоследствии известным миру под именем «Тройственного Согласия».

Это единство наших взглядов красной нитью проходило через все время пребывания моего на посту министра иностранных дел, и я с чувством глубокой признательности отдаю должное памяти этих трех выдающихся политических деятелей, которые в любое время оказывали мне столь просвещенное и столь лойяльное содействие, и из которых ни один—увы!—не числится в настоящее время в списках живых.

С другой стороны, мой проект склонить Нелидова выдвинуть его кандидатуру на пост министра иностранных дел встретил с его стороны категорический отказ, и у меня ничего другого не оставалось, как приняться самому, совершенно против моей воли, за дело, которое представляло в тех условиях величайшие трудности.

Мое посещение Парижа и Лондона совпало с чрезвычайно интересной политической фазой—с последними днями Алжезирасской конференции. Прения в Алжезирасе подводили, так сказать, итоги дипломатической работе, которая была произведена Европой за истекший год, и мне было чрезвычайно интересно осведомиться о том, что делалось за кулисами этой конференции. Нелидов и граф Бенкендорф с величайшей доброжелательностью посвящали меня во все детали сложной игры соперничающих интересов, которые обнаруживались в течение этой памятной дипломатической встречи.

Это время было отмечено инцидентом, которому историки конференции уделили только небольшое внимание, но который, с моей точки зрения, имел громадное влияние на взаимоотношения России и Германии и, следовательно, на последующие европейские события.

Я имею в виду циркулярную ноту графа Ламсдорфа, приглашавшую русских представителей следовать за прави-

тельствами, присоединившимися на конференции к инструкциям, которые были преподаны русским уполномоченным в Алжезирасе относительно чрезвычайно острого вопроса о полиции. Содержание этого циркуляра положило конец слухам, исходящим из Берлина, о том, что Россия будто бы отказалась поддерживать Францию в этом спорном вопросе и всецело присоединилась к германской точке зрения. Нелидов, обеспокоенный этими слухами, признавал необходимым успокоить общественное мнение Франции и в этих целях сообщил содержание циркулярной телеграммы французскому журналисту Тардье, который опубликовал ее в газете «Temps». Это вызвало взрыв негодования со стороны германского императора, который расценил это не только как поддержку Франции Россией, но почувствовал себя лично задетым теми комментариями, которыми сопровождалось опубликование телеграммы.

Он, не колеблясь, начал публично критиковать Николая II в очень резких выражениях за черную неблагодарность царя по отношению к Германии, и в то же время, германская пресса, указывая на заслуги Германии перед Россией во время русско-японской войны, предприняла бешеную кампанию против русской дипломатии, действуя несомненно по указке правительства. В конце концов немецкие банки решили воздержаться от участия в русском займе, переговоры о котором велись в Париже и часть которого должна была быть предоставлена немецким финансистам.

Несколько позже, когда по моим обязанностям министра иностранных дел я получил полную осведомленность о той настойчивости, с которой кайзер старался привлечь Николая II к заключению союза с Германией, я имел возможность отчетливо понять действительные причины гнева и печали германского императора.

Его временный успех в этом направлении, достигнутый благодаря известной встрече в Биорке, с этого времени был совершенно утрачен, как об этом будет рассказано в следующей главе, в которой я также объясню, каким образом план кайзера был нарушен вмешательством графа Ламсдорфа. В то время, о котором я рассказываю, германский император не потерял еще надежды привлечь царя к выполнению соглашения в Биорке, но опубликование депеши графа Ламсдорфа должно было окончательно убедить его в неудаче задуманного плана, и он в течение многих лет питал скрытое нерас-

положение к Николаю II, пока не решился сбросить с себя маску в августе месяце 1914 года.

Инцидент с депешей графа Ламсдорфа имел курьезный эпилог в Берлине. Князь фон-Бюлов, будучи запрошен по этому поводу Бебелем в рейхстаге, встал, чтобы ответить, но тотчас же упал в обморок. Хотя его здоровье вскоре восстановилось, но тем не менее он должен был на некоторое время устраниться от политической жизни. Несомненно, что если бы его ответ не был столь внезапно прерван, общество было бы осведомлено о столь радикальной перемене в русско-германских отношениях.

Во время моего пребывания в Париже и Лондоне я узнал первые результаты выборов в Думу. Эти результаты явно показывали, что кадеты одержали полную победу не только над реакционерами, но также и над октябристами.

Победа кадетов обусловливалась главным образом их великолепной организацией, но правительство или, вернее, Дурново весьма содействовали этому успеху, так как слепые и жестокие преследования со стороны полиции приводили в отчаяние наиболее умеренные элементы страны. Это подкрепило мою уверенность в том, что новый кабинет, тогда образованный, должен в скором времени вступить в конфликт с Думой, и я почувствовал еще большее нерасположение к вопросу о своем вхождении в этот кабинет.

Вскоре по моем возвращении в Копенгаген я был вызван императором в Петербург, чтобы заместить графа Ламсдорфа.

Мне ничего не оставалось, как только повиноваться, и я прибыл в Петербург в самый день открытия Думы, как раз во-время, чтобы присутствовать на известной церемонии в Зимнем дворце. Император в этот день принял отставку графа Витте, и назначил премьер-министром Горемыкина. Затем последовало полное персональное изменение состава кабинета. Я имел твердое намерение остаться в стороне, но император воззвал к моей лояльности в таких выражениях, которые исключали всякую возможность настаивать на отказе, и несколько позже мое назначение на пост министра иностранных дел было опубликовано.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Секретный договор в Биорке.

Прежде чем говорить о моем вступлении в отправление новых обязанностей, представляется необходимым обрисовать то общее политическое положение Европы, которое существовало в то время и в сопоставлении с которым я коснусь того эпизода, который представляет громадный интерес для общественного мнения Франции и Англии. Я говорю о секретных переговорах между царем и германским императором, которые имели место в Биорке летом 1905 года.

Опубликование этого секретного договора русским революционным правительством в 1917 году, вместе с телеграфной корреспонденцией, которой обменялись в то время русский и германский императоры, вызвало многочисленные возражения и полемику в литературе. Некоторые из книг и газетных статей, трактовавших этот вопрос, обвиняли императора Николая в измене своему союзнику—Франции; другие, написанные в более умеренном духе, по необходимости были неполны, так как их авторы не располагали первоисточниками.

Биоркский договор был подписан за год до того, как мною было принято управление иностранной политикой моей страны, и поэтому я не играл непосредственной роли в этом эпизоде, но по должности министра иностранных дел я имел возможность ознакомиться со всеми обстоятельствами, сопутствующими этому факту. Я убежден, что я не выполнил бы своего долга, если бы не попытался дать свое показание в дополнение к той дискуссии, которая неизбежно была извращена полемикой.

Но, отводя значительное место этому эпизоду, я ставлю себе целью не только восстановить истинное освещение фактов; обстановка заключения секретного договора дает возможность понять в ясной и определенной форме общее международное положение, которое я застал, когда принял на себя мои новые обязанности. Поэтому я считаю себя обязанным рассмотреть первоисточник последующих событий, и мое повествование было бы неполным и, даже больше того, не вполне понятным, если бы я не коснулся деталей и причин описываемого мною эпизода.

Международное положение, которое создалось к весне 1905 года, было чрезвычайно сложно.

Несчастная война с Японией не только вызвала ослабление России, но пошатнула все здание европейской политики.

Эта политическая система долгое время базировалась на равенстве сил, точно определенных: двойственное соглашение между Россией и Францией контрбалансировалось тройственным союзом между Германией, Австро-Венгрией и Италией. Непосредственное и естественное последствие ослабления России войной и позже революцией, которая была вызвана военными неудачами, ставило в опасное положение двойственный союз. Как в Париже, так и в Лондоне ясно сознавалось, что равновесие сил не может быть восстановлено, если Англия не откажется от своей традиционной политики «полного одиночества» и не войдет в наиболее тесное сотрудничество с Францией. Наиболее важным шагом в этом направлении нужно признать англо-французское соглашение 1904 года относительно Египта и Марокко, предпринятое по инициативе короля Эдуарда VII. Это соглашение ускорило и быстро оформило то, что принято называть Entente Cordiale. За время русско-японской войны это entente было испытано наиболее действительным способом в вопросе о мирном разрешении конфликта между Россией и Англией, которая готова была склониться к вооруженному столкновению из-за инцидента [1], имевшего место у Доггер-Банк.

---

[1]) Инцидент у Доггер-Банк произошел в ночь на 21-е октября 1904 года, когда флот адмирала Рожественского направляясь, на Дальний Восток, проходил Северное море. Повстречавшись с флотилией гулльских рыбаков и предполагая, что он окружен японскими истребителями, о пребывании которых в этих водах было сообщено русским бюро информаций,

С другой стороны, германский император, который делал все возможное, чтобы подвинуть царя на политику авантюр на Дальнем Востоке, пользовался в это время всяким удобным случаем, чтобы испортить отношения между Россией и Англией.

адмирал приказал открыть огонь. Один из английских траулеров затонул и несколько других получили серьезные повреждения. Один из русских крейсеров—«Аврора»—также пострадал. Адмирал Рожественский несомненно узнал на следующее утро о своей ошибке, но тем не менее он продолжал без остановки свой путь и настаивал на версии об японской атаке. Этот инцидент вызвал громадное негодование в Англии и едва не повел за собою разрыв с Россией. Будучи в то время посланником в Копенгагене, я, естественно, первым получил известие о том, что в действительности произошло в Северном море. Несколькими днями раньше я имел случай посетить флот, во время его прохода через Большой Бельт, и я мог видеть, в каком нервном приподнятом состоянии находились адмирал и многие из его офицеров, чтобы понять, какое впечатление должно было произвести на них известие о появлении японских истребителей в европейских водах. Это известие исходило от одного лица, которое называло себя Гартинг, но чье настоящее имя было Ландезен,— анархист в прошлом, который поступил на службу русской полиции и позже сделался начальником тайной русской полиции в Париже. Он несколько раз приезжал в Копенгаген и сообщал мне о появлении японских истребителей в европейских водах. Не доверяя ему, я собрал сам справки по этому поводу и вскоре убедился в фантастичности его сведений, причем единственной целью, которую он преследовал, было получение возможно большей суммы денег от русского правительства. Я считал своим долгом сообщить об этом кому следовало в России, но мои предупреждения остались тщетными.

С своей стороны я сделал все, чтобы предохранить русский флот от опасности, но не со стороны японских истребителей, а от последствий той поспешности и неорганизованности, с которыми был предпринят проход через Большой Бельт. Я получил от датского правительства не только помощь лоцманами, но также и сторожевыми судами, которые были расставлены с таким рассчетом, чтобы указывать все опасные пункты на протяжении всего пролива. Прохождение через Большой Бельт не сопровождалось ни замешательством, ни каким-либо несчастным случаем, но сейчас же после удачного прохода проливов произошел инцидент, который к счастью не имел серьезных последствий. Адмирал, встретив несколько грузовых норвежских судов и приняв их за японских истребителей, произвел несколько выстрелов, которые однако не достигли цели. Впоследствии я не особенно был удивлен, когда узнал, что произошло в Северном море несколько позже.

Несколько времени спустя, я получил показания от одного очевидца, который сопровождал адмирала и, покинув флот в Танжере, вернулся обратно в Копенгаген. Его показания были пересланы мною русскому правительству, которое отказалось верить им и продолжало питать доверие к версии адмирала Рожественского.

В конце концов, французское правительство, воспользовавшись своим

Правитель Германии давно питал надежду изолировать Англию и путем перегруппировки европейских держав образовать на континенте анти-британский союз. Подобная группировка временно была осуществлена в 1895 году, когда Россия, Франция и Германия объединились в вопросе о предъявлении ультиматума Японии после Симоносекского мира. Император Вильгельм являлся душой этой комбинации, к которой Франция присоединилась только скрепя сердце, Россия относилась более или менее безразлично и от участия в которой Англия благоразумно воздержалась. Эта комбинация была непродолжительна, но тем не менее она имела тяжкие последствия, так как именно ей следует приписать исходные причины, вызвавшие беспорядки, которые имели место на Дальнем Востоке в 1900 году и, впоследствии, несчастный конфликт между Россией и Японией.

Действительно, после того как была предпринята дипломатическая процедура, чтобы изгнать Японию с азиатского материка, сам германский император поспешил занять Киао-Чао и посоветовал царю захватить Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, который только что был выхвачен из рук Китая. Этот поступок, аморальный сам по себе, вызвал сильнейшее раздражение, как со стороныКитая, так и со стороны Японии. В Китае это послужило сигналом к боксерскому движению, вызвавшему военное вмешательство европейских держав, и послужило предлогом для оккупации Россией части Манчжурии. В Японии это вызвало громадное негодование против России за ее участие в деле лишения Японии плодов ее победы. Позже то обстоятельство, что царь склонился к активной

дружескими отношениями как с Россией, так и с Англией, настояло на мирном разрешении конфликта, что привело, согласно гаагской конвенции 1899 г., к образованию следственной комиссии, составленной из французских, американских и австрийских делегатов, которая работала в Париже под председательством адмирала Фурьеве. Очень обстоятельный доклад этой комиссии совершенно определенно устанавливал ошибку, жертвой которой сделался адмирал Рожественский, но признавал его добрые намерения и устранил всякие нарекания на проявленную будто бы им жестокость. Россия, конечно, с большой предупредительностью возместила все причиненные этим инцидентом убытки. Следует отметить также, что, благодаря дружескому содействию Франции в работах этой комисссии, этот печальный инцидент не только не испортил отношений между Россией и Англией, но даже предрасположил обе нации к дружескому сближению в будущем.

политике на Дальнем Востоке, снова не обошлось без влияния императора Вильгельма; в этом отношении характерна знаменитая телеграмма, которой кайзер, после встречи в Ревеле, приветствовал императора Николая, давая ему помпезный, но совершенно иллюзорный титул «адмирала Тихого Океана».

Наиболее характерным для императора Вильгельма является тот факт, что в тот самый момент, когда он толкал царя на конфликт с Японией, он употреблял все усилия, чтобы содействовать заключению англо-японского союза, который укрепил Японию и увеличил шансы на конфликт ее с Россией; посмертные записки графа Гаяши, относящиеся к договору, которые были опубликованы в Токио в 1913 году, не оставляют никакого сомнения на этот счет. С другой стороны, слишком очевидно, что Германия ничего не проигрывала и кое-что выигрывала, вследствие войны между Россией и Японией; если бы Россия вышла из этой войны победоносной, она на много лет оказалась бы занятой дальне-восточными делами, и вся ее энергия была бы направлена в сторону подготовки к возможному реваншу со стороны Японии; в случае поражения, она была бы ослаблена и унижена. Во всяком случае влияние Германии пропорционально возросло бы, и ее император стал бы арбитром Европы.

Так и случилось, и план кайзера великолепно оправдался последующими событиями. Россия пострадала больше, чем кто-либо мог это предвидеть. В течение всей войны кайзер пользовался всяким удобным случаем, чтобы указать на услуги, которые он оказал России и за которые он стремился получить благодарность императора Николая. В действительности участие кайзера в поддержке того положения, которое Россия должна была сохранить на западном фронте, имело своей целью толкать Россию все дальше и дальше на пути поражений на Дальнем Востоке; впоследствии Германия весьма выгодно компенсировала себя за эти мнимые заслуги, путем заключения торгового договора, чрезвычайно выгодного для Германии и убыточного для России. Разве граф Витте, которому пришлось подписать этот договор, не был прав, говоря, что его последствия были равнозначущи тяжелому бремени войны, которое было возложено на Россию?

Мы видели, что император Вильгельм не пренебрегал никакими средствами, чтобы оживить чувство недоброжелатель-

ства, которое царь питал к Англии, и что он пользовался всяким удобным случаем, чтобы вызвать сближение между Англией и Японией.

Ничто не может быть более характерным в этом отношении, как секретные телеграммы, которыми обменивались оба императора и которые были найдены русским революционным правительством в архивах Царского Села и опубликованы по его распоряжению в русской и иностранной периодической печати [1]).

Так, например, по поводу инцидента у Доггер-Банк он телеграфировал императору Николаю от 30-го октября, т.-е. уже тогда, когда не оставалось никаких сомнений в отсутствии японских истребителей в Северном Море:

«Узнал из частного источника, что гулльские рыбаки уже признали, что они заметили иностранные военные суда, не принадлежащие к их рыбачьей флотилии. Таким образом это событие является нечестной игрой. Я полагаю, что британское посольство в Петербурге должно было знать об этом».

Когда не было удобного случая, подобного этому, кайзер с величайшей заботой собирал и сообщал императору Николаю всякого рода слухи и сплетни, рассчитанные на то, чтобы увеличить нерасположение его к Англии; Вильгельм не стеснялся даже фабриковать ложные известия, когда это казалось ему выгодным.

Позвольте привести, например, его телеграмму от 15-го ноября:

«Из достоверного источника в Индии я получил секретное извещение о том, что так называемая экспедиция в Тибет на самом деле подготовляется для Афганистана. Целью является раз и навсегда подчинить эту страну британскому влиянию и, если возможно, прямому сюзеренитету. Экспедиция отправляется в конце этого месяца. Один из германских подданных, директор оружейного завода Эмира, убит, в качестве «предисловия» к этому действию».

На самом деле, об «английской экспедиции в Афганистан» было сообщено в английской прессе в самом начале

---

[1]) Оба императора говорили и писали по-английски; и оригиналы телеграмм, найденных в Царском Селе, были опубликованы в «New York Gerald» в сентябре и октябре 1917 г. Цитируемые здесь телеграммы взяты из того же самого источника.

месяца, и это была политическая миссия в Кабул, которая оставалась там в течение всего нескольких недель.

И разве следующая телеграмма кайзера, датированная 19-го ноября, не является вероломным советом? Несмотря на ее объем, ее следует привести полностью.

«Ламбсдорф [1]) отправляется сегодня вечером с письмом. Мое сообщение относительно Индии, изложенное в последней телеграмме, согласуется с содержанием речи лорда Сельберна, который коснулся афганистанского вопроса. Я узнал из достоверного частного источника, что токийские власти озабочены перспективами войны. Они выражают свое недоумение по поводу отсутствия ощутительного успеха под Ляояном, отмечая громадные потери людьми, в виду чего они не располагали свежими резервами. Постоянное поступление свежих батальонов из России является для них совершенно неожиданным, так как они никогда не думали, что сибирская железная дорога способна осуществлять перевозку столь успешно. Вследствие этого, они начинают понимать, что хотя они и располагают кадрами, главным образом офицерскими, но твоя армия ежедневно возрастает и по количеству, и по силе и что военное счастье медленно, но верно направляется против них.

Один японский генерал сказал крылатое выражение: «Ту кашу, которую мы заварили, мы сами же должны будем теперь расхлебывать». Мои подозрения, что японцы тайно пытаются привлечь некоторые державы к посредничеству, в виду того, что они теперь достигли вершины успеха, оказываются правильными. Лансдоун запросил Гаяши сообщить Англии условия, на которых Япония считала бы возможным заключить мир. Из Токио они были сообщены, но оказались настолько нелепыми, что даже отважный Лансдоун счел их слишком невыполнимыми и поторопил Гаяши сообщить об этом в Токио. Когда там сделали недовольное лицо, Лансдоун прибавил: «Конечно, Англия приложит все усилия, чтобы варварская Россия была изгнана из Манчжурии, Кореи и т. д., т.-е. фактически Япония может получить все, что она пожелает». Такова точка зрения Англии в то время, когда

---

[1]) Это лицо не было русским министром иностранных дел в этот период; это—германский офицер с похожей фамилией, которого кайзер посылал к царю в качестве attaché лично.

она говорит о дружбе и дружеском посредничестве. Франция, как я слышал от японцев, уже осведомлена об этих планах и, конечно, является сторонницей такого предложения, принимая, как это и следует согласно нового entenrte cordiale, сторону Англии. Они предполагают предложить тебе кусок Персии, в качестве компенсации, конечно, в достаточном расстоянии от берега Персидского залива—это само собою разумеется,—который Англия сама предполагает аннексировать боясь, что ты сможешь продвинуться к теплому морю, которое должно принадлежать тебе по праву, так как Персия неизбежно должна попасть под контроль и управление России. Вероятно твои дипломаты сообщат тебе об этом раньше, но несмотря на это я считаю своим долгом известить тебя о том, что мне известно, и обо всем, что мною получается из совершенно достоверного источника. Слова Лансдоуна совершенно совпадают с этими сведениями. Таким образом ты можешь видеть, что будущее твоей армии благоприятно и ты сможешь скоро оказаться в состоянии опрокинуть твоих врагов. Да даст тебе бог полный успех, а я продолжу свою бдительность в твою пользу.

Наилучшие пожелания Алисе.

Вилли».

В этой телеграмме германский император очевидно не только стремится восстановить царя против Англии, но даже пытается поселить сомнение в нем относительно лойяльности Франции. Другие телеграммы обнаруживают подобные же попытки в этом же направлении.

В одной из них он сообщает о намечающемся плане со стороны Англии и Франции «возродить прежнюю крымскую комбинацию», в другой он обвиняет Францию, которая «совершенно откровенно покинула Россию во время войны, тогда как Германия помогает России всеми возможными способами».

Телеграфная корреспонденция между двумя государями дает возможность проследить день за днем возрастающие усилия императора Вильгельма склонить царя к осуществлению его проекта образования анти-британского союза. Несчастный оборот военных событий предрасполагал Николая II относиться с доверием к своему кузену, который имел возможность показать свои карты достаточно полно, вплоть до предложения заключить договор между Россией, Германией

и Францией, долженствующий «положить конец английской и японской наглости».

Но в тот самый момент, когда кайзер думал, что он достиг своей цели, наметилось серьезное расхождение между ними: германский император настаивал на немедленном подписании договора с Россией без предварительного осведомления Франции, которая должна была присоединиться позже; царь категорически отказался дать свое согласие на это из чувства лойяльности и расположения по отношению к Франции.

Следующая телеграмма, адресованная им германскому императору 23-го ноября 1904 года, показывает эти его отношения к Франции:

«Прежде чем подписать предполагаемый договор, я считаю необходимым представить его на рассмотрение Франции; за то время, пока он не будет подписан, каждый может внести известные изменения в детали текста и после того, как он будет одобрен нами двумя, можно попытаться настоять перед Францией на подписании договора. С этой стороны можно ожидать неудачи, но тем не менее я прошу твоего согласия познакомить французское правительство с этим проектом и после получения от него ответа осведомить тебя о нем по телеграфу».

Теперь совершенно ясна мысль кайзера «принудить Францию подписать договор», так как он поспешил ответить императору Николаю следующей телеграммой, которую я не могу не привести полностью, по тем соображениям, что с первой строки до последней она представляется мне чрезвычайно характерной:

«Большое спасибо за телеграмму. Ты дал мне новое доказательство твоей исключительной лойяльности, решая не извещать Францию без моего согласия. Несмотря на это, я глубоко убежден, что извещать Францию раньше, чем мы оба подпишем договор, весьма опасно. Это вызовет последствия, диаметрально противоположные нашим желаниям. Что единственно и абсолютно необходимо, так это полная уверенность в том, что мы оба, связанные договором и обязанные взаимной поддержкой друг друга, заставим Францию повлиять на Англию оставаться спокойной и сохранять мир из опасения, что позиция Франции стоит под ударом. В случае, если Франция будет осведомлена, что русско-германский договор только проект, еще не подписанный, она немедленно сообщит

об этом своему другу, если только не тайному союзнику— Англии, с которой она связана entente cordiale. Последствием такого осведомления несомненно явится немедленное нападение обеих союзных держав—Англии и Японии—на Германию в Европе так же, как и в Азии. Их громадные морские силы быстро сделают свою работу относительно моего маленького флота, и Германия оказалась бы временно обессиленной.

Это нарушило бы равновесие сил во всем мире к нашей взаимной невыгоде, и позже, когда ты приступишь к мирным переговорам, оставило бы тебя одного на милость Японии и ее торжествующего союзника.

Моим большим желанием и, насколько я понял, и твоим намерением также было поддержать и усилить равновесие сил в мире, путем заключения соглашения между Россией, Германией и Францией. Это возможно только при том условии, чтобы договор раньше стал фактом, если мы придем к окончательному соглашению в какой угодно форме. Предварительное осведомление Франции поведет к катастрофе.

Если, ты, однако, полагаешь, что для тебя невозможно заключение договора со мной без предварительного осведомления Франции, тогда мне придется воздержаться совершенно от заключения какого-либо договора. Конечно, я сохраню полное молчание относительно наших переговоров, как это сделаешь и ты; подобно тому, как ты осведомил об этом только Ламедорфа [1]), так и я говорил только с Бюловым, который гарантировал полное сохранение тайны. Наши взаимные отношения и чувства останутся неизменными, как и раньше, и я постараюсь оказаться полезным тебе в будущем, поскольку обстоятельства позволят это. Твое согласие на нейтралитет сообщено мне австрийским императором, и я благодарю тебя за твою телеграмму, делая то же самое. Я считаю это очень важным и вполне к этому присоединяюсь. Наилучшие пожелания».

Эти аргументы оказались недостаточно вескими, чтобы повлиять на возражения императора Николая, и в декабре

---

[1]) В действительности, граф Ламсдорф, русский министр иностранных дел, не был осведомлен императором Николаем относительно предполагаемого договора.

месяце предполагаемый договор казался окончательно несостоявшимся.

С этих пор мы видим, как кайзер возобновляет по другому направлению свои усилия, чтобы склонить царя к заключению союза.

В это время Англия чинила затруднения в доставке английского угля для русского флота, и германский император воспользовался этим случаем, чтобы предложить России помощь германского торгового флота, и получил взамен от русского правительства декларацию, что «Россия с своей стороны обязуется поддерживать Германию всеми мерами, имеющимися в ее распоряжении, в вопросе о затруднениях, которые могут оказаться налицо по доставке угля русскому флоту в течение настоящей войны».

Этим ограничилась попытка заключить договор, но это было только половинным успехом императора Вильгельма, который после нескольких месяцев отсутствия возобновления попыток, окончательно решил к концу лета 1905 года нанести решительный удар. Если он не был способен убедить царя посредством телеграмм, говорил он себе, он мог бы достичь цели при личном свидании со своим кузеном. На это он мог рассчитывать совершенно определенно, так как всегда, когда оба императора бывали вместе, порывистая личность германского императора неизменно доминировала над слабой и менее одаренной личностью Николая II, который, с своей стороны, совершенно сознавал это неравенство и не чувствовал себя способным сопротивляться силе убедительности своего кузена. В ряде случаев я отмечал ту нервозность, с которой царь ожидал приближающейся встречи с императором Вильгельмом, род страха, который не покидал его до того, как оканчивалось свидание.

Легко понять, почему кайзер решил сделать неожиданный визит императору Николаю.

В виду несогласий между Швецией и Норвегией, которыми был отмечен этот год, германский император отложил свою обычную прогулку по норвежским фиордам и посетил Балтику, соприкасающуюся со шведским берегом. В свою очередь, царь посетил воды финляндского архипелага близ Выборга, утомленный переживаниями этого тревожного лета в России. 23-го июля все были удивлены неожиданным появлением кайзера на борту «Гогенцоллерна», на путях

к Биорке, где в то время стояла царская яхта «Полярная Звезда». Именно там состоялось знаменитое свиданье, во время которого был подписан тайный договор, который вызывал столь живой интерес и комментарии, вплоть до того времени, когда он был опубликован русским революционным правительством.

Нет никакого сомнения в том, что свиданье в Биорке было вызвано инициативой императора Вильгельма, вопреки заявлениям германской прессы, инспирированной с Вильгельмштрассе, приписывающим эту инициативу царю.

Телеграфная корреспонденция обоих монархов по этому поводу достаточна, чтобы установить истину, но еще более важно отметить, что германский император великолепно знал, что царь будет в Биорке окружен только своей семьей и ближайшей свитой и что граф Ламсдорф, чья оппозиция заставляла его очень опасаться, не был включен в число лиц царской свиты; он был предупрежден об этом и о выезде из Петербурга на несколько часов позже. В конце концов, когда в своих телеграммах кайзер предлагал встретиться с царем, он настаивал на полной секретности его проекта, и тайна была настолько хорошо охраняема, что ни один человек на борту «Гогенцоллерн», никто в Германии и тем более в России не знал ни одной фразы этого договора, вплоть до последнего времени.

Ниже я привожу статьи секретного договора, подписанного в Биорке, в том виде, как он был найден русским революционным правительством в архивах Царского Села и опубликован вместе с телеграфной корреспонденцией, которой обменивались императоры до и после подписания договора.

«Их императорские величества, император всероссийский с одной стороны, и император германский с другой, в целях упрочения мира в Европе, пришли к соглашению по следующим пунктам договора, нижеизложенного и определяющего оборонительный союз:

Статья I. Если какое-либо из европейских государств нападет на одну из империй, другая договаривающаяся сторона обязуется помочь своему союзнику всеми имеющимися в ее распоряжении силами на суше и на море.

Статья. II. Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать сепаратного мира с какой-либо из враждебных стран.

Статья III. Настоящий договор входит в силу с момента заключения мира между Россией и Японией и может быть расторгнут только после предварительного предупреждения за год.

Статья IV. Когда настоящий договор войдет в силу, Россия предпринимает необходимые шаги, чтобы осведомить об его содержании Францию и пригласить ее, как союзника, подписаться под ним.

Подписано: Николай.
Вильгельм».

Опубликование в августе 1917 г. секретного договора в Биорке вызвало величайшее возбуждение во Франции и Англии. Пресса обеих стран склонна была квалифицировать это, как акт враждебный, даже как измену со стороны царя его союзнику, Франции. Хотя эта интерпретация и не соответствует ни действительному смыслу договора, ни той обстановке, в которой он был подписан, тем не менее такое толкование было уже предопределено статьей одного русского журналиста, которая появилась за неделю до опубликования секретных документов, найденных в Царском Селе. В этой статье он делает некоторые разоблачения, которые были сообщены ему по тому же самому поводу графом Витте, интимным другом которого он называет себя.

Вот в каких выражениях граф Витте, по словам вышеуказанного журналиста, сообщил ему эти сведения, полученные графом Витте за время его государственной деятельности:

«За несколько дней до вступления моего на пост председателя совета министров, министр иностранных дел известил меня, что он желает сообщить мне о деле чрезвычайной государственной важности. Тогда же я узнал от него о существовании договора, относительно оборонительного и наступательного союза, заключенного двумя императорами. Я был удивлен и подавлен ознакомившись с этими секретными документами, которые я рассматривал, как полное противоречие с правилами политической этики, честности и допустимых форм поведения. Против какой страны был направлен этот союз? Кто контрассигнировал договор? Против кого? Несомненно — против Франции, которая всегда являлась предметом нападок со стороны Вильгельма. Против той самой

Франции, народ которой заключил с нами союз, в целях ограждения своей безопасности».

Это заявление графа Витте, если оно действительно было сделано в тех выражениях, которые были приведены выше, является не только неточным, но и содержит утверждения, которые можно рассматривать, как совершенно ложные. Как будет указано позже, граф Витте узнал о договоре в Биорке не в то время, когда он был назначен на пост председателя совета министров в октябре 1905 года, но за три месяца до этого, после того, как он вернулся из Америки, в августе месяце. Это может быть отнесено за счет дефектов памяти автора указанной статьи, но то, что несомненно исходило от графа Витте—это утверждение, что договор в Биорке являлся оборонительным и наступательным договором, направленным против Франции, союзника России.

То же самое утверждение появилось вновь в книге, написанной английским публицистом д-ром Диллоном и озаглавленной «Россия в упадке», которая была издана в 1918 г., и сообщала те факты, которые были лично переданы графом Витте автору, пользовавшемуся, как известно, его полным доверием.

Д-р Диллон, который несомненно знал ошибки утверждений его друга, сравнив их с текстом договора, постарался избегнуть этих слишком очевидных противоречий путем объяснения, что память графа Витте не всегда была отчетлива в последние годы его жизни и что он протестовал против опасности, которая обозначилась в виду столь враждебной позиции по отношению к Франции.

К сожалению я должен сказать, что истинная подоплека всего этого заключалась не в слабости памяти графа Витте, но как в этом, так и в другом случаях он неправильно излагал факты.

После того, как русское революционное правительство опубликовало секретные документы, я должен взять на себя труд, поскольку это представляется возможным, исправить неправильное толкование договора в сообщении Ф. Иенсена, издателя газеты «Le Temps», интервью которого со мной было опубликовано в конце сентября 1917 года. Узнав о том, что происходило в Биорке, и будучи вполне осведомлен о содержании договора и телеграмм, которыми

обменивались императоры,—по должности министра иностранных дел,—я считал моим прямым долгом исправить неверную версию.

Совершенно необходимо прежде всего вспомнить те события, под влиянием которых находился царь во время встречи с германским императором, и попытаться воспроизвести его состояние духа во время этого свидания.

Незадолго до этой знаменитой встречи царь узнал о неудачах своей армии в борьбе с японцами в Манчжурии; его флот, под командованием адмирала Рождественского, был разбит под Цусимой; революционное движение прокатилось по всей России, и самодержавной власти царя угрожали широкие народные массы, которые требовали участия нации в управлении страной. Все это в глазах императора Николая являлось последствием войны с Японией, с этой державой, которая никогда не осмелилась бы провоцировать на войну Россию и тем более никогда бы не имела ни малейшего шанса оказаться победоносной на бранном поле, как только с помощью Англии, этого извечного врага, который становился на путях России повсюду, в Европе и в Азии. Разве удивительно, что в таких условиях было нетрудно кайзеру убедить русского императора принять его план континентальной коалиции против Англии, и сделать из него посредника для привлечения в эту коалицию и Франции? Время и место были удачно выбраны кайзером, чтобы победить сомнения своего кузена, который оказался одиноким в Бьорке, беспомощным, можно сказать, перед атакой гостя, получившего в конце своего трехдневного пребывания полное преобладание над волей своего хозяина.

Мне рассказывал сам царь, что договор был подписан за несколько минут до отъезда императора Вильгельма, после завтрака, который состоялся на борту «Гогенцоллерн». Некоторые писатели оказались способными инсинуировать, что количество и качество вин послужило до некоторой степени причиной согласия императора Николая—вульгарное утверждение, которое легко могло бы быть устранено, если бы ктонибудь из них имел случай, как это бывало со мной, часто присутствовать, на подобных завтраках.

Когда оба императора, оставшись одни, дали свои подписи в конце текста, который предварительно был приготовлен кайзером, последний настаивал, чтобы договор был

контрассигнован. Он пригласил с собой в путешествие чиновника высокого ранга из министерства иностранных дел фон Чиршки, который впоследствии сделался статс-секретарем этого министерства и подпись которого должна была контрассигновать подпись его шефа. Ввиду того, что в царской свите не было никого, равного по рангу и по осведомленности этому чиновнику, германский император настоял призвать адмирала Бирилева, русского морского министра, который присутствовал на борту «Полярной Звезды» в качестве гостя. Старый моряк, совершенно не осведомленный в вопросах внешней политики, был призван в последний момент и без колебаний приложил свою руку к документу, о содержании которого он не мог даже догадываться; действительно одно из лиц царской свиты рассказывало мне, что в то время, когда адмирал Бирилев подписывал свое имя в конце страницы, верхнюю ее часть царь закрывал своей рукой. Когда впоследствии адмирал Бирилев был спрошен об этом графом Ламсдорфом, он заявил, что если бы он оказался снова в том же самом положении, он сделал бы то же самое, считая своим долгом, как морской офицер, повиноваться беспрекословно своему государю.

Теперь, когда восстановлены все обстоятельства, сопутствовавшие заключению договоров в Биорке, всякий, кто с должным вниманием отнесется к его тексту, не может не понимать, что император Николай II никогда не помышлял заключить союз, враждебный Франции и, следовательно, не может быть вопроса и об измене с его стороны. Совершенно верно, что первая статья договора предусматривает, что «если какое-нибудь европейское государство нападет на одну из империй, другая договаривающаяся сторона обязуется помочь своему союзнику всеми имеющимися в ее распоряжении силами на суше и море»; неопределенность редакции этой статьи, если взять ее вне контекста, может быть и могла быть истолкована в том смысле, что, в случае аггрессивности Франции по отношению к Германии, Россия должна бы была оказаться на стороне последней, но такое толкование становится абсолютно невозможным, если принять во внимание 4-ю статью того же договора, по которой Россия должна была принять необходимые шаги, чтобы осведомить Францию о содержании договора по возможности скорее и предложить Франции присоединиться к нему, в качестве союзника.

Бесполезно указывать на абсурдность приглашения Франции присоединиться к союзу, направленному против нее самой. Очевидность показывает, что договор в Бьорке ни в какой степени не был изменой Франции. Настолько же ясно, что он был направлен против Англии, и только против нее. В то время, когда подписывался договор, Англия была наиболее враждебно настроена против России; вооруженный конфликт между этими двумя странами был только что предотвращен, благодаря дружественному вмешательству со стороны Франции, но враждебное влияние Англии продолжало чувствоваться повсюду по отношению к России. Не было ли естественным и даже законным со стороны царя заручиться гарантией против Англии, посредством создания «континентальной коалиции»? Но поскольку император Николай может быть совершенно свободен от обвинений в намерении изменить Франции, постольку он был неправ, когда, после долгих колебаний, он уступил убеждениям германского императора и согласился подписать договор без предварительного осведомления своего союзника. Как только кайзер уехал и царь имел возможность спокойно оценить то, что он сделал, он понял свою ошибку, и когда он вернулся в Петербург, он был очень обеспокоен и озабочен, как рассказывал мне граф Ламсдорф, во время аудиенции, которая была дана министру иностранных дел. Он медлил пятнадцать дней, прежде чем решился заговорить о договоре. Граф Ламсдорф был совершенно подавлен, когда узнал об этом, и со всей убедительностью, на которую он только был способен, стремился указать императору всю опасность положения и полную необходимость принять немедленные меры для уничтожения договора. Царь увидел, что он впал в ошибку, и дал графу Ламсдорфу carte blanche предпринять необходимые шаги, чтобы локализовать последствия договора,—дело, которое выполнил граф Ламсдорф со свойственной ему опытностью в этом и с энергией, заслуживающей величайшей похвалы.

В это время на сцене появляется граф Витте, который только что заключил мирный договор с Японией в Портсмуте.

Граф Ламсдорф, ввиду политической и личной близости с ним, призвал его на помощь, чтобы выпутаться из того положения, которое создалось благодаря слабости императора.

По дороге домой из Америки граф Витте остановился в Париже, где его визит совпал с наиболее острой фазой пере-

говоров между Францией и Германией по марокскому вопросу. Он имел случай видеть французских министров, которые не скрыли от него опасений относительно возможного разрыва отношений с Германией. Зная, что граф Витте был приглашен императором Вильгельмом посетить его во время его охотничьей прогулки в Роминтене, французское правительство осведомилось у графа Витте, каким путем возможно было бы устранить затруднения и притти к соглашению. Граф Витте очень активно пришел на помощь министрам республики, так как ему было поручено подготовить пути для заключения весьма важного займа, предназначенного для восстановления финансов России после войны, и потому что он знал, что успех этого займа зависит от урегулирования марокского вопроса. В Роминтене кайзер выказал громадную предупредительность и внимание по отношению к графу Витте, которого он уже рассматривал как главу русского правительства, идя в этом отношении так далеко, что он обращался с ним, как с коронованной особой. Нет никакого сомнения в том, что разговор между этим русским государственным деятелем и германским императором имел благоприятное влияние на ход переговоров, которые велись в то же самое время между французским правительством и германским посланником в Париже. Обсуждался ли в это время договор в Биорке или сообщил ли кайзер его содержание? Я склонен думать это, потому что кайзер телеграфировал царю 11 сентября, запрашивая, знает ли граф Витте, о прибытии которого в Роминтен он был извещен, о договоре, и, если нет, может ли он ему сообщить о нем? Император Николай ответил, что только великий князь Николай, военный министр, начальник генерального штаба и граф Ламсдорф знают о договоре, но что царь ничего не имеет против осведомления о нем и графа Витте. Однако, судя по тем сведениям, которые сам граф Витте дает о своем посещении Роминтена, и которые были сообщены им д-ру Диллону и опубликованы последним в его книге, кайзер говорил только в общих чертах о своем плане коалиции континентальных держав, указывая, что ее целью является поддержание длительного мира в Европе, и уклонился от прямого указания на то, что договор уже подписан им и царем. Граф Витте говорил позже д-ру Диллону, что осторожность кайзера была вызвана, повидимому, боязнью,

что преждевременное обнаружение договора может вызвать затруднения, подобные тем, которые встретились несколькими годами раньше, во время заключения соглашения относительно Киао-Чао и Порт-Артура.

Несмотря на то, что свидетельство д-ра Диллона изобилует ошибками, я считаю его точным в той части, которая касается этого периода. и, конечно, это было до того, как граф Витте возвратился в Петербург, где он был осведомлен графом Ламсдорфом о происшествии в Биорке.

Действительное положение вещей обязывает меня сказать здесь, что граф Витте, будучи приглашен графом Ламсдорфом помочь ему в усилиях по уничтожению несчастного договора, оказал величайшую услугу и проявил недюжинную энергию. Тем более это должно быть отмечено, что граф Витте в течение долгого времени придерживался мысли о заключении союза между Россией, Германией и Францией. Ему казалось, что такого рода союз, не направленный специально против Англии, может быть в конце концов образован без участия в нем этой державы. Он надеялся, что этот союз может быть противопоставлен домогательствам Соединенных Штатов Америки, во имя осуществления интересов Европы. Д-р Диллон сообщает в своей книге очень любопытный разговор, происходивший по этому поводу между графом Витте и германским императором, во время его прежнего первого посещения Петербурга, после его вступления на трон в 1888 году. В этом случае молодой император выразил свое полное согласие с планом Витте вообще, но энергично протестовал против исключения из этой комбинации Англии, указывая, что Америка является таким врагом, против которого вся Европа должна вести беспощадную войну.

В статье, посвященной договору в Биорке, появившейся в «Revue de Paris» в 1918 году, Бомпар, посол Франции в Петербурге в ту эпоху, когда договор был подписан, и весьма проницательный наблюдатель людей и событий в России, после общей характеристики графа Витте, высказывает свое мнение об этом государственном деятеле и об его иностранной политике в следующих выражениях:

«Витте был озабочен мыслью о предотвращении европейской войны какой угодно ценой. В настоящее время совершенно очевидно, что европейская война могла быть вызвана только Германией».

Я убежден, что Витте не возлагал надежд на военное могущество России, как на средство помешать этому; ввиду этого он считал наиболее действительным средством заключение союза с Германией. Но такого рода союз сам по себе сделал бы Россию простым спутником Германии, и поэтому он настаивал на мысли о привлечении Франции, в качестве третьего союзника.

В представлении Витте Германия могла дать военную силу, а Франция деньги; объединившись с этими двумя нациями, Россия могла бы, без риска подпасть под гегемонию одной из них, использовать силу одной и деньги другой.

Он был захвачен этой мыслью и пропагандировал ее при всяком удобном случае. Было бы неправильно, однако, думать, что он имел в виду подчинить Францию Германии, вместо России. Его оппозиция договору в Биорке, которая имела столь решающее значение, совершенно убеждает в том, что он не мог иметь подобной мысли. Но франко-германский союз, с участием или без участия России, являлся совершенной утопией, и германское правительство никогда не относилось к этому серьезно, если не считать мнимого признания его в Биорке.

Эти строки кажутся мне наиболее точным изображением точки зрения графа Витте по этому вопросу. Не было бы ничего странного, особенно после столь лестного приема германским императором, если бы он принял на себя защиту договора в Биорке, но он был слишком дальновиден, чтобы не понять ошибки царя; как только он увидел текст договора, он без всяких колебаний присоединился к графу Ламсдорфу в его усилиях выйти из затруднительного положения.

Переговоры, которые последовали между Петербургом и Берлином и которые принесли свои плоды только после прохождения различных фаз, были, как это и следовало ожидать, весьма деликатными и трудными. Два свидетельства были опубликованы по этому поводу—заявление д-ра Диллона в его книге «Исчезновение России» и Бомпара в его статье, помещенной в «Revue de Paris» [1]).

---

[1]) В этой статье, подкрепленной оригиналами документов и отмеченной большой беспристрастностью изложения, Бомпар, не колеблясь, утверждает, что всякий, кто хорошо знал императора Николая, включая са-

Оба показания, хотя и не вполне точные в деталях небольшой важности, согласуются с теми фактами, которые я узнал от графа Ламсдорфа и которые можно было узнать из ознакомления с документами, найденными в министерстве иностранных дел и в частных архивах императора Николая во дворце Царского Села.

Я расскажу теперь коротко, как все это происходило.

Граф Ламсдорф повел тройную атаку в неоффициальной форме, посредством частного письма царя к императору Вильгельму, письма графа Витте к императору Вильгельму и частного представления со стороны русского посла в Берлине канцлеру. Предметом представлений являлось стремление обратить внимание на недействительность договора в Биорке, ввиду того, что он не был контрассигнован русским министром иностранных дел, и на противоречия в тексте, которые необходимо внимательно рассмотреть и исправить. Ни одно из этих представлений не имело успеха (ответ графу Витте был передан через канцлера).

Между тем, Россия и Япония были накануне ратификации Портсмутского договора, и следует вспомнить, что это время как раз было определено для вступления в силу договора в Биорке.

Граф Ламсдорф ввиду этого решил поторопиться с переговорами и написал Нелидову, русскому послу в Париже, запрашивая его, возможно ли позондировать французское правительство по поводу эвантуального присоединения Франции к договору в Биорке. Нелидов поспешил ответить, что Франция, которая никогда не может согласиться с положением вещей, созданным Франкфуртским договором, и которая только что заключила Entente cordiale с Англией, никогда не согласится присоединиться к подобному союзу. После

мого автора статьи, без всякого сомнения признает лойяльность императора относительно Франции. Беспристрастность бывшего французского посла в Петербурге должна быть особенно оценена, так как он имел особые обстоятельства, чтобы чувствовать нерасположение к императору. Я позже расскажу о событиях, которые вызвали отъезд Бомпара из Петербурга, когда он был обвинен совершенно несправедливо полицией в сношениях с наиболее крайними думскими радикалами. Это донесение полиции побудило Николая II относиться с подозрением к этому достойному французскому дипломату и, несмотря на все мои усилия, я оказался неспособным рассеять предубеждение, которое всегда обнаруживалось при упоминании о после.

этого царь отправил новое письмо императору Вильгельму, с целью указать на невозможность приведения в исполнение договора в Биорке при существующих условиях, и в то же самое время граф Ламсдорф отправил инструкцию графу Остен-Сакен заявить формально, что ввиду невозможности склонить Францию к присоединению в данный момент и ввиду того, что обязательства по договору в Биорке несовместимы с обязательствами по договору о франко-русском союзе, необходимо, чтобы договор в Биорке не входил в законную силу до того момента, когда по этому поводу может быть достигнуто соглашение между Россией, Германией и Францией.

Графу Остен-Сакен было указано прибавить, что значительное количество времени и терпения потребуется, чтобы склонить Францию присоединиться к России и Германии, но что русское правительство приложит все усилия, чтобы достигнуть благоприятного результата. Ни один из ответов, полученных графом Ламсдорфом или графом Витте из Берлина не содержал—я отчетливо это помню—никакого указания на аннулирование договора в Биорке, и русскому министру иностранных дел ничего не оставалось, как ожидать удобного случая, чтобы показать, что Россия не считает себя чем-либо связанной с Германией и остается верной своему союзу с Францией.

Этот случай представился во время Алжезирасской конференции.

Царь не возвращался больше к этому вопросу в своей частной корреспонденции с императором Вильгельмом, хотя эта корреспонденция некоторое время продолжалась, не будучи, однако, отмечена прежним тоном интимности и доверия, и становилась с течением времени все более и более редкой. Германский император со своей стороны не оставлял своего первоначального проекта и пытался всякими способами внушить своему кузену сознание действительности договора, который был подписан в Биорке. Не рассчитывая больше на успех прежних аргументов, содержавших нападки на Францию и на Англию, германский император старался повлиять на царя драматическими фразами и языком, окрашенным мистицизмом. Любопытный пример этих усилий имеется в телеграмме, которую он отправил императору Николаю 12 ок-

тября 1905 года, т.-е. в то самое время, когда граф Остен-Сакен выполнял данное ему поручение в Берлине:

Glüecksburg Ostsee,
October 12 tn. 1905.

«Характер договора не противоречит—как мы установили это в Биорке—франко-русскому союзу, принимая во внимание, конечно, что этот последний не направлен против моей страны. С другой стороны обязательства России по отношению к Франции могут оставаться в силе только в том случае, если Франция заслуживает этого своим поведением. Твой союзник совершенно покинул тебя в течение всей войны, в то время как Германия помогала тебе, чем могла, не нарушая нейтралитета. Это создает со стороны России моральные обязательства по отношению к нам; do ut des. В то же время нескромность Делькассэ показала всему миру, что хотя Франция и является твоим союзником, она тем не менее заключила соглашение с Англией и была готова напасть на Германию с помощью Англии, несмотря на царящий между нами мир и на то, что я помогаю тебе и твоей стране, ее союзнику. Этого эксперимента она не должна повторять, и против повторения этого я прошу гарантировать меня. Я совершенно согласен с тобой, что будет потрачено много времени, труда и терпения, чтобы склонить Францию присоединиться к нам обоим, но рассудительный французский народ заставит наконец себя услышать. Наши марокканские дела улажены к полному удовлетворению, и таким образом создается благоприятная атмосфера для достижения взаимного понимания между нами. Наш договор является великолепной базой для этого. Мы соединили руки и подписали его пред лицом бога, который слышал наши обеты. Я продолжаю думать, что договор может войти в действие.

Но если ты хочешь внести какие-либо изменения в слова, выражения или определение будущего или различные вариации, на случай полного отказа Франции, что я считаю невероятным,—я буду с радостью ожидать всяких предложений, которые тебе угодно будет представить мне. Мне кажется, однако, что договор мог бы быть принят таким, как он есть. Вся твоя влиятельная пресса: «Новости», «Новое Время», «Русь» и т. д. за последние две недели ожесточенно выступает против Германии и за Англию. Несомненно, что

некоторые из этих газет получили крупную сумму от англичан. Это очень оскорбительно для моего народа и создает большие затруднения в осуществлении тех новых отношений, которые сложились теперь между нашими странами. Все это указывает на то, что время тревожное, и что мы должны ясно определить путь, куда следует итти. Подписанный нами договор является одним из средств определить этот путь, не вступая в соглашение с твоей союзницей, как таковой. Что подписано, то подписано, и бог тому свидетель. Я буду ждать твоих предложений. Лучшие пожелания Алисе.

Вилли»[1]).

Из вышеизложенного совершенно ясно, что император Вильгельм, несмотря на положительный отказ русского правительства ратифицировать договор, питал иллюзию и даже в конце концов надежду использовать свое влияние на царя, и только после опубликования инструкции графа Ламсдорфа русским уполномоченным в Алжезирасе, он был вынужден прекратить эти попытки.

В течение двух лет, которые следовали за только что описанными мною событиями, императоры не встречались больше, и когда в 1907 году состоялась их встреча в Свинемюнде, во время которой я присутствовал, в качестве министра иностранных дел, царь настолько боялся возобновления настояний кайзера, что он просил меня предупредить германского канцлера, что договор в Биорке должен рассматриваться, как совершенно уничтоженный, и что он не мог бы выслушивать никаких аргументов со стороны германского императора в пользу его возобновления.

Я уже отдал на этих страницах должное дальновидности, проявленной графом Витте в вопросе о договоре в Биорке. Хотя он долгое время мечтал об осуществлении союза между Россией, Францией и Германией, он имел достаточно здравого смысла, чтобы понять с самого начала, что метод, принятый императором Вильгельмом, может повести только к разрыву уз, которые соединяли Россию и Францию. Несмотря на это, он оставался горячим сторонником этого союза, и, крепко веря в свои дипломатические способности,

---

[1]) Я вспоминаю, что эта телеграмма, оригинал которой я имел случай видеть, была подписана: «Твой друг и союзник Вилли».

после достигнутого им успеха в Портсмуте, он рассчитывал склонить Францию в свое время принять его проект. С этой целью он очень желал получить пост русского посла в Париже. Во Франции, как и в Германии, он пользовался значительным престижем в финансовом мире и рассчитывал осуществить свой проект с помощью известных групп, принадлежащих к высшим финансовым кругам. Он пытался всеми мерами, какие были в его распоряжении, заменить Нелидова в Париже, но всегда встречал решительный отказ со стороны императора Николая.

Со своей стороны я был убежден, что назначение графа Витте в Париж было неприемлемо и даже опасно с точки зрения наших отношений с Францией и Англией, и, признаюсь, я упорно сопротивлялся этому в то время, когда я был министром иностранных дел. Я думаю, что граф Витте был серьезно рассержен этим моим сопротивлением. Во время своих частных посещений Парижа, он делал все, чтобы продвинуть свой утопический проект, но он не мог приобрести значительного количества сторонников.

Через несколько дней после свидания императоров в Бьорке, когда я был посланником в Копенгагене, я узнал, что кайзер известил короля Христиана IX, что он остановится в Копенгагене на своем обратном пути в Киль на борту «Гогенцоллерн». Я уже упоминал о внезапных визитах, которые император Вильгельм имел обыкновение делать датской столице; каждый раз его приезд вызывал громадное возбуждение не только при дворе, но и по всей стране, ввиду раздражения датского народа против Пруссии и Гогенцоллернов, вызванного событиями 1864 года. Королевская фамилия страдала от этого раздражения в высокой степени, и присутствие кайзера в Копенгагене всегда являлось источником большого возбуждения со стороны короля Христиана IX и его свиты. Неприязнь вдовствующей русской императрицы, второй дочери короля, к Германии и ко всему немецкому была настолько велика, что, когда она отправлялась к своему отцу, то всегда пользовалась собственной яхтой, чтобы не касаться германской территории. Когда плохая погода или время года вынуждали ее возвращаться на материк через Германию, она отказывалась пересекать пролив, отделяющий датские острова от германского берега, на пароходе, идущем под немецким флагом, и вместо этого садилась на датский

пароход в Варнемюнде, откуда специальным поездом русских железных дорог отправлялась на русскую границу с возможно короткими остановками. Третья дочь короля Христиана, принцесса Тира, вышедшая замуж за герцога Кюмберленского, тоже была настроена против немцев. В тот период, который я теперь описываю, ее муж, сын последнего ганноверского короля, который был лишен трона Пруссией, разделял ее чувства. Случилось однажды так, что неожиданный визит кайзера застал герцогиню и герцога Кюмберленского в Копенгагене. Раньше, чем можно было бы ожидать встретиться с германским императором, герцогская чета поспешила оставить датскую столицу в самый день его приезда. Этот инцидент дал случай принцессе Марии Орлеанской, жене принца Вольдемара, третьего сына короля Христиана, сделать одно из тех остроумных замечаний, которыми она была известна при датском дворе. Во время обеда, данного в этот день в королевском дворце, в честь германского императора, она заявила достаточно слышно, чтобы это достигло до уха коронованного гостя: «О, какой прекрасный соус и как он хорошо бежит; он может быть назван соусом Кюмберленским». Летом 1905 года общественное мнение Дании было особенно враждебно по отношению к кайзеру по двум причинам: в течение этого лета германские власти усилили карательные меры по отношению к датскому населению Шлезвига и выслали нескольких молодых людей датского происхождения; кроме того, ходили упорные слухи о попытке императора склонить Швецию и Россию присоединиться к нему в вопросе о запрете въезда в Балтику людям призывного возраста всех государств, не соприкасающихся с этим морем. Кампания по проведению этого плана, начатая полуоффициальной немецкой прессой, вызвала неудовольствие в Дании так же, как и в Англии, и даже побудила британское правительство отдать приказ одной из ее эскадр пройти в Балтийское море и посетить различные шведские, датские и германские порты. Это посещение, конечно, очень не понравилось кайзеру и вызвало со стороны германской прессы далеко не лестные комментарии. Визит императора Вильгельма в Копенгаген или, вернее, в замок Бернсторф, где королевская фамилия имела резиденцию, оффициально носил частный характер и, следовательно, не вызывал необходимости для иностранного дипломатического корпуса представляться ему.

Ввиду этого я был очень удивлен, когда германский министр фон-Шен (впоследствии посол в Петербурге, статс-секретарь по иностранным делам, и, наконец, посол в Париже во время объявления войны 1914 г.), известил меня, что император желает меня видеть. Он прибавил, что подобное приглашение не было послано ни одному из членов дипломатического корпуса, и что меня просят не говорить об этом никому из моих коллег. Несмотря на свои усилия понять причину столь исключительного внимания ко мне, я не мог, конечно, воображать, что кайзер рассматривает меня, как представителя своего нового и ценного союзника, которого, как он льстил себя надеждой, он приобрел в Бьорке. Я пришел тогда к заключению, что царь говорил с ним о моем возможном назначении в Берлин и что он полюбопытствовал узнать меня поближе. Я никогда не встречался с императором Вильгельмом и перспектива разговора с ним, признаюсь, глубоко меня взволновала.

Аудиенция имела место ночью в германском посольстве и была обставлена большой таинственностью. Разговор коснулся телеграммы, которую он адресовал царю по своем возвращении в Германию 2-го августа 1905 года, и в которой он сообщал о своей остановке в Дании. Я приведу эту телеграмму без сокращений:

Засснац (остров Рюгген).
Августа 2-го дня, 1905 г.,
1 час ночи.

«Е. в. императору. Мой визит прошел хорошо и вся королевская фамилия относилась ко мне с величайшей любезностью, особенно твой дорогой старый дед. Вскоре после моего приезда, я узнал из газетных сообщений, датских и иностранных, какой сильный поток вражды и негодования был вызван моим визитом, особенно в Англии. Британский посол, обедая с одним из моих приближенных, высказывался очень резко против меня, обвиняя меня в злых намерениях и интригах, и заявляя, что каждый англичанин знает и убежден в том, что я действую с намерением вызвать войну и разгромить Англию. Я принял все меры к тому, чтобы рассеять облако возбуждения, делая вид, что я совершенно не интересуюсь серьезными политическими вопросами. Таким образом, зная о громадном количестве нитей,

соединяющих Копенгаген с Лондоном, и вошедшую в поговорку нескромность датского двора, я опасался, чтобы там не узнали о чем-нибудь, так как это было бы немедленно сообщено в Лондон,—совершенно нежелательная вещь, так как договор должен остаться в секрете. Во время долгого разговора с Извольским, я имел возможность узнать, что теперешний министр иностранных дел гр. Раббен и значительное число влиятельных лиц уже пришли к убеждению, что в случае войны и нападения на Балтику со стороны иностранной державы, Данию ожидает, ввиду ее слабости и беспомощности, невозможность сохранения даже тени нейтралитета против неизбежного ее захвата и что Россия и Германия должны будут немедленно предпринять шаги, чтобы оградить свои интересы, путем оккупации Дании в течение войны, так как это в то же самое время сохранило бы территорию и существование династии и страны. Сами датчане медленно усваивают себе эту альтернативу и я думаю, было бы лучше не касаться этой темы с ними самими, оставляя их в неведении. Пусть эта мысль сама появится в их головах и заставит их притти к заключению, которое совпадет с линией поведения наших стран.

Что ты скажешь по поводу программы празднеств твоих союзников в Кале? Все ветераны Крымской войны были приглашены встретиться с их «братьями по оружию», которые сражались вместе против России. Очень деликатно, не правда ли? Все показывает, что я был прав, когда предупреждал тебя, два года тому назад, о возможности возобновления «старой крымской комбинации». Погода прекрасна. Лучшие пожелания Алисе.

Вилли».

В этой телеграмме, как всякий может видеть, император Вильгельм впервые сообщает план, который, очевидно, обсуждался между ним и императором Николаем в Биорке и который касается оккупации Дании их соединенными силами, в случае войны между Россией и Германией с одной стороны и Англией—с другой. В то же самое время кайзер приписывает мне известное утверждение относительно предполагаемых намерений министра иностранных дел и других влиятельных лиц Дании внести в предполагаемый план гарантии неприкосновенности их страны и безопасности династии. Когда эта программа была опубликована русским революционным

правительством в 1917 г.,—это вызвало только небольшое смущение в скандинавских странах, особенно в Дании, потому что это указывало только на проект, из которого ничего еще не было осуществлено в это время и являлось только освещением усилий русской дипломатии, в моем лице, приступить к его осуществлению. Это заставляет меня однако дать некоторое объяснение.

Мой разговор с германским императором продолжался не более часа, в течение которого известные слова, которые он стремился приписать мне, показались мне настолько многозначительными, что я поспешил сообщить их в частном письме графу Ламсдорфу. К сожалению, я не сохранил копии этого письма, но тем не менее я отчетливо помню этот разговор. Например, я ясно вспоминаю, как я был удивлен, когда кайзер, сказав несколько слов по поводу его беседы с императором Николаем в Бьорке, но, конечно, не сообщая ее полного содержания, перешел к вопросу об общем политическом положении и принялся объяснять с большим красноречием необходимость упрочения мира в Европе совершенно новыми методами, выражая уверенность, что эта цель могла бы быть достигнута посредством союза трех великих континентальных держав: России, Германии и Франции, направленного исключительно против Англии. Считая в то время, что он высказывает один из своих парадоксов или одну из политических утопий, я ответил, что такой план был бы несомненно великолепен, если бы кто-нибудь смог провести его в жизнь, но что такая группировка названных держав указывает на его полную невозможность по той простой причине, что Франция при настоящем положении вещей никогда не согласится присоединиться к нему. Мой ответ показался неприятным императору, который настаивал на выяснении ему соображений, на основании которых я высказывал свое мнение. Мне неизбежно пришлось, благодаря этому, объяснить ему в весьма сдержанных выражениях, что Франция была отделена от Германии глубокой пропастью, созданной благодаря потере ею Эльзас-Лотарингии, и что до тех пор, пока эта пропасть не будет уничтожена, французский народ никогда не сможет стать другом Германии.

При этих словах раздражение императора вылилось в плохо скрываемый гнев, и повышенным тоном он сделал мне следующее удивительное заявление:

«Эльзас-лотарингский вопрос»,—вскричал он,—«я рассматриваю не только как несуществующий в настоящее время, но даже устраненный навсегда самим же французским народом. Я бросил перчатку Франции по поводу марокканского дела, и она не осмелилась ее принять. Таким образом, уклоняясь от поединка с Германией, Франция отказалась от всяких требований, которые она могла бы иметь в отношении потерянных ею провинций».

Я думал в первое время, что этот гнев был простой игрой, которая была столь свойственна кайзеру, но я скоро увидел, что это было глубокое убеждение его, так как он несколько раз в течение нашего разговора возвращался к странной идее о том, что с момента, когда Франция уклонилась перед германской настойчивостью во время марокканского спора, она больше не имеет никакого права настаивать на своих требованиях, точно так же, как отказываться от дружбы с Германией. Так как я продолжал настаивать и выражать мои сомнения в наличии существенного изменения в психологии французского народа, император еще более удивил меня заявлением, что если после всего Франция будет упорствовать в ее отказе присоединиться к проектируемому союзу, придется склонить ее к этому силой.

Эта часть разговора произвела на меня настолько сильное впечатление и столь привлекла мое внимание, что мое воспоминание о других предметах, поставленных на обсуждение императором,—несколько менее отчетливо; но я совершенно уверен, что слова, которые он приписывал мне относительно предполагаемого намерения Дании заручиться гарантией против возможного нападения со стороны Англии посредством русско-германской оккупации,—были, мягко говоря, изложены неправильно. Я знал, как знал всякий, что датчане живут в постоянном страхе перед иностранным вторжением, но никто в Дании не думает о каком-нибудь другом завоевателе, кроме Германии; правительство отдает себе совершенно ясный отчет в военной слабости Дании и в невозможности сопротивления нападению в течение долгого времени, но его традиционная политика делает совершенно невозможным обращаться за помощью к державам, величайшие ошибки которых в прошлом ставят Данию под угрозу покорения ее Германией. Больше того,—известен факт, что в Дании существует партия (радикалов и социалистов), которая протестует против всякого

увеличения военных расходов и проповедует отказ от сопротивления нападению, откуда бы оно ни исходило. Весьма возможно, что на вопрос императора Вильгельма относительно общественного мнения Дании, я мог отметить этот факт, но было бы абсурдным приписывать подобные мысли датскому министру иностранных дел, когда я знал, что главной линией поведения графа Раббена являлось установление добрых отношений с Германией, чтобы улучшить положение датского населения в Шлезвиге. Кроме того, как бы я мог говорить о нападении со стороны Англии и о русско-германской оккупации Дании, когда я находился в полном неведении относительно переговоров, которые имели место в Биорке? Эта возможность, по моему мнению, представляется совершенно невероятной. Имеется еще и другая причина, почему я, дипломат, аккредитованный в Копенгагене, не мог бы так легко трактовать вопрос о нейтралитете Дании или сочувственно отзываться о возможном его нарушении извне. Следует вспомнить, что я испрашивал в течение русско-японской войны разрешение для прохода флота адмирала Рожественского через Большой Бельт, который контролировался Данией. Япония употребляла всякие усилия, чтобы склонить датское правительство не предоставлять права прохода русскому флоту или, по крайней мере, не давать помощи местных лоцманов; но, основывая мою просьбу на прецеденте, установленном во время крымской войны в пользу союзных флотов Франции и Англии, я добился желаемого разрешения, и, что еще более важно, этим фактом удалось установить общий принцип международного права относительно свободного плавания в нейтральных проливах во время войны. Таким образом, было нелогично и неестественно с моей стороны обсуждать с императором Вильгельмом возможность нарушения этого принципа. Позже, будучи министром иностранных дел, я был сторонником установления status quo в Балтике, что означало среди других вопросов ненарушимость территории Дании и уважение ее прав, как нейтральной державы.

Предыдущие страницы, как мне кажется, бросают достаточный свет на общее международное положение, которое существовало в тот момент, когда я принял управление иностранной политикой России. Это был момент величайшего испытания для русской империи, потрясенной ударами, полученными ею в течение войны и вследствие революционных

беспорядков, и стоящей лицом к лицу перед разрешением тягчайших проблем дома и за границей. Как министр иностранных дел, я был призван выбрать окончательную линию поведения в вопросе о политике, которую русское правительство намеревалось проводить в его отношениях с другими странами.

Позиция России в Европе определялась тем фактом, что за истекшие 15 лет она была связана формальным союзным договором с Францией. Правда, царь временно уступил настойчивым усилиям германского императора вовлечь Россию в политику, которая, может быть, не вызвала бы полного разрыва с Францией, но поставила бы ее в положение, бесконечно более сложное и неопределенное. К счастью, ошибка императора Николая была во время исправлена с помощью графа Ламсдорфа, и союз с Францией остался ненарушенным. Но мы видели, что за прошедшие два года произошли большие перемены в области европейской политики. Франция и Англия забыли прежние ссоры, и эра взаимного доверия и дружбы началась для этих двух держав. Россия, уже получившая большую выгоду, благодаря наличности англо-французского соглашения, во время войны с Японией не могла легко устранить те многочисленные затруднения, которые отделяли ее от Англии. Кроме того, сближения с этой державой было недостаточно; неизбежным выводом из этого являлось искреннее примирение с Японией. Принятие такой политики не только укрепило бы позицию России, как союзника Франции, но положило бы новое и более прочное основание для всего здания двойного союза. Если бы, наоборот, Россия пренебрегла сделать логические заключения из новейших фактов развития международного положения и поддерживала бы ее враждебные отношения с Англией и Японией, она оказалась бы рано или поздно в ложном положении между своим союзником Францией и этими двумя державами; Германия могла бы использовать этот случай, чтобы возобновить свои усилия отдалить Россию от Франции и направить ее энергию в Азию и, может быть, смогла бы даже привлечь ее к образованию особой коалиции. В настоящее время ничто не было столь опасно для будущего России и мира всего мира, как такое renversementes des alliances, если воспользоваться этим термином, обычно характеризующим ту радикальную перемену, которая имела место в Европе в середине XVIII века и которая сопровождалась Семилетней Войной.

Если бы Россия повернулась спиной к Франции и Англии и пошла бы по пути завоевания гегемонии в Азии, она оказалась бы вынужденной отказаться не только от ее исторической роли в Европе, но также и от своей экономической и моральной независимости vi-à-vis с Германией, становясь вассалом германской империи и вызывая разруху для всей Европы, так как Германия, почувствовав себя свободной от всякой опасности со стороны своей восточной границы, выбирала бы только час для решительного нападения на Англию и Францию, в целях реализовать свою мечту о мировом господстве.

Такова была труднейшая дилемма, которая стояла перед русским министром иностранных дел и требовала быстрого и бесповоротного решения. Следует напомнить, что этот вопрос внимательно обсуждался с Нелидовым, графом Бенкендорфом и Муравьевым, во время моего посещения Парижа и Лондона, и мы пришли к единодушному решению, что иностранная политика России должна продолжать оставаться на неизменной базе ее союза с Францией, но что этот союз должен быть укреплен и расширен соглашениями с Англией и Японией. Такова была программа, которая была предложена мною императору, прежде чем принять новый пост, причем я уже заранее решил для себя обязательным не принимать на себя обязанностей руководителя внешней политики России до тех пор, пока я не получу полного согласия императора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первая Дума.

Перед открытием Думы, 10 мая 1906 года, при дворе циркулировали различные мнения относительно места, где должно происходить это торжество. Одни считали необходимым, чтобы оно имело место в Таврическом дворце, специально приспособленном для заседаний нового учреждения, другие предпочитали для этой цели Зимний дворец. Реакционная партия не желала, чтобы император показывался в Думе, и советовали открыть сессию от его имени через председателя совета министров. В конце концов было решено, что император последует порядку, принятому в Берлине при открытии Рейхстага, собрав депутатов в Зимнем дворце и открыв сессию тронной речью.

Прибыв в этот самый день, я поспешил надеть придворную форму и отправиться во дворец. Так как мое назначение не было еще спубликовано в «Правительственном Вестнике», я не мог присоединиться к кабинету министров, которому было определено место в Тронном зале, отведенном для торжества открытия сессии, но вследствие моего придворного звания камергера двора, я имел возможность принять участие в кортеже, который предшествовал появлению императора.

Ожидая формирования императорского кортежа, я прогуливался по залам дворца, где собралось несколько тысяч генералов, офицеров всех рангов и гражданских чиновников.

Сначала ничего нельзя было видеть необычного в этой блестящей толпе придворных—зрелище весьма обыкновенное для зал дворца в торжественные дни, но вот, наконец, среди

шеренг блестящих мундиров стало возможным различить темные костюмы представителей народа по пути в Тронный зал, где они должны были ожидать царя, и вот, впервые в этом элегантном дворце, построенном императрицей Елисаветой по чертежам итальянца Растрелли, где в течение полутораста лет безраздельно царствовала роскошь одного из наиболее блестящих дворов Европы, появилась толпа людей весьма демократического вида.

Там и сям можно было видеть группы провинциальных адвокатов и докторов, одетых в сюртуки, и только изредка среди них можно было заметить мундир. Но над этими буржуазными костюмами доминировало простое платье—крестьянские кафтаны и рабочие блузы.

Эти контрасты сами по себе не бросались в глаза, но производили особое впечатление, когда депутаты проходили между рядами офицеров и чиновников, наблюдая по их лицам производимое ими впечатление.

Здесь старый генерал, там бюрократ, поседевший на службе, с трудом сдерживали свое раздражение, даже гнев, наблюдая вторжение в священные залы Зимнего дворца этих новых людей.

Лица депутатов носили отпечаток триумфа у одних и смущения у других—зрелище, которое являлось в одно и то же время драматическим и символическим. Россия вчерашнего дня лицом к лицу стояла с грядущей Россией. Какой результат последует от этой встречи? Окажется ли старая иерархия царизма способной благожелательно принять этих новых пришельцев и объединить с ними труд по возрождению нации, или произойдет столкновение между этими двумя силами, вызывая новую борьбу и может быть еще более кровавые потрясения?

Что касается меня, я был в то время полон надежды, что для России открывается новая эра величия и благосостояния, но я чувствовал некоторое смущение, стоя на пороге столь радикальной перемены в судьбах моей родины, перемены, которая становилась столь очевидной и, так сказать, осязаемой, благодаря тому зрелищу, которое происходило у меня на глазах.

Императорский кортеж был наконец образован. Я занял свое место и вскоре оказался в зале, предназначенном для торжества, всего в нескольких шагах от императора, кото-

рый стоял перед троном. Я не видел его с указанных дней предшествовавшего лета, и я был поражен его озабоченным видом; он выглядел очень постаревшим и как будто весьма взволнованным многозначительным событием. Он сделал несколько шагов в сторону депутатов, которые были собраны в зале и, смотря в бумагу, которую он держал в руках, прочитал свою речь весьма тихим голосом, но без смущения или остановок, отчетливо произнося каждое слово и делая ударения на той или иной фразе.

Речь императора была выслушана с величайшим вниманием и при полной тишине; можно было легко видеть, что она произвела хорошее впечатление на депутатов. Так как в большинстве царских манифестов и в том акте, который незадолго был объявлен правительством, всякое упоминание о конституции или о каком-либо ограничении прав государя заботливо обходилось, и можно было опасаться, что император использует этот случай, чтобы еще раз подчеркнуть самодержавный характер своей власти,—всякий легко поймет то чувство удовлетворения, с которым депутаты выслушали следующую часть речи императора:

«С своей стороны я буду неуклонно покровительствовать учреждениям, которые я даровал, будучи заранее уверен в том, что вы приложите все силы, чтобы служить родине, удовлетворить нужды столь близких моему сердцу крестьян и обеспечить народу развитие его благосостояния, всегда памятуя, что действительное благосостояние государства заключается не только в свободе, но также и в порядке, основанном на принципах конституции».

Благоразумное предостережение, заключающееся в этих последних словах, особенно подчеркнутых императором, не могло помешать депутатам отметить тот факт, что слово «конституция» было впервые услышано из уст государя. Несмотря на хорошее впечатление, произведенное речью, не раздалось ни одного аплодисмента после ее окончания, что легко может быть объяснено смущением, которое владело депутатами, ввиду необычности обстановки, окружавшей их.

Но всеобщим мнением было, что этот день прошёл весьма хорошо.

После этого депутаты перешли в Таврический дворец который временно был предоставлен в их распоряжение, до постройки специального здания для заседаний Думы.

Дворец, в котором собралось первое русское представительное собрание, был построен Екатериной II для знаменитого Потемкина, «князя Таврического», в нео-классическом стиле, введенном в России шотландским архитектором Камероном, работой которого отмечено большинство крупных зданий, воздвигнутых в Петербурге в конце XVIII и в начале XIX века.

Таврический дворец, расположенный среди обширных садов, был свидетелем легендарных празднеств, устраиваемых фаворитом своей коронованной возлюбленной; позже он являлся одно время резиденцией императора Александра I, но уже больше полвека он оставался совершенно незанятым и его великолепные залы оставались пустыми или употреблялись, как место для складов; службы дворца были заняты многочисленными мелкими пенсионерами двора, а сады были открыты для гуляния публики. Во времена моей юности, в конце царствования Александра II и в первое время царствования Александра III, часть садов была предоставлена зимою исключительно в пользование двора. Там были устроены ледяные горы и каток на озере. Несколько раз в неделю небольшой кружок лиц, состоящий из членов императорской фамилии и ее гостей, собирался там.

Таково было то место, отмеченное таким количеством воспоминаний о былых днях, которое было предназначено для заседаний первой русской Думы; переделки, необходимые для того, чтобы приспособить помещение к новому использованию, только немного изменили потемкинский дворец, и хотя некоторые удобства, свойственные другим европейским парламентам, отсутствовали, все же дворец, предоставленный депутатам русского народа, являлся помещением весьма импозантного вида.

Зал, предназначенный для заседаний Думы, служил раньше зимним садом и был громадных размеров; внутреннее его устройство было скопировано с французской палаты депутатов; приподнятая трибуна председателя возвышалась над местом оратора и обе находились en face того амфитеатра, в котором были размещены кресла депутатов. Министерские места не были однако расположены в первом ряду, как во Франции, но направо от председательской трибуны, лицом к депутатам.

Я отмечаю эти детали, потому что мне всегда казалось, что устройство зала, в котором происходят заседания, и внешняя форма дебатов оказывают слишком большое влияние на работу. Когда образовывалась Дума, правительство очень желало ввести порядки, принятые в земских собраниях, образование которых относится к либеральному периоду царствования Александра II, который несомненно имел в виду при их возникновении, что они явятся эмбрионом будущего политического представительства нации. Земские собрания не имели трибуны; члены заседания, произнося речь, говорили с места, обращаясь лицом к председателю, а не к собранию как это принято в английской палате общин. Результатом этого явилось то, что ораторы не имели возможности наблюдать за впечатлением, которое производит их речь, и дебаты носили характер чрезвычайно домашний. Если бы такой же порядок был принят в Думе, многие присутствовавшие в ее заседаниях члены, бывшие гласные земства, сообщили бы своим коллегам свойственную им умеренность в ораторских выступлениях. Всем известно, что самый факт произнесения речей с трибуны вызывает в ораторе прилив красноречия, которое часто производит глубокое впечатление, особенно на молодую аудиторию, и, я думаю, я не ошибусь, если скажу, что будь вопрос о методе произнесения речей выдвинут на первый план в Думе 1906 года, известные лица, обладающие демагогическими склонностями, не имели бы успеха среди более серьезных и умеренных элементов.

Любопытно отметить, что правительство само виновато в этих печальных последствиях.

Перед открытием Думы, один из крупнейших чиновников, Трепов (который был несколько недель председателем совета министров в 1917 году, накануне падения монархии) был отправлен по всем европейским столицам с целью изучения порядка различных парламентских заседаний. Трепов вернулся из своей поездки с готовым планом, основанным на том, что он наблюдал в Париже, и это было принято правительством без всякой критики. Очень простая мысль о продолжении порядка, уже практиковавшегося земскими собраниями, не пришла в голову русским бюрократам, или, точнее сказать, их нерасположение к этим собраниям, которые они рассматривали, как рассадник революции, побудило их пренебречь порядком, практиковавшимся земством.

В этом деле, как—увы—во многих других, русская бюрократия проявила впоследствии отсутствие понимания не только психологии представительных собраний вообще, но даже духа своего собственного народа. Столкновения между бюрократическим правительством и народным представительством начались, как известно, с первых же заседаний Думы, и повели к ряду конфликтов, которые, после трехмесячной борьбы, вызвали роспуск Думы.

Но прежде чем рассказывать о перипетиях этой борьбы, мне хотелось бы описать главных деятелей обеих враждующих сторон.

Я не возьму пока на себя тяжелого труда описания Николая II, который являлся центральной фигурой сопротивления, организованного в целях защиты монархического принципа против домогательств Думы, и ограничусь характеристикой новых министров, благодаря течению событий, занимавших в этом деле видное место, коллегой которых я, совершенно помимо своего желания, становился.

Странное сборище чиновников представлял из себя этот кабинет; они не были связаны ни общими интересами, ни общей программой, если исключить их антипатию к новому порядку вещей и, особенно, к принципу ответственного правительства.

Во главе кабинета стоял Горемыкин, старый бюрократ, который уже в этот период имел за собой пятьдесят лет государственной службы. Всякий вспомнит, какое удивление вызвало его назначение на тот же высокий пост незадолго до начала европейской войны. Он сам был озадачен призывом его к власти и сравнивал себя со старой шубой, которая может предохранить от случайностей дурной погоды. К несчастью, эта метафора оказалась верной только для 1906 г., потому что в 1914 году эта покрышка оказалась совершенно недостаточной, чтобы предохранить монархию от бури, которая над ней разразилась.

Разительный контраст был между этим новым главой правительства и графом Витте, который только что вышел в отставку. Чем больше последний получал признания даже со стороны своих врагов в его талантливости и энергии, несмотря на неудачи, которые он испытывал во время своего пребывания у власти, тем более фигура Горемыкина казалась незначительной. Что могло побудить императора выбрать его

на столь ответственный пост? Наиболее возможным объяснением является то, что он был известен, как наиболее приятное лицо для императрицы, как член различных благотворительных обществ, в которых она председательствовала. Горемыкин выказывал себя опытным придворным и афишировал свою приверженность к старому придворному этикету, но что особенно нравилось императрице в нем, помимо другого, так это то упрямство, с которым он обнаруживал свои ультра-монархические чувства.

Наиболее достойным представителем в этом кабинете был несомненно министр финансов Коковцов. Он сделался председателем совета министров после убийства Столыпина. Одаренный исключительными способностями в работе и всесторонне образованный, он прошел по всем ступеням чиновничьей иерархии и приобрел большой опыт не только в финансовых делах, но и в различных областях административной деятельности. Он принимал участие в парижских переговорах о заключении большого займа, которые велись графом Витте, и вел это деликатное дело с полным успехом. В отличие от большинства своих коллег, он не питал враждебной предубежденности к Думе и показал себя склонным к искреннему сотрудничеству с этим учреждением, но его бюрократические навыки и отсутствие опыта в обращении с парламентскими учреждениями часто вызывали осложнения, которые могли бы быть легко избегнуты при несколько большей дипломатичности с его стороны. Так, например, когда он пожелал указать, что согласно манифеста 1905 года министры не ответственны перед Думой, а только перед государем,—вместо того, чтобы сказать, что в России нет парламентского министерства, он вызвал всеобщее раздражение Думы заявлением, что «в России, слава богу, нет парламента». С другой стороны, Коковцов обладал громадным даром красноречия; продолжительные речи, которые он произносил в Думе, характеризовались не только обширной эрудицией по содержанию, но также и блестящей формой, выслушивались с величайшим вниманием и, как правило, благосклонно принимались депутатами.

Что можно сказать о других членах кабинета?

Портфель военного министра был у генерала Редигера, старого солдата, который сделал свою карьеру на административных должностях в армии и чье короткое пребывание

в кабинете не оставило никакого следа. Во главе морского министерства стоял тот самый адмирал Бирилев, который поставил свою подпись под договором в Биорке, не читая его, и ограниченность которого не давала ему возможности выступать ни в совете министров, ни в Думе. Другие посты неменьшей важности были заняты известными реакционерами, какими были: Стишинский, министр земледелия, и Щегловитов, министр юстиции, который сделался позже лидером крайней правой в Государственном Совете. Пост обер-прокурора святейшего синода был занят князем Ширинским-Шихматовым, очень ограниченным человеком и фанатичным сторонником самодержавного режима, который был убежден, что дарование конституции являлось святотатством.

Наконец, мы испытали унижение вследствие присутствия среди нас Шванебаха, государственного контролера, несносного болтуна, принадлежавшего к категории чиновников немецкого происхождения, зачастую очень трудолюбивых, но которые, поднявшись из очень низких кругов на высочайшие ступени российской иерархии, были склонны к интриганству и к низким поступкам. Шванебах избрал своей специальностью ожесточенную критику, направленную против финансовых мероприятий графа Витте, и использовал свои связи при дворе, надеясь таким путем обратить на себя внимание императора. Это установило за ним, совершенно незаслуженно, репутацию способного финансиста, и способствовало его назначению на пост, которого он был совершенно недостоин. Впоследствии он вошел в интимные отношения с австрийским послом, бароном фон-Эренталь, имя которого будет часто упоминаться на последующих страницах, и служил ему в качестве информатора относительно внутреннего положения России. Из дальнейшего будет видно, какое громадное влияние имела его информация на направление австрийской политики по отношению к России и какой серьезный ущерб она причинила интересам России.

Я намеренно так долго воздерживался от характеристики наиболее замечательного члена кабинета, министра внутренних дел Столыпина, который вскоре заместил Горемыкина на посту главы правительства.

Он действительно заслуживает большего внимания, чем кто-либо из его коллег, я буду говорить о нем подробно не только потому, что он играл выдающуюся роль в политиче-

ской жизни своей страны, но также и потому, что мои близкие отношения с ним, которые порвались позже, по причинам, о которых я расскажу, позволяют мне обрисовать его портрет и, таким образом, как я осмеливаюсь думать, правильно осветить эту замечательную личность, столь часто неправильно понимаемую при жизни и оклеветанную после смерти. Я спешу прибавить, что причины нашего расхождения носили исключительно политический характер и отнюдь не уменьшили чувства величайшего преклонения перед ним и моего личного дружеского расположения, которое я продолжал питать к нему до самой его смерти.

Петр Столыпин был дворянином по происхождению и принадлежал по рождению и по положению к высшему обществу Петербурга. Его отец занимал видный пост при дворе, а мать была дочерью генерала князя Горчакова, главнокомандующего русской армией в Севастополе. Со времени моей юности, я был в дружеских отношениях с его родными и познакомился с ним, когда мы окончили наши занятия—он в университете, а я в императорском лицее. Мы были почти одного и того же возраста и я помню его, как красивого молодого человека, очень любезного и уважаемого его товарищами, несколько замкнутого и застенчивого по причине некоторого физического недостатка: его правая рука плохо работала вследствие одного несчастного случая и он пользовался ею с некоторым трудом. Он женился, будучи очень молод, несколько романтичным способом на невесте своего старшего брата, погибшего на дуэли, который на своем смертном одре вложил руку своего брата в руку молодой девушки, которую он нежно любил.

Вместо того, чтобы вступить на военную или на гражданскую государственную службу, как то было в обычае у молодых людей его круга, он удалился в свои владения, расположенные в западных губерниях России, и вел жизнь провинциального дворянина. Через некоторое время он принял на себя обязанности предводителя дворянства своей губернии.

Предводители дворянства, которые были избираемы во внутренних губерниях России и назначались правительством в тех губерниях, где русские элементы сталкивались с элементами польскими, были обязаны не только заботиться об

интересах своего сословия, но были облечены значительными и обширными административными функциями.

Проявив талант и энергию на этом посту, Столыпин был назначен на пост саратовского губернатора, в губернию, которая в это время была потрясена революционным движением.

Репутация очень энергичного человека была причиной назначения императором Столыпина на пост министра внутренних дел. Стоящий совершенно в стороне от бюрократического мира столицы, этот провинциальный дворянин, казалось, в первое время сможет играть только незначительную роль в заседаниях совета министров, но очень скоро его сильная и оригинальная личность ярко проявила себя, вопреки чиновничьей рутине, которая царила в кабинете. Что касается меня, я сразу был покорен его очаровательной личностью и был счастлив найти среди моих случайных коллег человека, с которым я почувствовал общность политических взглядов, так как в это время Столыпин мне казался особенно искренним сторонником нового порядка вещей и сотрудничества с Думой по мере возможности.

Подобно ему, по причинам, о которых я расскажу позже, я был далек от бюрократических кругов Петербурга, и чувствовал большую симпатию к представителям провинциального дворянства и земства, которые были посланы различными местностями в Думу.

Чем больше Горемыкин, поддерживаемый реакционными министрами, занимал враждебную позицию по отношению к Думе, тем более тесно я сближался со Столыпиным, с которым я образовал, так сказать, левое крыло кабинета.

Столыпин был одарен ясным и широким кругозором, который помогал ему понимать общий смысл представляемых на его решение дел и столь же хорошо охватывать их самые мельчайшие детали. Его работоспособность, так же, как его физическая и моральная устойчивость, были изумительны. Привыкший по прежней своей работе, в качестве помещика, к участию в практических делах, он не мог терпеть бюрократической рутины и удивлял всех той простотой и здоровым пониманием, которые он обнаруживал в обсуждении важнейших государственных дел, являвшихся предметом длительных дискуссий на заседаниях Совета Министров.

К сожалению, у Столыпина отсутствовала широкая образованность в европейском смысле слова,—что признавалось и им самим. Я не хочу этим сказать, что у него не было достаточного образования, так как он прошел серьезный курс наук в университете и был очень начитанным и вполне культурным человеком; но его мнения по политическим и социальным вопросам, к решению которых он был призван, были лишены научной критики, и его миросозерцание находилось под сильным воздействием известного умственного течения, которое преобладало в России во времена его юности и которое носило название «славянофильства».

Не вдаваясь в подробное рассмотрение той концепции, которая оказывала столь сильное влияние при решении вопросов внешней и внутренней политики России, достаточно пока сказать, что славянофильство осуждало европейскую цивилизацию en bloc, как зараженную атеизмом и чрезмерным индивидуализмом. Славянофильство приписывало России провиденциальную миссию создания высшей культуры; в религиозной области славянофилы отстаивали ту точку зрения, что русская православная церковь является единственно правильной выразительницей заветов Христа; в политической области они осуждали реформы Петра Великого, как внушенные Западом, и требовали возврата к «национальной» системе московского периода. Одним из их главных принципов для построения такой доктрины было утверждение, что община или мир является оригинальным проявлением русского гения, и они полагали в формах общинного владения землей существенное основание для социальной и экономической организации России.

Я расскажу позже, каким образом и благодаря какому влиянию, будучи также захвачен доктриной славянофильства, как большинство сверстников моих и Столыпина, я освободился от этого невежественного учения в сравнительно ранний период моей жизни. Что касается Столыпина, то, не доходя до чрезмерного увлечения этой доктриной, он тем не менее оставался в значительной степени ее сторонником. Если бы он имел возможность, как то случилось со мной, изучать политическую и социальную жизнь Западной Европы. я убежден, что его ясный и сильный ум совершенно отбросил бы все ошибки славянофилов.

В соприкосновении с одним из наиболее жизненных вопросов России—аграрным вопросом—он не поколебался отбросить роковую концепцию о мире, принесшую столько зла, и принять, вопреки ожесточенному сопротивлению, систему мелкой собственности. С другой стороны, к несчастью, он не оказался способным подняться над особо опасными теориями славянофилов, и это вызвало, несмотря на все мои усилия переубедить его, чрезвычайную склонность к сильному, неумеренному национализму, что вызвало самые печальные последствия и в конце концов повело к разрыву наших политических отношений.

Портрет этого замечательного человека, который я попытался набросать, был бы неполон, если бы я не отметил его чудесный ораторский дар. В его первом обращении к Думе он показал себя оратором исключительного дарования. Я употребляю слово «показал», потому что до этого времени никто не знал об его ораторском таланте, и по всей вероятности он сам не знал о том, что он обладает таким талантом, потому что раньше заседаний Думы в России не было учреждения, в котором можно было бы обнаружить свои ораторские способности.

Когда после вхождения в кабинет Горемыкина я обратил свое внимание на Думу, зрелище, которое мне представлялось, было совершенно необычайное.

Я уже говорил раньше, как я был поражен наличностью большого количества крестьян среди депутатов, которые фигурировали на торжественной церемонии открытия Думы в Зимнем дворце.

Согласно избирательному закону. Дума включала 524 депутата, но выборы еще не закончились в некоторых частях империи, и не больше 500 депутатов присутствовали при открытии Думы. Из этого числа около 200 депутатов принадлежали к крестьянскому сословию. На первом месте стояли кадеты, которые, по причинам, мною уже изложенным, получили перевес над консерваторами и умеренными либералами или октябристами. Кадетская партия, обнаруживавшая радикальные тенденции, очень прочно и строго организованная, насчитывала 161 члена и усиливалась двумя группами, менее радикальными, но всегда голосовавшими вместе с кадетами—«партией демократических реформ» и «партией мирного обновления». Эти партии не были многочисленны,

но они имели в своих рядах несколько значительных лиц. Умеренные либералы или октябристы были представлены незначительным количеством депутатов, которые едва отличались от консерваторов, вместе с которыми они насчитывали около трети общего количества депутатов. Социалисты насчитывали всего 17 депутатов, причем они не были избраны как таковые, потому что обе революционные партии—социалисты-революционеры и социал-демократы—отказались принять участие в выборах, требуя созыва учредительного собрания и всеобщего избирательного права, а по отношению к Думе и к манифесту 1905 года ими был объявлен бойкот. Национально-автономистские группы: польская, латвийская, эстонская, литовская и западных губерний, насчитывали все вместе 70 депутатов и держались демократических тенденций, исключая польской группы, которая была консервативной, но по причинам национальным присоединилась к оппозиционным правительству партиям. Наконец, имелось некоторое количество депутатов, которые не принадлежали ни к одной из партий и колебались, кому отдать свои голоса, решив в конце концов голосовать вместе с оппозицией.

Таким образом, характерным для первой Думы является оппозиционный блок, к которому примыкало больше половины всего состава Думы. Этот блок, составленный из различных групп, полностью руководимый кадетами, не включал конечно ни консерваторов, ни умеренных либералов. Но в стороне от всего этого оставалась неопределенная масса, состоящая из 200 крестьян, с вкрапленными там и сям деревенскими «попами», длинноволосыми и бородатыми, которые мало чем отличались по наружности от своих сотоварищей, пахарей земли.

Введение этой крестьянской массы в Думу было любимой мыслью правительства, и с этой целью соответственно был приспособлен избирательный закон, за который ответствен его автор, Булыгин, посредственный бюрократ, который дал свое имя первому проекту конституции, никогда не вошедшему в жизнь. Закон тогда был рассмотрен и окончательно редактирован правительством графа Витте; это было очень сложно и искусственно и давало преимущество крестьянскому классу над всеми другими классами страны. Правительство рассчитывало этим путем выиграть благодаря присутствию в Думе элементов, проникнутых консервативным

духом, лойяльностью по отношению к личности царя, послушных голосу установленных властей и оффициальной церкви. Никогда бюрократия, управлявшая судьбами России, не делала более грубой и роковой ошибки, потому что, как можно это видеть теперь, крестьяне вошли в Думу, зачарованные мыслью о том, чтобы получить возможность разделить землю в интересах своего класса. Совершенно неосведомленные в других вопросах, которые стояли перед Думой, и равнодушные к политическим свободам, которые требовались либеральными партиями, они были готовы поддержать всякую партию, которая обещала бы им полную реализацию их аграрных вожделений.

Таким образом, совершенно понятно, что кадеты, которые поставили во главу угла своей программы не только распределение среди крестьян земель, принадлежащих короне, императорской фамилии и монастырям, но также принудительную экспроприацию земель крупных и даже мелких собственников,—могли рассчитывать на поддержку со стороны большинства крестьянских депутатов.

Под влиянием этих обстоятельств, при участии социалистов образовалась так называемая трудовая партия, стоящая на втором месте по количеству входящих в нее депутатов Думы, составленная главным образом из крестьян, принимающих аграрный социализм, и насчитывающая около сотни членов. Другие крестьяне, даже те, которые считали себя принадлежащими к консервативной партии, все более и более подпадали под влияние кадетов, так как аграрный вопрос быстро стал предметом дебатов в Думе. Как известно, именно этот вопрос явился причиной решительного столкновения между правительством и первой Думой, вызвавшего ее роспуск.

Столыпин с первого взгляда распознал ошибку правительства и ее роковые последствия, а я присоединился к его мнению. Но кто не знает бюрократической атмосферы, которой были окружены министры в Петербурге, и полного неумения быстро усвоить новые идеи, интенсивно переживавшиеся всей страной? Они думали в своем неведении, что крестьянин по самой своей природе является приверженцем трона и алтаря, и не отдавали себе отчета в аграрных аппетитах и анархических тенденциях, которые сказались у крестьянства столь ясно в течение предыдущих лет. Такие чиновники,

типа Булыгина, которые питались иллюзиями о верноподданнических чувствах крестьянства, не могут вызвать удивления, но что граф Витте, дальновидный и опытный государственный деятель, мог впасть в ту же самую ошибку,—этого я до сих пор не способен понять. Разве не был граф Витте председателем комиссии, которая изучала аграрный вопрос незадолго до этого, и разве тогда он не имел случая понять домогательства крестьянского класса? Я часто и безуспешно пытался проникнуть в эту тайну, расспрашивая и самого графа Витте, и его главных сотрудников. Только позже я нашел ключ к этой загадке в книге д-ра Диллона, но этот автор, несмотря на его осведомленность в деятельности его замечательного друга, ограничивается простым констатированием его ошибки, не пытаясь даже объяснить ее. Мы видели, каков был состав Думы. Не менее любопытно отметить, что ее руководящие партии, которые боролись на выборах—кадеты и октябристы—не были представлены в заседаниях Думы своими признанными вождями. Кадетская партия, которая одержала победу по всей линии, не имела в своих рядах своего лидера, профессора Милюкова. Он был избран подавляющим большинством в Петербурге, но был исключен из состава депутатов правительством по техническим поводам, содержания которых я не помню. Правительство, однако, не достигло успеха, так как Милюков продолжал, несмотря ни на что, руководить своей партией извне; и действительно, я много раз думал, что его присутствие в Думе было бы менее вредно для кабинета, чем его деятельность извне, особенно потому, что у кадетов в самой Думе были весьма достойные представители, какими, напр., является профессор Муромцев (председатель первой Думы), Головин, который был председателем второй Думы, Родичев, Набоков, Винавер (три лучших оратора этой партии), князь Шаховской, Петрункевич, Кокошкин и Герценштейн. Обе дружественные либеральные партии—«партия демократических реформ» и «партия мирного обновления»—хотя и были малочисленны, и, что называется, представляли из себя «генеральный штаб без армии», были представлены также людьми, известными в науке. Первый из их основателей, профессор Ковалевский, имел много друзей во Франции, а другой, генерал Кузьмин-Караваев, являлся одним из лучших ораторов Думы. Другим их лидером являлся гр. Гейден, который занимал высокий пост

при дворе. Что касается октябристов—они имели двух лидеров—Гучкова и Дмитрия Шипова, которые оба потерпели неудачу на выборах. Консерваторы не были представлены ни одним из своих лидеров и шли более или менее за октябристами. Среди умеренных либералов следует отметить Стаховича и Львова (не нужно смешивать с князем Львовым, будущим председателем Временного Правительства, который не был членом первой Думы), но я не могу вспомнить ни одного значительного имени, которое бы принадлежало к группе октябристов или к партии «правового порядка». Польское «коло» возглавлялось Дмовским, вождем польской национально-демократической партии, который в настоящее время играет выдающуюся роль в делах его страны, и епископом Вильны бароном Роппом,—оба являлись ораторами первого ранга. Наконец, трудовая партия возглавлялась Аладьиным, великолепным оратором, нарушившим с помощью красного цветка, который он иногда забывал вложить в свою петлицу, монотонный вид серой массы крестьян, составлявших главную часть его партии.

Государственный Совет, который соответствовал при старом режиме первому наполеоновскому Conseil d'Etat, где обсуждались наиболее важные законы и меры во вопросам внутренней политики, и решения которого представлялись на усмотрение императора—был преобразован в верхнюю палату, составленную из равного числа членов, назначенных императором и избираемых; первые, хотя и утверждавшиеся царем в конце каждого года, числились на службе всю свою жизнь и представляли, за немногими исключениями, бюрократов, которые занимали высокие посты в гражданской или военной иерархии, как, например, министры, генерал-губернаторы, командиры армейских корпусов, посланники, судьи Верховного Совета и т. д. Избранные члены состояли из представителей высшего духовенства, дворянских и ученых обществ, академий и университета, торговых и биржевых палат и, наконец, из большого числа представителей земств от всех частей империи, где существовали эти учреждения, и представителей крупных землевладельцев от таких, напр., мест, как Польша, Литва и восточные балтийские правинции.

Благодаря такому составу Государственный Совет представлял из себя наиболее умеренное учреждение в сравнении

с верхними палатами Европы, в странах, в которых существует конституционное правительство, как, например, палата лордов или итальянский сенат. Несмотря на небольшое уважение, которое я питаю к русской бюрократии, я должен признать, что среди членов Совета было достаточное число людей больших способностей. Некоторые из них находились на государственной службе в либеральный период царствования императора Александра II. Среди них был дядя моей жены гр. Пален, который в тридцать лет, по его должности министра юстиции, был призван царем ввести в России судебные реформы, явившиеся величайшими актами царствования императора Александра II. Гр. Пален был дворянином старой школы, который пользовался большим расположением при дворе, но отличался абсолютной независимостью по отношению к правительству и был всеми уважаем за его свободолюбивый и благородный характер. Вместе с ним работали такие люди, как гр. Сольский, Голубев, оба брата Сабурова (один из них был послом в Берлине, до тех пор, пока не был вынужден оставить свой пост по причине расхождения с князем Бисмарком). Герард, Кони и др., все бюрократы, но одаренные широким кругозором, обширным знанием и большим опытом в государственных делах. Любопытно отметить, что старшие бюрократы были отмечены либеральными тенденциями или, другими словами, духом царствования императора Александра II, в то время как молодое поколение чиновников исповедывало реакционные идеи более позднего периода царствования Александра III.

Особое место в Государственном Совете занимал гр. Витте, который только что покинул власть и будущее отношение которого к правительству представлялось загадочным. В следующей главе я постараюсь набросать портрет этой властной фигуры, политическая роль которой прервалась, как казалось, только на время. В то время, как избранные члены Гос. Совета призывались к работе только на 9 лет, целая треть их каждые три года была обречена на замещение их равным числом вновь избранных на тех же самых условиях, что и их предшественники. По этой причине я не могу вспомнить совершенно отчетливо состава первого избрания членов, принадлежащих к этой категории, и поэтому возможно, что я укажу лиц, которые вошли в Совет несколько позже. Академия и университеты были представлены такими выдаю-

щимися профессорами, как кн. Голицын, Ольденбург, Грим и Таганцев; коммерческие и промышленные предприятия, так же, как и биржа, были представлены людьми столь же высокого достоинства, среди которых я могу назвать Крестовникова, Авдакова и Тимирязева; дворянство, земство и помещики послали своих лучших представителей, большая часть которых присоединилась к партии центра, т.-е. к умеренно-либеральной партии, председателем которой был мой близкий друг кн. Петр Трубецкой, бывший предводитель дворянства в Москве, судьба котораго—увы!—сулила ему вскоре погибнуть от руки убийцы.

Среди членов, принадлежащих к этим последним трем категориям, я отмечаю ряд моих старых друзей, как, например, кн. Бориса Васильчикова, предводителя новгородского дворянства, проникнутых наилучшими либеральными тенденциями.

В заключение нужно сказать, что поляки были представлены очень известными и образованными людьми, в особенности хорошими ораторами, такими, например, как Корвин-Милевский, хорошо известный в Петрограде гр. Велепольский, Скирмунт и Шебеко. В тот момент, о котором я говорю, Государственный Совет не принял еще того характера, который отличал его позже в заседаниях, руководимых реакционными принципами,—когда он стал служить послушным орудием в руках правительства. Изменение его состава происходило мало-по-малу, благодаря усилиям, употребляемым высокими сферами, чтобы помешать назначению кого бы то ни было, кто не принадлежал к правой партии. Что касается заседаний его первой сессии, Государственный Совет не только демонстрировал большую независимость и глубокое понимание вопросов, но, как мы увидим, он горячо оппонировал проектам кабинета Горемыкина, и не заслужил той враждебности, которая была проявлена по отношению к нему Думой.

Несмотря на прочно установленный обычай, в силу которого каждый министр немедленно после отставки назначался членом Государственного Совета, я был назначен двумя годами позже, ввиду оппозиции, которая была проявлена по отношению к моей кандидатуре реакционными кругами и вследствие влияния их на императора. Только благодаря энергичному протесту Столыпина, эти препятствия были устранены, в результате чего я сделался членом Совета, вместе с моим братом, и мы оба присоединились к партии центра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Граф Витте.

Теперь мне предстоит весьма трудная задача: дать характеристику великого государственного деятеля, графа Витте, которую я хочу сделать возможно более добросовестно. Немногие министры вызывали о себе столь различные суждения, высказываемые с такой страстью. Он имел значительное количество врагов, но также много восторженных поклонников, которые пользовались только превосходной степенью, когда говорили об его характере и вообще об его личности. Вряд ли кто-нибудь умел лучше, чем он, внушить к себе со стороны своих друзей столь горячую и искреннюю преданность, великолепный пример которой можно видеть у д-ра Диллона в его книге «Россия в упадке», посвященной «памяти моего друга, величайшего русского государственного деятеля, С. Ю. Витте».

Что касается меня, я никогда не находился под очарованием властной личности графа Витте, и с другой стороны я не испытывал по отношению к нему того чувства недоброжелательности, которое он вызывал у многих своих современников, особенно у императора Николая, никогда не оказавшегося способным победить свое чувство антипатии к нему.

Я чувствую, что мне возможно дать его описание с полной объективностью, что я и постараюсь сделать.

Отличительной чертой его внешности были высокий рост и широкие плечи. Он был на голову выше человека обыкновенного роста даже в России, где часто встречаются люди высокого роста, и все телосложение его вызывало предста-

вление о работе, сделанной грубыми ударами топора. Его лицо имело бы тот же характер, если бы не дефекты формы носа, которые давали ему некоторое сходство с портретом Микель Анджело. Его манеры были резки, повидимому, намеренно; может быть, он практиковал это, чтобы защитить себя от смущения, которое он испытывал при дворе и в высшем обществе столицы, с обстановкой которого он никогда не смог освоиться. Но, несмотря на его внешность и резкие манеры, он производил на всех впечатление человека большой силы и оригинальности.

Что всегда производило на меня неприятное впечатление, это его голос, который звучал очень резко и особенно его произношение, усвоенное им в юности, когда он жил в Одессе, где население чрезвычайно смешано, состоя из греков, румын и других южан. Это произношение, которое было для него обычным явлением, чрезвычайно резало ухо, так как я привык к чистому и элегантному языку, употреблявшемуся нашим великим поэтом Пушкиным, языку, на котором говорила вся культурная Россия и население обеих столиц, особенно Москвы.

Граф Витте, как известно, был «самоучка». Он не был по рождению совсем простого происхождения; его отец, который был провинциальным чиновником, иностранного происхождения (я думаю, датчанин), занимал довольно высокий пост на государственной службе, а его мать принадлежала к одной из лучших фамилий России. Но, закончив свое образование в его родной провинции, он не начал делать бюрократической карьеры, которая являлась единственным путем к достижению высокого чина в этот период. Он поступил на службу крупной частной компании, которая владела Юго-Западными железными дорогами в России, и первые двадцать лет своей службы провел там. Одаренный редкой энергией, он прошел все ступени службы, не уклоняясь от самых незначительных обязанностей, вплоть до должности начальника станции, и, благодаря его всестороннему знанию железно-дорожного дела, когда он был призван в Петербург Александром III, в качестве эксперта по железно-дорожному делу, столь важному в то время для России, он легко достиг преобладания над бюрократической рутиной столицы.

В Петербурге его кипучая деятельность скоро покинула рамки своей специальности, и он сделался авторитетом не

только по железно-дорожному вопросу, но и по вопросам экономической жизни страны. Его восхождение по ступеням чиновничьей иерархии было весьма быстро, и всего через несколько лет после прибытия в Петербург он уже встал во главе министерства финансов, пост, не только важный сам по себе, но которому он придал особое значение. Он занимал этот пост (исключая двух лет, 1903—1905) до того самого дня, когда, как мы видели, он сделался главой первого конституционного правительства России.

Ум графа Витте всегда был направлен на практическое разрешение вопросов; его политические и экономические взгляды не были, как общее правило, проникнуты глубоким пониманием их с государственной точки зрения или освещены знанием законов, которые управляют жизнью человеческого общества. Этим отчасти объясняются, как я думаю, некоторые из его ошибок, которые были им совершены, но хотя я не раз был поражен отсутствием у него того, что принято называть высокой культурой, и общей основной идеи, я не могу пойти в этом направлении так далеко, чтобы согласиться с Бомпаром, который в своей статье, напечатанной в Revue de Paris, высказывает мнение, что графу Витте не доставало самого элементарного знания финансовой науки.

Несмотря на это утверждение, Бомпар признает, что граф Витте был «администратором большой интеллектуальной силы, финансистом с широким кругозором и выдающимся государственным деятелем». Это суждение делает честь беспристрастию бывшего французского посла в Петербурге, политические разногласия которого с графом Витте никогда не прекращались, но мне кажется, что это суждение не отдает должного гениальности графа Витте. Без колебания употребляю я слово «гениальность», потому что граф Витте в известную пору его деятельности проявил нечто большее, чем простой талант.

Можно ли с полным правом сказать, как делает это д-р Диллон в своей книге, что граф Витте был «единственным государственным деятелем, которого дала Россия со времен Петра Великого?» Я этого не думаю. Его деятельность изобиловала ошибками, от которых Россия жестоко страдала, чтобы было возможно отвести ему столь высокое место в истории страны. Я думаю, было бы более правильным сказать, что в известные периоды его деятельности, благодаря

смелости его взглядов и решительности, с которой он проводил их, его можно поставить наряду с величайшими государственными людьми всех времен и всех наций. Но в иные времена и, к сожалению, в очень критические моменты он не оказывался на высоте положения. Это происходило скорее от недостатка характера, чем интеллекта, так как, в противоположность личности Столыпина, он обнаруживал себя, как человек, моральные качества которого не всегда были на одном уровне с его интеллектуальной одаренностью.

Не отнимая общепризнанной оценки замечательной деятельности графа Витте, всякий может отметить тот факт, что он не следовал в своей работе какой-либо определенной схеме и что она представляла разнообразные и часто противоречивые фазы. Чтобы объяснить эту аномалию, необходимо представить себе ту обстановку, которая влияла на него в течение пятнадцати лет его государственной деятельности.

До провозглашения конституции 1905 года в России не было однородного кабинета министров, не было ни председателя совета министров, ни даже постоянного совета в собственном смысле этого слова. Император в известных случаях созывал министров на совещание под своим председательством, чтобы рассмотреть тот или иной вопрос особой важности, но такие случаи бывали редки и, как общее правило, каждый министр работал отдельно с императором и получал указания, исходящие только непосредственно от государя.

В результате получалось, что министры не были связаны между собою единством работы и, даже больше того, создавалось известное предрасположение поддерживать положение полной независимости друг от друга.

Царь Александр III, очень ревниво оберегавший самодержавный режим, заботливо направлял министров именно по этому пути, и всякая попытка с их стороны собраться вместе, в целях достижения согласованного решения по какому-либо вопросу, рассматривалась им, как стремление умалить его прерогативы.

Император Николай не внес изменения в этот порядок и даже усугубил его, созывая министров на совещания еще реже, чем то делал его отец. Если отметить также, что министры не подлежали парламентскому контролю позже и что все усилия земств расширить сферу своей деятельности строго

преследовались, можно только удивляться, как подобного рода система не вызвала значительно раньше, чем это случилось, полной дезорганизации в жизни одной из величайших империй, известных в новейшее время.

Как только граф Витте сделался министром финансов, он сейчас же обнаружил явную склонность доминировать над другими членами кабинета и стал de facto, если не de jure, действительным главой русского правительства.

Осуществления этой цели он достигал не только путем воздействия своей властной натуры и непререкаемого превосходства на своих коллег, но также и тем фактом, что, будучи министром финансов, он поставил все министерства в зависимость от себя, так как Александр III совершенно доверял ему, отказывая в санкции кредита без согласия графа Витте.

Но это превосходство не долго удовлетворяло честолюбие графа Витте, который мечтал распространить свою деятельность на руководство всей политической и экономической жизнью страны, чего в конце концов он и добился.

Таким путем он осуществлял контроль над бесчисленной армией чиновников всех наименований и рангов в войске, во флоте, даже на дипломатической службе. В дальнейшем, его стремление бесконечно распространять власть государства даже в сферу деятельности, отмеченную личной инициативой, привело к тому, что в течение десяти лет он был действительным господином 160-миллионного населения империи.

Я уже отмечал, что соотечественники графа Витте не отдавали должного его деятельности. Мне же кажется, что министр, который имеет на своем счету успешное выполнение трех задач—монетной реформы, портсмутского договора и конституционной хартии 1905 года—заслуживает быть поставленным в одном ряду с величайшими государственными деятелями не только России, но и всего мира.

Выполнения первой задачи, т.-е. установления металлического обращения и твердой валюты, достаточно, чтобы предоставить ему это место. Эта реформа, которая встретила значительныя препятствия на пути к своему осуществлению, была проведена исключительно благодаря настойчивости графа Витте и помогла России выйти из русско-японской войны и революционных потрясений 1905 года без финансового кризиса.

Я уже высказывал свое мнение о портсмутском договоре, и я, не колеблясь, квалифицирую его, как неожиданный успех России, который был достигнут не diplomate de carrière.

Наконец, манифест 17-го октября, несмотря на запоздание, в котором повинен император Николай II, несомненно спас на время российскую монархию от гибели, отсрочив ее на двенадцать лет, пока она снова не покинула пути, намеченного графом Витте, чем подписала себе смертный приговор.

Хотя я и не чувствую себя компетентным судить об экономической политике графа Витте, однако, я не буду неправ, если скажу, что эта сторона его деятельности должна вызвать серьезные критические замечания.

Я уже отмечал его стремление направить государство в сторону участия в экономической жизни страны, путем ряда мероприятий, как, например, организацией железнодорожного строительства, эксплоатацией en régie обширных владений короны, внимательным наблюдением за мануфактурной промышленностью и т. д., вследствие чего государство подчинило своему контролю частную инициативу и деятельность, которые с этих пор так слабо развивались в стране. Но помимо этого чрезмерного «огосударствления», многие мероприятия графа Витте в экономической области оказались вредными для хозяйственного организма России.

В своей книге «Россия в упадке» д-р Диллон говорит, что граф Витте видел слабость и отсутствие связи между различными элементами, составляющими Российскую империю, и рассчитывал, что эти элементы могли бы быть консолидированы и приведены в связь друг с другом путем создания громадного экономического преобразования, которое создало бы властные национальные интересы и послужило бы основанием для действительного перевоспитания нации. С моей точки зрения, если эти строки и не характеризуют общего плана графа Витте—так как мне всегда казалось, что у него отсутствует какой-либо продуманный план,—они в конце концов правильно определяют направление его политической деятельности.

Слабость и разобщенность элементов, составляющих русскую империю, не могли ускользнуть от внимания государственного деятеля и совершенно ясно обнаружили себя позже, после падения монархии. Но я принадлежу к той политиче-

ской школе, которая всегда полагала, что лекарством для такого положения вещей может являться не контроль государства à outrance, не укрепление централизации и даже не искусственное стимулирование материальных интересов, но развитие местного самоуправления, представительный образ правления, построенный на этом принципе, удовлетворение разумных требований различных национальностей и систематическое внедрение в народное сознание необходимости развития личной инициативы.

Нет разногласий в том, что мероприятия, указанные графом Витте, заслуживают тех громадных усилий, которые были затрачены для развития или вернее создания промышленности в России.

Но, отдавая все свое внимание этой стороне хозяйственной жизни России, разве граф Витте не понимал, что Россия является земледельческой страной и что она нуждается в поощрении сельского хозяйства?

И разве не на счет финансовой политики графа Витте следует отнести то обстоятельство, что громадное количество земледельческих продуктов экспортировалось, расстраивая тем самым экономический баланс и даже подвергая физическим страданиям земледельческое население?

Та политическая школа, к которой я принадлежу, всегда придерживалась того мнения, что создание многочисленного рабочего класса, концентрирующегося по городам, формирует революционные кадры par excellence, как то доказал 1917 год, и что этому должны предшествовать широкие аграрные реформы, в целях развития мелкой частной собственности. Это не только увеличило бы производительность земли, но внушило бы крестьянству склонность к консерватизму, которая у него совершенно отсутствовала.

Я отмечу только мимоходом одно из мероприятий графа Витте, которое выродилось в свою собственную противоположность: монопольная продажа спирта. Лично я придерживаюсь того мнения, что эта мера, рассматриваемая, как паллиатив, была хороша сама по себе и предопределялась предшествующим положением вещей Но вместо того, чтобы удовлетвориться ею, как паллиативом, граф Витте не приложил своей громадной энергии в целях добиться ее отмены, и она превратилась в орудие деморализации и обнищания масс.

Вот предмет, в котором я чувствую себя более компетентным — вопрос о русской политике на Дальнем Востоке. Граф Витте имел громадное влияние на эту политику, и может считаться ответственным за нее, если не вполне, то в большой степени. Роль, которую он играл в этой драме, наиболее сложна и разнообразна. Если бы кто-нибудь пожелал узнать причину несчастной войны между Россией и Японией, ему было бы необходимо, по моему мнению, рассмотреть решение, принятое русским правительством с графом Витте во главе, провести трансcибирскую железную дорогу до Владивостока по китайской территории, которое состоялось хотя и давно, но в то время создало на восточной границе империи очень сложное и опасное положение. Это явилось первым шагом, обеспокоившим Японию и обнаружившим для этой державы империалистические намерения России на Дальнем Востоке. Будучи всегда сторонником европейской политики для России, я никогда не придерживался мнения, что нам следует распространить поле деятельности России в места, отдаленные от центра наших традиционных интересов, что несомненно ослабляло нашу позицию в Европе. Мне всегда казалось, что Сибирь должна быть рассматриваема, как резерв, до того дня, когда Россия окажется вынужденной направлять туда излишки своего населения.

Однако, я вполне охотно признаю смелость и уменье, с которыми граф Витте осуществлял свой план, и готов принять, что если бы он ограничился проведением транс-сибирской дороги, это могло бы послужить средством для экономического развития России, но, к несчастью, эта возможность была совершенно устранена последующей активной политикой на Дальнем Востоке и в особенности захватом Ляо-Дунского полуострова с портами Дальним и Порт-Артуром.

Я спешу прибавить, что граф Витте лично протестовал против этой политики, которая в действительности велась по плану, внушенному германским императором в целях захвата Киао-Чао. Во время первого своего визита в Петербург, после восшествия на престол Николая II, кайзер дал обещание не мешать coup de main, который он имел в виду, и настаивал, чтобы царь последовал его примеру, завладев Ляодунским полуостровом.

Граф Муравьев, который был в то время министром иностранных дел, не разбираясь вообще в делах иностранной политики, а в делах Дальнего Востока в особенности, был увлечен этим планом, так как он сулил ему увеличение его личного престижа, и из его собственных уст я слышал о том, что происходило на совете, который был созван царем для обсуждения этого вопроса.

Из всех присутствующих министров один только граф Муравьев поддерживал проект Николая II, которому оппонировали другие министры, и в особенности граф Витте, ясно видевший опасность такого нарушения неприкосновенности китайской территории.

Царь последовал за мнением большинства и проект был временно отложен, но граф Муравьев не пожелал признать себя побежденным и позже достиг успеха, убедив императора, что по секретным сведениям английская эскадра намеревается занять Порт-Артур в ответ на захват Киао-Чао Германией, и что необходимо любой ценой предупредить Англию. В результате адмирал Дубасов, командующий русскими морскими силами на Дальнем Востоке, получил от императора Николая прямой приказ войти в Порт-Артур и водрузить там русский флаг. Таким образом граф Муравьев одержал столь знаменательную победу над графом Витте, и Россией были приобретены два китайских порта.

Если бы Россия была конституционным государством, или если бы даже она имела однородный и объединенный кабинет, министр, который протестовал против столь решительного и важного шага, должен был бы уйти в отставку. Ничего подобного не было сделано графом Витте—и даже более того, он воспользовался этим случаем, чтобы расширить круг своего влияния. Увеличив протяжение транссибирской железной дороги, он настоял на соединении русского порта Владивосток железнодорожной линией с китайским Ляодунским полуостровом. Под предлогом охраны нужд железной дороги, русское правительство добилось от Китая не только аренды Порт-Артура и Дальнего, но также и обширной территории по обе стороны дороги. Граф Витте создал из этой территории, которая находилась исключительно под контролем его министерства, область, где он пользовался почти неограниченной властью. На этой территории были построены новые города, как, например, Харбин и новый порт Дальний. Он имел в

своем распоряжении целую армию, под видом охраны железной дороги, так же как речной и океанский флот. Многочисленные чиновники, подчиненные ему и изъятые из ведения центральной власти империи, управляли на этой территории, которая представляла из себя фактически громадное колониальное владение на отдельных границах России в Азии, повелителем которого являлся граф Витте.

Манчьжурское предприятие графа Витте, бесполезное и даже опасное само по себе, являлось особенно роковым для внешних русских дел и может быть рассматриваемо, как первопричина русско-японской войны. Если бы правительство удовлетворилось использованием Ляодунского полуострова только как базы тихоокеанского флота (хотя русский порт Владивосток совершенно удовлетворял этой цели), возможно, что Япония примирилась бы временно с этим положением. Но оккупация части Манчжурии, помимо Ляодунского полуострова, неизбежно повела к серьезным осложнениям и вызвала столкновение между Россией и Японией, так как нападения со стороны боксеров на Китайскую восточную железную дорогу вызвали оккупацию Манчжурии русскими войсками в 1900 году, что послужило главным предметом русско-японского спора.

Когда вскоре после этого манчжурская проблема осложнилась авантюрой Безобразова, Абазы и комп. в Корее и на Ялу, час подведения счета между Россией и Японией пробил, но я повторяю, что начальной причиной для русско-японского конфликта послужила империалистская политика графа Витте. Тем не менее, корейская авантюра была непосредственной причиной войны.

Граф Витте, так же, как и его друг граф Ламсдорф, открыто боролись с кучкой придворных и безответственных прожектеров, которые привлекли на свою сторону царя и, играя роль тайного правительства, совершенно отстранили министра финансов и министра иностранных дел от участия в решении дальне-восточных дел. Но, зная дальновидность графа Витте и графа Ламсдорфа, невозможно снять с них ответственность за то, что случилось. Приходится снова отметить тот факт, что в стране, обладающей правильно организованным правительством, министры, оказавшиеся в подобном положении, подали бы в отставку и не приступили бы к отправлению своих обязанностей раньше, чем не получили бы удовлетво-

рения. Вместо этого мы видим, что граф Витте спокойно остается на своем посту и наблюдает, в качестве зрителя, результаты политики, которой он был бессилен противодействовать. Его alter ego, граф Ламсдорф, не только не подал в отставку, но даже развил удивительную теорию, что в России министр иностранных дел не может покинуть свой пост, не будучи уволен государем, и что его единственной обязанностью является изучение вопросов, связанных с внешними делами империи, и представление своих заключений императору, который в качестве самодержца может решать за или против, и это решение является обязательным для министра.

Граф Витте, конечно, не мог разделять подобного мнения, но его забота о том, чтобы остаться у власти, превысила все другие соображения и помешала ему не только подать в отставку, но даже протестовать перед императором достаточно решительным образом против политики, которая, как он знал, вела к катастрофе.

Это отсутствие характера, которым отмечены известные фазы карьеры графа Витте в период, предшествующий войне, обнаруживает яснее, чем что-либо, недостаток энергии и необходимых для государственного человека качеств так, как они проявились в наиболее критический период. Д-р Диллон включил в свою книгу письмо, адресованное графом Витте императору Николаю, датированное 28 февраля 1905 года, в котором он излагает с откровенностью и определенностью, заслуживающей величайшей похвалы, соображения, почему совершенно необходимо было начать немедленно мирные переговоры с Японией. В том же самом письме он настаивает на необходимости не медлить долее с успокоением общественного мнения России, глубоко взволнованного военными неудачами, путем искренней и решительной постановки на очередь вопроса о конституционных реформах. С неутомимой настойчивостью он отстаивает эту точку зрения перед царем и его советниками, гражданскими и военными, и, начиная с этого момента, вплоть до заключения договора, который был подписан графом Витте, он обнаруживал твердость и ясность ума, которые ставят его в первом ряду среди величайших государственных деятелей.

Во время переговоров в Портсмуте он обнаружил не только исключительный талант, как руководитель переговоров,

но также твердость характера и самозабвение, которые не отличали его в другие периоды его деятельности. К концу переговоров наступил тот ответственный момент, когда, хотя он вполне сознавал, что ему придется встретиться лицом к лицу со своими соотечественниками по своем возвращении в Россию, он принял на себя все последствия и даже odium договора, последовавшего в результате несчастной войны, и неизбежно позорного для России,—он обнаружил также моральную стойкость игнорировать указания из Петербурга, которые были часто противоречивыми и иногда носили печать неискренности; принял на себя всю ответственность за компромисс, наиболее благоприятный, чем Россия могла бы ожидать, но все-таки такой, который по самой природе своей мог вызвать позже по его адресу упреки. Условия портсмутского договора, принимая во внимание обстоятельства, сопровождавшие его заключение, были весьма льготны для России. Японцы отказались от требований, которые затрагивали бы жизненные интересы и достоинство России. Российская империя не платила военных издержек, сохраняла свой флот и не теряла ни пяди своей национальной территории. Правда, Россия уступала Японии южную часть острова Сахалина, но этот остров был приобретен только в сравнительно недавнее время и использование его было для нас весьма трудно, в то время, как японцы всегда заявляли свои претензии на обладание им. Портсмутский договор, таким образом, может быть рассматриваем, как весьма благоприятный сам по себе, но что давало ему особую ценность, это то, что он открывал путь к установлению нормальных отношений с Японией и, даже больше того, к действительному сближению и даже к союзу между обеими странами. Граф Витте обнаружил большую предусмотрительность, учитывая эту возможность даже раньше, чем он отправился в Портсмут, и пытаясь зондировать почву через д-ра Диллона у японского посла в Лондоне.

Хотя ничто не указывало на успех в этом направлении в то время, граф Витте не терял из вида этой возможности, когда пришло время определить условия договора; это дало мне случай позже, когда я был министром иностранных дел, использовать его мысль и притти почти к обоюдному согласию с Японией, которое, в случае его развития, могло бы принести столь благоприятные результаты для России и для всего тройственного соглашения.

Величайшим ударом для графа Витте по его возвращении в Россию было видеть, насколько его усилия не были оценены его соотечественниками.

Император пожаловал ему, правда, титул графа, но прием, оказанный ему, был холоден больше, чем когда-либо. Общественное мнение и оценка его прессой были явно враждебны, некоторые лица, обладающие юмором, называли его «граф Сахалинский». Короче, триумф, которого он ожидал и на который он имел непререкаемое право, не был им получен — его встретили враждебностью и насмешками.

Я нахожу, что я рассмотрел мельчайшие детали в первой главе этой книги, касающиеся деятельности графа Витте, в качестве главы первого конституционного кабинета.

Каковы были причины, которые ограничили размах его деятельности и лишили его возможности дать наиболее благоприятное направление событиям?

Вот вопрос, который будущие историки этого тревожного периода должны исследовать, и вот почему я колеблюсь высказать свое мнение. Но нужно ли говорить о том, что в столь критических обстоятельствах граф Витте обнаружил твердость и настойчивость характера, которые требовались моментом?

Как могло случиться, что граф Витте остановил свой выбор на Дурново, в качестве министра внутренних дел и предоставил ему возможность вести слепую политику репрессий, которая вызвала конфликт с правительством со стороны самых умеренных элементов страны и имела своим последствием победу крайних радикальных партий? И каким образом можно расценить тот избирательный закон, который давал доминирующее положение крестьянам в первой Думе и вызвал ее преждевременный роспуск?

Трудно было бы приписать это ошибке, происходящей от отсутствия предвидения у человека такого калибра, каким был граф Витте, и это нужно всецело отнести на счет соображений, вызванных его личными интересами, скорее, чем интересами той реформистской работы, которую он предпринял. Граф Витте, как финансист, склонялся к мысли, что только материальная обстановка является доминирующей в политике. В результате, граф Витте часто совершал тяжелые ошибки в своем диагнозе международного положения. Разитель-

ным примером этого является его абсолютная неспособность понять природу отношений между Францией и Германией и психологию французского народа. Всецело захваченный идеей создания континентальной коалиции, он был убежден, что на пути к осуществлению такой коалиции между этими двумя нациями препятствий нет. Я уже отмечал ранее, что, когда граф Витте был министром финансов, он имел под своим руководством ряд чиновников, которые в действительности несли дипломатические обязанности, а официально назывались финансовыми агентами, прикомандированными к русским посольствам и миссиям обоих полушарий. Эти агенты, большинство которых обладало исключительной энергией и способностями, выполняли свои обязанности совершенно независимо от их номинальных дипломатических руководителей, сносясь непосредственно с министром финансов, не сообщая даже своих докладов номинальным начальникам и придерживаясь иных линий поведения, чем те, которые были приняты официальной русской дипломатией. На этих агентах граф Витте рассчитывал построить осуществление своего проекта о создании союза между Россией, Францией и Германией, основанного на общности материальных интересов и направленного против преобладания Англии в финансовой и коммерческой области.

В последние годы, предшествующие мировой войне, когда я был послом в Париже, я имел случай обсуждать этот вопрос несколько раз с графом Витте, который имел обыкновение останавливаться в Париже по пути в Биарриц, где жила его семья. Во время этих разговоров он выражал убеждение, что Франция потеряла прежнюю свою расположенность к военным доблестям, что подавляющее большинство французов не заботится больше о возвращении потерянных провинций, судьба которых интересует только шовинистов, не оказывая никакого влияния на широкие круги населения страны; что, наконец, французская нация, предрасположенная к восприятию идей интернационального социализма и пацифистской пропаганды, никогда не согласится вступить в вооруженный конфликт с Германией, особенно если вопрос будет касаться восточных дел. Обладая чрезвычайным влиянием среди известных финансовых групп Европы, он полагал возможным с помощью их сблизить интересы Франции и Германии и подготовить почву для их политического союза.

Он не сомневался в том, что если бы он был послом в Париже, он добился бы этого результата.

Будучи внимательным наблюдателем французской национальной жизни, я не могу присоединиться к его мнению. Больше, чем кто-либо, я знал руководящие идеи германской иностранной политики, находившейся под влиянием группы пангерманистов и принятой кайзером, которая считала Германию гегемоном мира, рассчитывая на возможность союза между Германией, Россией и Францией. В соответствии с этим, я противополагал свои замечания аргументам графа Витте в опровержение его химеры о возможном союзе, который для нас создавал риск ослабить наши позиции в отношениях с Францией и Англией и, таким образом, исключить возможность сопротивления против чудовищного роста военного могущества Германии. Я настаивал, что мы должны быть готовы к тому дню, когда император Вильгельм, под влиянием военной партии, обратится к аггрессивной политике, пути к которой были заранее приготовлены. Короче, это являлось единственным средством предотвратить опасность, которая становилась очевидней день ото дня в политическом, военном и экономическом отношении. Что касается Франции, я был убежден в ее лойяльности. Я могу прибавить, что я был призван защищать это положение не только против графа Витте, но и группы русских дипломатов, которые с надеждой взирали на сближение России с Германией, и среди которых фигурировали такие имена, как барон Розен, русский посланник в Лиссабоне, Боткин, пользовавшийся большим расположением при дворе, и др. Мой последний разговор с графом Витте имел место за несколько месяцев до начала великой войны.

Когда граф Витте уступил свое место главы русского правительства Горемыкину, было совершенно ясно, что он не расположен к новому кабинету. Николай II, так же, как и его новые министры, не могли быть безразличными для графа Витте, и в его должности члена Государственного Совета или верхней палаты, граф Витте, автор манифеста 30-го октября, неизбежно становился лидером либеральной партии в этом учреждении, объединявшим вокруг себя врагов бюрократического кабинета Горемыкина. Это было бы вполне естественно, и все были весьма удивлены, когда он отказался от этой

роли и присоединился к реакционной группе в Государственном Совете, во главе которой стоял его прежний коллега и противник Дурново. Он принадлежал к ней, несмотря на все события, которые сопровождали открытие Думы, и в последние дни его жизни его деятельность была настолько непонятна, что становилось возможным сомневаться в его умственных способностях. Следует отметить, что он счел для себя возможным прибегать к помощи Распутина в надежде восстановить расположение царя и быть призванным к власти. Я с трудом поверил бы этому, но я вспоминаю замечание, сделанное им во время разговора со мною в Париже в эпоху Балканской войны, когда он заявил, что если Россия не вмешалась в войну, этим она обязана усилиям Сазонова, против политики которого он чрезвычайно возмущался, но который действовал под влиянием распоряжений императора, продиктованных Распутиным в целях сохранения мира; и я вспоминаю, как я был удивлен в то время слышать столь странное утверждение с его стороны. Несмотря на то, что мне самому было тяжело прийти к такому заключению, я, не колеблясь, приписываю его перемену мотивам личного честолюбия. Привыкший в течение 15 лет к власти, объем которой я выше описал, граф Витте оказался неспособным помириться с потерей своего официального положения, и вся настойчивость его громадной воли была направлена к одной цели—восстановить свой прежний престиж. Зная склонность императора и тех, которые пользовались его расположением, он решил, что наиболее верным путем к достижению цели будет предоставление себя на службу реакционной партии. Таким образом, покинув ту роль, в которой он оказал столь блестящую услугу своей стране, он превратился в последователя таких людей, как Дурново, Штюрмер и др. реакционные лидеры, потеряв благодаря этому уважение со стороны либералов и не выиграв ни расположения императора, ни доверия со стороны реакционной партии. Это было печальное зрелище—видеть его одаренность и прозорливость, как государственного деятеля, подчиненными тщетной мечте о восстановлении его былого положения в официальном мире. Чтобы достигнуть этой цели, он не поколебался использовать свое положение министра финансов, и ни для кого не секрет, что, желая открыть двери известных салонов Петербурга, он воспользовался золотым ключем в форме займа, и государство

вынуждено было подвергнуться благодаря этому значительным финансовым тяготам.

Враги графа Витте обвиняют его в продажности и указывают факты, подтверждающие их обвинение, но я никогда не считал их заслуживающими доверия. Он всегда казался мне добивающимся скорее достижения почетного поста, чем денег. Несомненно, что, потеряв власть, он мог бы достичь большого богатства, и, конечно, не желая лишиться возможности вернуться к власти, он отклонял предложения, которые делались ему солидными финансовыми учреждениями России, предоставлявшими ему блестящее положение с финансовой точки зрения, так как оно неизбежно вызвало бы его отставку, как члена Государственного Совета по назначению, в качестве которого он имел доступ ко двору и принадлежал к официальным кругам.

Факты, сообщенные мною на предыдущих страницах, подкрепляют мое утверждение, что характер графа Витте не всегда соответствовал его интеллектуальной одаренности. Но в то же самое время он обладал некоторыми чертами, которые были чрезвычайно симпатичны и притягательны. Он был верным и преданным другом и вызывал взамен горячую привязанность. Его преданность памяти императора Александра III, которая была весьма значительна, распространялась и на государя, который отмечал его своей благосклонностью и пожаловал ему высокий титул. Он умел ненавидеть и являлся страшным врагом для своих противников.

Наиболее трогательной чертой его была привязанность к семье; было трогательно видеть этого гиганта, который привык добиваться исполнения самых капризных своих требований, превратившегося в раба перед маленьким внуком и оказывавшего ему нежную заботу. И когда он с такой настойчивостью стремился к сохранению власти, не думал ли он о том, чтобы создать наиболее блестящее положение для своей жены и дочери, которых он так страстно любил?

Мои личные отношения с графом Витте не были никогда близкими, как я уже говорил, и в течение долгого времени его позиция по отношению ко мне было враждебной, возможно—потому, что он опасался, что мое влияние в государственных делах будет направлено против него.

Д-р Диллон отмечает в своей книге, что граф Витте боролся против моего назначения на пост министра ино-

странных дел после смерти графа Муравьева. Предубежденный против моего независимого характера, он убеждал императора назначить графа Ламсдорфа, который был известен ему, как человек весьма податливый, что делало его полным хозяином в вопросах иностранной политики. Д-р Диллон прибавляет, что граф Витте сделал ошибку, так как, именно благодаря моему независимому характеру, я имел бы возможность помочь ему значительно больше, чем мог сделать это граф Ламсдорф, сопротивляясь образованию за моей спиной тайного правительства, составленного из авантюристов, и настаивая перед императором на отставке Безобразова и его друзей.

Так как д-р Диллон говорил об этом с самим графом Витте и ввиду того, что это совпадает с тем, что я слышал из других источников, я имею все основания верить этому.

Он не ошибался в этом отношении, так, как, конечно он нашел бы во мне соратника по борьбе с корейской авантюрой, который сопротивлялся бы ей в самой энергичной форме вместо того, чтобы следовать нелепой доктрине графа Ламсдорфа о слепом повиновении своему государю.

Я не вполне уверен, что мне удалось sine ira et studio обрисовать портрет графа Витте. Его характерные черты чрезвычайно сложны и варьируют между проявлениями действительного величия и неожиданной слабости, но со всеми его недостатками это был один из величайших государственных деятелей.

Обращаясь теперь от графа Витте к графу Ламсдорфу, министру иностранных дел с 1900 по 1906 г.г., легко заметить абсолютную противоположность между этими людьми, которые однако никогда не порывали своей личной дружбы и близких политических отношений. В противоположность грубой и несветской внешности Витте, граф Ламсдорф представлял из себя тип наиболее совершенного придворного. Выросший, так сказать, на ступенях трона, он унаследовал от многих поколений высших чиновников императорского двора манеры и идеи старых времен.

Это был человек маленького роста, выглядевший чрезвычайно молодым для своего возраста, с светлыми рыжеватыми волосами и маленькими усами, всегда причесанный, завитый и надушенный с большой заботой. Изысканностью своего

платья и речи он напоминал князя Кауница, когда этот знаменитый австрийский дипломат был в Париже.

Получивши воспитание в Пажеском корпусе, он не имел глубокого образования, но был одарен присутствием таких качеств, которые ставили его в первом ряду в среде окружавших его чиновников: работоспособный, скромный, никогда не пренебрегавший своей работой для ведения рассеянного образа жизни, обычного для молодых людей. Ему посчастливилось последовательно сделаться доверенным и близким сотрудником четырех министров иностранных дел: князя Горчакова, Гирса, князя Лобанова и графа Муравьева.

Во времена графа Муравьева он сделался правой рукой министра иностранных дел и, благодаря своему навыку и знанию деталей дела столь же, сколь благодаря невежеству и бездарности этого удивительного министра, он фактически выполнял руководящую работу министерства. Как мы видели уже, благодаря содействию графа Витте, который рассчитывал сделать из графа Ламсдорфа послушное орудие выполнения своей воли, он, после смерти графа Муравьева, стал во главе министерства иностранных дел.

С этого момента граф Ламсдорф, ограниченный характер которого подчинялся сильной личности графа Витте, во всех делах был руководим своим знаменитым другом, и с этих пор оба министра—финансов и иностранных дел,—работали рука об руку, причем граф Витте играл руководящую роль, а граф Ламсдорф выполнял его указания, пользуясь своим большим опытом и знанием дипломатической техники. Никто не был так опытен во всех тонкостях дипломатии; наиболее важные обращения, которые он направлял иностранным представителям, были всегда написаны на бумаге с золотым обрезом и носили отпечаток чрезвычайно элегантного стиля. Он обладал замечательной памятью и никогда не забывал воспользоваться аргументами, почерпнутыми из архивов его министерства.

Имел ли граф Ламсдорф законченный план по вопросу об общем направлении иностранной политики и отдавал ли он себе ясный отчет относительно международного положения России в целом? Признаюсь, что в этом я всегда сомневался. По своим семейным традициям, как немец по происхождению, и по складу своего ума, он склонялся скорее в сторону германской ориентации, и будучи ярым сторон-

ником самодержавного режима, он с предубеждением относился к демократической Франции и к конституционной Англии.

Но с другой стороны он являлся ближайшим сотрудником предшествовавших министров иностранных дел, которые стремились сначала к сближению, а позже к заключению союза с Францией. Назначенный в свою очередь министром, он продолжал придерживаться этой же линии поведения с величайшей пунктуальностью и, как мы видели на примере договора в Биорке, с большим умением и талантливостью, и поддерживал двойственный союз, к которому император относился с неизменной благожелательностью. Но с его странным взглядом на обязанности русского министра иностранных дел он с такой же заботой и преданностью относился бы к какой-нибудь другой системе, если бы она была принята императором, которому он считал необходимым слепо повиноваться. Линия поведения графа Ламсдорфа по управлению министерством неблагоприятно сказывалась на взаимоотношениях центрального ведомства иностранных дел с его представителями за границей. Он был совершенно недоступен для большинства своих подчиненных, окружив себя узким кругом личных друзей, среди которых он распределял наиболее важные посты. Этот вид «round table», который особенно практиковался при берлинском дворе, лишал возможности получить какой-либо ответственный пост для лица, не имеющего протекции, как, например, было со мною, и обреченного оставаться на маловажных постах или направляться в наиболее отдаленные места, о которых раньше и не думалось.

Благодаря нерасположению, с которым относились ко мне в этом узком кругу приближенных графа Ламсдорфа, мне пришлось занимать различные посты на Балканах и на Дальнем Востоке, которые считались среди дипломатов весьма невыгодными, но где в действительности представлялась возможность получить практическое знакомство с делами, которое нельзя было приобрести ни в одном из самых блестящих посольств Европы. Когда я наследовал графу Ламсдорфу в качестве министра иностранных дел, я чувствовал большое затруднение в деле нормальной постановки порядка замещения личного персонала министерства, и некоторые мои мероприятия в этом направлении вызвали против меня раздражение и враждебность, которые заставили себя почувствовать позже в моей политической деятельности.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Поместное дворянство.

Говоря о причинах моего сближения со Столыпиным при вступлении в кабинет Горемыкина, я отмечал, что мы оба, Столыпин и я, были в стороне от бюрократических кругов Петербурга и что я питал большую симпатию к представителям дворянства и земства, которые были посланы в Думу и в Государственный Совет из различных мест империи.

Так как это обстоятельство оказало большое влияние на положение, занимаемое мною, я не сочту неуместным дать некоторые автобиографические детали, которые могут помочь объяснить не только политическую роль, которую я играл в жизни моей страны, но бросить также свет на известные моменты во внутреннем положении России этого периода, которые весьма мало известны за границей.

Моя фамилия принадлежала к русскому дворянству с середины XV века. Ее основатель, польский уроженец, прибыл в Россию в 1462 году во главе вооруженного отряда, чтобы предложить свои услуги великому князю московскому Ивану III, который пожаловал ему вотчины, часть которых принадлежала мне до революции, лишившей меня имений и другого имущества. Начиная с той эпохи и в течение всего московского периода мои предки служили государству. Двое из них участвовали в осаде Казани в 1552 году, во главе своих отрядов, а другие занимали выдающиеся посты в Москве, но никогда не принадлежали к московской олигархии, хотя в виду своих значительных владений считалось видными членами поместного дворянства. Они удерживали это положение и во время петербургского периода, но ни-

когда не были в числе придворных и высших чиновников, которые заполняли дворцы и правительственные канцелярии Петербурга; они предпочитали оставаться в своих имениях и тяготели к Москве, которая всегда рассматривалась дворянством, как настоящая столица страны.

Мой отец, родившийся в первой четверти XIX века, являлся типичным представителем своего класса. Образованный и обладающий широким кругозором, он еще молодым человеком посещал салон Елагиной, где обычно собиралось все наиболее просвещенное общество Москвы. Он встречал там, помимо пушкинского кружка, таких сторонников западничества, как Чаадаев и историк Грановский, наряду с первыми провозвестниками славянофильства, какими были Самарин, Хомяков и братья Киреевские.

Как всякий молодой человек его круга той эпохи, он вступил на военную службу, но вскоре оставил военную карьеру и в течение нескольких лет работал вместе с родственником моей матери, графом Муравьевым-Амурским, генерал-губернатором Восточной Сибири, который пользовался большой известностью, как покоритель и организатор громадных областей по реке Амуру.

Граф Муравьев-Амурский был известен своими либеральными идеями и собрал вокруг себя в Иркутске, в столице Восточной Сибири, группу достойных молодых людей, проникнутых теми же идеями. Эта группа очень сблизилась с декабристами, которые были сосланы в Сибирь за тридцать лет до этого за участие в заговоре 1825 года и которые, проведя много лет в весьма отдаленных областях Сибири, получили, наконец, разрешение поселиться в Иркутске. В статье, напечатанной в «Revue de Paris» и озаглавленной «Une Elite en exile», моя дочь описала по мемуарам той эпохи жизнь декабристов, из коих некоторые, как, например, князья Волконские и Трубецкие, принадлежали к лучшим фамилиям России, и все в целом являлись наиболее культурными и прогрессивными представителями своей эпохи. В результате столица этой отдаленной области обогатилась обществом высоко культурных и искренно либеральных людей.

Граф Муравьев-Амурский и его жена, француженка по рождению (ее девичье имя mademoiselle de Richemont), широко открыли двери своего дома для ссыльных, и мои

родители сделали то же самое, так как моя мать, вопреки всем неудобствам путешествия, последовала за моим отцом в Сибирь. На них часто доносили в Петербург, обвиняя их в чрезвычайном расположении к декабристам.

При восшествии на престол императора Александра II полное прощение, в котором Николай I упрямо отказывал более чем в продолжение тридцати лет, было даровано декабристам, и по своем возвращении в Россию они приняли участие в жизни высшего общества, которую они вели до их ссылки.

Мои родители в течение всей своей жизни поддерживали близкие отношения с некоторыми семьями декабристов, которые всегда высоко ценили их либеральные традиции; один из потомков, князь Волконский, находился в числе членов первой Думы. Впоследствии он был одним из товарищей председателя этого учреждения.

Побыв помощником графа Муравьева-Амурского в Сибири, мой отец был несколько лет губернатором в двух губерниях центральной России. Втечение этого времени он являлся ревностным сторонником либеральных реформ Александра II, но позже удалился в свое имение и вел жизнь поместного дворянина до своей смерти, живо интересуясь всегда всеми успехами европейской культуры и развитием прогрессивных и либеральных идей.

Семья моей матери была более тесно связана со двором, чем семья отца, но эти отношения порвались со времени одной дворцовой трагедии, которые отмечали каждое новое царствование со времен Петра Великого до начала XIX века, по поводу чего было удачно сказано, что русская автократия представляла собой «деспотический режим, смягченный убийством».

Дед моей матери, князь Яшвиль, занимавший весьма высокий пост в армии во времена царствования Павла I, был одним из главных действующих лиц той драмы, эпилогом которой явилась смерть этого императора.

Мы все хорошо знаем странные поступки, которые отмечали четырехгодичное правление ненормального человека, который наследовал Екатерине Великой на российском троне в конце 1796 года. Когда наступил 1801 год, болезнь Павла I приняла такие формы, что руководящие лица императорского двора сочли себя обязанными принять меры, чтобы положить конец положению, которое угрожало безопасности империи.

Был ли наследник престола и впоследствии император Александр I осведомлен о заговоре, который был организован для этой цели и который возглавлялся графом Паленом, военным губернатором столицы? Историки, изучавшие это событие, включая наиболее современных и осведомленных, вроде в. кн. Николая Михайловича, признают, что заговорщики получили согласие Александра на план лишения трона императора, но представляется установленным, что убийство его отца нанесло удар его сантиментальной душе, от которого он никогда не мог оправиться и который сообщил его мировоззрению мистическое направление, сопутствовавшее ему втечение его последующей жизни. Князь Яшвиль принял непосредственное участие в трагическом событии, которое произошло в ночь на 23 марта 1801 года.

Новый дворец, только что построенный императором Павлом, охранялся в эту ночь войсками, особенно преданными великому князю Александру. Группа заговорщиков, которая проникла во дворец, включала моего предка и десять других лиц, занимавших высшие посты в государстве, как, например, графа Палена, князя Зубова, последнего фаворита императрицы Екатерины, его брата графа Зубова, князя Волконского, графа Бенигсена и генерала Уварова.

Их намерением было арестовать императора Павла и принудить его отказаться от престола в пользу его старшего сына. Что случилось, когда эти люди приблизились к постели императора? Точное описание происшедшего никогда не увидело света. Павел I, услышав шум шагов и пытаясь скрыться через двери, ведущие в аппартаменты императрицы, нашел их запертыми извне и спрятался за занавеской окна. Рассказывают, что когда заговорщики увидели, что императора нет в кровати, они подумали, что все пропало, и намеревались удалиться, но граф Пален, коснувшись простыни, воскликнул: «Гнездо еще тепло, птица не может быть далеко». Когда убежище императора было обнаружено, он пытался защищаться, но после короткого сопротивления должен был уступить силе. Одна версия говорит, что он был пронзен шпагами заговорщиков, но некоторые утверждают, что он был задушен шарфом князя Яшвиля, эмблемой его ранга по службе [1]).

---

[1]) Смерть Павла I послужила основанием для драмы Мережковского, одного из наиболее блестящих писателей новой русской школы, который

Современные толкования этого события представляют князя Яшвиля, как человека весьма благородного, но гордого и мстительного. Некоторые историки этой эпохи объясняют его участие в заговоре мотивами личной мести, указывая, что император ударил его палкой во время парада и что он поклялся смыть кровью оскорбление его чести. Я не знаю, какой из рассказов правилен, но что касается его личного отношения к Павлу I, один из документов, благоговейно сохраненный семейством моей матери, устанавливает, без всякого сомнения, что его поступок был вызван горячим желанием, вдохновлявшим также других заговорщиков, спасти Россию какой бы ни было ценой от опасности, которая угрожала стране от поступков сумасшедшего императора.

Документом, который ясно показывает это, является письмо, адресованное князем Яшвилем императору Александру вскоре после события 23 марта. В этом письме, полный перевод которого был опубликован впервые великим князем Николаем Михайловичем в его весьма интересной книге «Император Александр I», мой предок указывает на причины, которые побудили его участвовать в заговоре.

Текст этого письма таков:

«Sire, с того момента, когда ваш несчастный и помешанный отец вступил на престол, я решил, если это окажется необходимым, пожертвовать собой для блага России, которая превратилась в игрушку в руках фаворитов со времен царствования Петра Великого и сделалась, наконец, добычей безумца.

Наше отечество управляется самодержавной властью — самой опасной из всех видов власти, так как она ставит судьбу миллионов людей в зависимость от воли одного человека. Петр Великий проявлял самодержавную власть со славой и умом, благодаря которым страна процветала.

Бог правду видит, что если мы обагрили наши руки кровью—это не было сделано по мотивам личного интереса. Да будет угодно богу, чтобы жертва, принесенная нами, не осталась бесплодной.

использовал мемуары этого периода и устные свидетельства, полученные им от потомков некоторых заговорщиков. В этой драме, которая никогда не была разрешена к постановке в России, Мережковский приписывает князю Яшвилю особенно активную и даже жестокую роль.

Войдите, Sire, на вершины вашего призвания; покажите себя на троне, если это возможно, русским гражданином и честным человеком. Я не желаю ничего большего, как только обеспечить вам славу, которая в то же самое время является славой России. Я готов был бы умереть на эшафоте, но это—бесполезно, так как все случившееся останется между нами, и императорская мантия покрывала и еще большие преступления.

Прощайте, Sire. В глазах господа я являюсь спасителем нашей родины; в ваших глазах я — убийца вашего отца. Прощайте, и пусть благословение всевышнего будет с Россией и с вами, ее земным богом. Пусть она никогда не будет иметь повода гневаться на вас».

Никто из тех, которые принимали участие в заговоре, не были подвергнуты формальному преследованию, хотя прежний воспитатель Александра I, Лагарп, который в то время жил в Швейцарии, приехал в Петербург и пытался убедить императора в необходимости повести судебное преследование хотя бы против тех, кто являлся фактическими убийцами, и в том числе против князя Яшвиля. Но несмотря на большое влияние, которое Лагарп имел на своего бывшего ученика, усилия его остались безуспешными. Виновные не только остались безнаказанными, но некоторые из них, как, например, генерал Уваров, приобрели особое расположение императора Александра. Граф Пален и оба Зубова покинули Петербург и провели остальную жизнь в своих поместьях. Граф Бенигсен, который по происхождению был немцем, продолжал свою военную службу и во время наполеоновских войн стяжал себе большую славу, но при дворе он никогда не был persona grata и никогда не получил маршальского жезла, хотя им были награждены другие немцы за меньшие заслуги, вроде Сакена и Виттгенштейна.

Один князь Яшвиль получил приказ отправиться в свои поместья. Во время французского нашествия он встал во главе ополчения, выставленного поместным дворянством, и одержал значительную победу над врагом, но тем не менее, ему никогда не было дозволено показываться ни в Петербурге, ни даже в Москве, и до самой смерти он жил в своих поместьях, где я провел часть моего детства и юности.

По преданию, существующему в семье моей матери, настоящей причиной опалы князя Яшвиля была не активная

роль, которую он играл в драме 23 марта, а скорее вышеприведенное письмо к императору Александру. Это письмо, которое я знаю наизусть с самого моего детства, наполняло меня восхищением перед моим предком, которого я сравнивал с Брутом. Весьма вероятно, что это обстоятельство предопределило мое отрицательное отношение к самодержавному режиму и внушило мне склонность к либеральным и конституционным идеям.

Опала князя Яшвиля вызвала удаление семьи моей матери в провинцию и разрыв ее отношений с двором. По смерти князя Яшвиля, его потомки жили летом в своих поместьях, а зиму проводили в Москве — образ жизни, который так художественно изображен Толстым в «Войне и Мире».

Мне было семь лет, когда крепостное право было отменено, и в течение моего детства жизнь семьи помещика мало отличалась от того, что было при старом режиме Это была не только широкая и часто роскошная жизнь, но, несмотря на громадную отдаленность от центров и трудность сообщения с ними, она носила совершенно европейский характер.

Большинство из дворянских резиденций было основано в эпоху царствования императрицы Екатерины II и было построено в неоклассическом стиле, введенном в России во время этого царствования.

Замечательно, что этот стиль, рожденный под небесами Аттики, принятый Палладио для вилл венецианских патрициев и Иниго Джонсом для домов английской аристократии, аклиматизировался в России, явившись, так сказать, национальной формой архитектуры, совпадая с наиболее блестящей эпохой русской монархии конца XVIII и начала XIX века.

Дома были обыкновенно окружены парком. В них были храмы, посвященные дружбе, живописные убежища, искусственные руины и памятники, украшенные трогательными надписями. Библиотека в большинстве случаев содержала полное собрание сочинений французских энциклопедистов и английских философов.

Мои родители были благожелательны к своим крепостным, и большая часть их слуг—или, как их называли, дворни—осталась на службе даже после падения крепостного права.

Как только я начинаю помнить себя, в доме моих родителей было постоянное пребывание самых разнообразных иностранных воспитателей: англичанок и француженок, анг-

лийских и немецких учителей и гувернанток. Это являлось правилом для домов известного круга и этим объясняется, что большое количество моих соотечественников, принадлежащих к этому классу, говорит на иностранных языках с большим совершенством. Французский язык особенно был в употреблении не только при императорском дворе; в высшем обществе Петербурга и в кругах русской дипломатии вплоть до царствования императора Александра III вся дипломатическая корреспонденция велась на французском языке), но также и среди русского поместного дворянства. Я не вспоминаю даже, чтобы я писал когда-нибудь своим родным иначе, как по-французски — французские обороты, окрашенные руссицизмами, были иногда очень забавны, но сохранили известные формы, принятые со времен великой революции, которые придавали им особую оригинальность.

Закончив обычные подготовительные занятия юноши, я поступил вместе с моим старшим братом в императорский лицей, чтобы закончить свое образование. Лицей, который являлся высшей школой юридических наук, был основан императором Александром I в начале его царствования, когда с помощью группы молодых и блестящих сотрудников—Сперанского, Чарторийского, Кочубея и т. д. он начинал преобразование учреждений империи в либеральном духе, и целью основания лицея являлась подготовка молодых людей, которые составили бы личный персонал для работы в новых учреждениях.

Чтобы быть принятым в лицей, нужно было принадлежать к дворянству, или быть сыном чиновника, занимающего высокий пост в империи. Первая группа молодых людей, получившая образование в лицее, была особенно блестящей. Что составляло ее гордость, это то, что она дала России величайшего поэта Пушкина, и вместе с ним одного из виднейших государственных деятелей, князя Горчакова, будущего канцлера империи. Начиная с того времени и до настоящего дня лицей являлся рассадником государственных деятелей, писателей, поэтов—большинство которых вдохновлялось традициями, установленными первой группой воспитанников, которая получила наименование «пушкинской плеяды». Мои годы учения совпали с событиями, вызванными русско-турецкой войной 1877 года, и с торжеством в России славянофильских теорий. Эти теории родились в Москве в первой

половине XIX века, и духовными отцами их были поэт Хомяков и два брата Киреевских, за которыми вскоре последовали многие мыслители, ученые и публицисты, как, например, двое Аксаковых, Самарин, Ламанский и Гильфердинг. Все они были воспитаны на немецкой философии Шеллинга и Гегеля, которые безраздельно царили в это время в русских университетах. Любопытно отметить, что славянофильство являлось немецким по своему происхождению и было совершенно сходно с доктриной, которая позже рассматривала немецкую Kultur, как высшую культуру, призванную главенствовать над миром.

В начале царствования Александра II славянофильство было почти всемогущим, благодаря тому энтузиазму, с которым русское общественное мнение приветствовало его реформы, проникнутые духом европейского либерализма, но в период, который я описываю, эти реформы находились уже на ущербе, вследствие аграрных беспорядков, сопровождавших освобождение крестьян, и быстрого роста революционного движения, которое заявило о себе рядом покушений на жизнь императора и на жизнь высших чиновников.

Славянофилы, которые всегда придерживались реакционных идей, воспользовались таким поворотом событий, но что особенно содействовало торжеству их доктрин—так это участие России в Балканской войне, которая вызвала внимание и симпатии со стороны различных кругов русского общества к несчастной судьбе славянских народностей, страдавших под игом турецкого владычества.

К этому времени славянофильство пользовалось успехом только среди членов ограниченного круга московского общества, но восстание в Боснии и Герцеговине, сербо-турецкая война и жестокости в Болгарии вызвали громадный энтузиазм в пользу «братьев славян» по всей России и обеспечили успех славянофильству.

Славянофильские теории главенствовали за двадцать лет до этого и кристаллизовались, так сказать, в произведении писателя большого таланта, Данилевского, «Россия и Европа». Эта книга в пламенных выражениях заявляет о глубоком антагонизме между Россией и западным миром и о незначительности европейской культуры по сравнению с культурой России, построенной на дорогих сердцу славянофилов принципах.

В области внешней политики Данилевский считает, что Россия должна объединить всех славян, если не под своим скипетром, то во всяком случае под своим верховенством; что Константинополь должен сделаться столицей российской империи и в то же самое время столицей будущей славянской федерации. Эти результаты, заявлял он, должны быть достигнуты вооруженным столкновением Востока с остальной Европой, победа должна быть выиграна греко-славянами под предводительством России и должна установить триумф этих наций над цивилизацией германо-романских народов.

Книга Данилевского сделала много для создания в России воинственного настроения, которое до некоторой степени вызвало объявление войны Турции.

В этом отношении она может быть сравнена с книгой Аустона Стюарта Чемберлэна «The Foundations of the Nineteenth Century», которая сыграла такую же роль позже в Германии, когда, сделавшись vade mecum кайзера, она содействовала росту германских аппетитов и толкнула их к выступлению против их мирных соседей.

Славянофильство, несмотря на свой национальный и религиозный оттенок, вначале встречало неодобрение со стороны русского правительства и заподазривалось в демагогических тенденциях.

Славянофилы сначала ограничивали свою деятельность пределами Москвы и находились под наблюдением полиции, но, благодаря событиям на Балканах, они мало-по-малу снискали себе сочувствие Петербурга и даже среди придворных, где они нашли могущественную покровительницу в лице графини Блудовой, статс-дамы императрицы, пользовавшейся громадным влиянием в высшем обществе столицы и особым расположением императорской фамилии. Салон этой grande dame был широко открыт для пропаганды вмешательства России в дело освобождения восточных славян от турецкого ига. Министерство иностранных дел, под руководством канцлера князя Горчакова, пыталось некоторое время сопротивляться этой пропаганде, но в конце концов последовало за общим настроением. Кроме того, одним из наиболее горячих сторонников славянофильства являлся крупный чиновник министерства, Тютчев, поэт выдающегося таланта и блестящий рассказчик, который пользовался большой симпатией в салоне графини Блудовой и при дворе.

Два года, которые предшествовали войне, были отмечены небывалым ростом симпатии русского общества по отношению к восточным славянам. Это движение захватило все классы общества и выражалось в проявлениях воинственного энтузиазма со стороны русской молодежи и вступлением добровольцев в сербскую армию. Мой старший брат поступил в гвардию и, когда была объявлена война, отправился на фронт; я готов был последовать его примеру, но юный возраст помешал этому, а когда мне едва исполнилось девятнадцать лет, и я имел возможность выполнить свое желание, война закончилась миром в Сан-Стефано (3 марта 1878 г.). Не желая терять случая принять участие в балканских делах, которыми я продолжал живо интересоваться, я вступил на дипломатическую службу, несколькими месяцами позже, в качестве атташе в Константинополе. Русское правительство возобновило дипломатические отношения с Турцией, послав в качестве своего представителя князя Лобанова, будущего министра иностранных дел. Благодаря содействию и даже дружбе, которую питал ко мне этот выдающийся государственный человек, я быстро прошел первые ступени дипломатической карьеры, но чем я особенно обязан ему, так это общением с этим выдающимся культурным человеком, обладающим и замечательной тонкостью суждений, которое избавило меня от многих ошибок, свойственных более молодому поколению этого периода.

Если бы я не боялся затруднить моих читателей, я дал бы подробный портрет князя Лобанова. Я уже говорил, что он являлся одним из наиболее блестящих представителей группы общественных деятелей либеральной эпохи царствования Александра II.

Grand seigneur по рождению, Лобанов-Ростовский, происходя от одной из древнейших линий дома Рюрика, был, вместе с тем, историком и человеком широко-образованным. Он был diplomate de carriére, но по семейным обстоятельствам долгое время уклонялся от поступления на службу, пока, наконец, не начал своей дипломатической деятельности, в качестве посла в Константинополе. После служения в качестве посла в Вене и в Лондоне, он был назначен в 1895 году министром иностранных дел, но умер на следующий год, во время сопровождения императора Николая в заграничную поездку. Это случилось чрез неделю после того, как он снова

дал доказательство своего дружеского расположения ко мне, предложив императору назначить меня своим помощником, т.-е. на пост товарища министра иностранных дел, но мое назначение не состоялось за его смертью. Когда я был призван, в свою очередь, руководить иностранной политикой России, я не всегда шел по его пути и не следовал некоторым из его политических теорий, но я сохраняю до сегодня громадное преклонение перед его памятью и горжусь считать себя в числе его любимых учеников.

Я рискнул в этой главе отвести слишком много места описанию моих предков и дней моей юности, потому что мне кажется, что таким путем я смог лучше объяснить социальную и политическую структуру России, которая обычно не совсем ясна для внешнего мира. Подробное описание перипетий моей долгой дипломатической службы, наоборот, не представляет интереса с этой точки зрения и поэтому я совершенно уверен в том, что мои читатели будут мне благодарны, если я избавлю их от такого изложения. Достаточно будет указать последовательные этапы моей службы: Турция, Болгария, Румыния, Соединенные Штаты, Италия, Сербия, Бавария, Япония и, наконец, Дания, откуда я отправился в Петербург, чтобы принять пост министра иностранных дел. Среди этих этапов следует отметить один—миссию, которую я выполнил при Ватикане в период 1886—1897 г.г. во времена папы Льва XIII, вызвавшую разногласие с русской бюрократией и определившую ту позицию, которую я занимал впоследствии в известных вопросах внутренней политики, особенно в вопросах религиозной свободы и положения инородцев в России. Поэтому я посвящу несколько страниц в следующей главе этой миссии, которая была наиболее интересным периодом в моей дипломатической деятельности, но пока я вернусь к рассказу о событиях, последовавших за открытием первой Думы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кабинет Горемыкина.

Как можно было ожидать, Дума с самого начала не только приняла враждебную позицию по отношению к правительству, но и ясно показала стремление расширить права, дарованные манифестом 1905 года.

Впервые это обнаружилось в проекте ответа на тронную речь, составленном в комиссии тридцати трех членов Думы, целиком принадлежащих к оппозиции.

Этот ответ включал в себя все пункты программы кадетской партии, с требованиями уничтожения Государственного Совета, установления ответственности министров перед Думой, всеобщего голосования, отмены исключительных законов, права собраний, свободы печати, полной свободы совести, отмены сословных привилегий и т. д. Аграрный вопрос разрешался очень радикально, путем передачи крестьянам всех кабинетских и монастырских земель, а также путем принудительной экспроприации части земель, принадлежащих частным собственникам.

В дальнейшем намечались принципы полной амнистии по политическим и религиозным преступлениям.

Обсуждение проекта ответа заняло неделю и закончилось особенно бурным ночным заседанием, в котором лучшие ораторы кадетской партии—Петрункевич и Родичев—произнесли пламенные речи, упрекая правительство за жестокое подавление революционного движения и требуя немедленного освобождения арестованных в связи с последними событиями.

Ответ на тронную речь был единодушно принят присутствовавшими в заседании членами Думы, а небольшая группа

октябристов и консерваторов покинула залу, не осмеливаясь голосовать против.

Принятие этого ответа несомненно знаменовало собою стремление Думы присвоить себе права учредительного собрания и принудить власть пересмотреть манифест 1905 года самым радикальным образом.

Это вызвало чрезвычайное раздражение в правительственных кругах и сопровождалось спорами между представителями народа и монархической власти о способе, которым ответ должен быть представлен императору. Он отказался принять депутацию, выбранную для этой цели Думой, и известил председателя, что может принять адрес не иначе, как только через министра императорского двора. Депутаты сочли это оскорбительным для себя, так как они употребили величайшие усилия, чтобы облечь свои требования в наиболее корректные и даже проникнутые духом лойяльности к личности государя формы. Благодаря благоразумному воздействию на Думу со стороны некоторых кадетских лидеров, она не настаивала на своей точки зрения. Указывая, что она не будет спорить о форме передачи адреса императору, и отмечая, что предложенный способ передачи одинаков и для Государственного Совета, Дума решила отнестись к этому, как к простой формальности, требуемой императорским двором.

Но вскоре антагонизм между Думой и правительством снова обнаружился весьма резко, когда в первый раз на трибуне появился Горемыкин, чтобы огласить декларацию министерства в ответ на адрес, которая объявляла абсолютное non possumus.

Министерская декларация явилась предметом длительных прений в совете министров; с своей стороны, я не только горячо протестовал против содержания декларации, но выражал сомнение в праве дачи ответа Думе со стороны правительства. Ссылаясь на практику других парламентов, я пытался убедить моих коллег, что кабинет, как таковой, не призван вмешиваться в диалог между государем и народным представительством, и что единственным последствием подобного вмешательства явилось бы провоцирование конфликта с Думой, весьма опасного и бесплодного в данный момент. Я указывал далее, что было бы хорошо представить на рассмотрение Думы возможно большее количество законопроектов, что создало бы деловые дебаты и устранило бы

все покушения со стороны депутатов на расширение прав Думы.

Мои указания, которые были поддержаны только одним Столыпиным, не встретили сочувствия со стороны других коллег, и 26-го мая Горемыкин, в сопровождении всех членов кабинета, с большой помпой отправился в Думу для чтения своей декларации.

Эта первая брешь в отношениях между правительством и Думой была нежелательна со всех точек зрения.

Помимо содержания декларации, которое возбудило негодование большинства Думы, высокомерие и презрительный тон Горемыкина, когда он читал декларацию, вызвал неодобрение даже среди октябристов и консерваторов, которые отказались вотировать ответ на тронную речь, в результате чего Дума снова потребовала расширения своих прав, определенных манифестом 1905 года, и поспешила вотировать в том же самом заседании, подавляющим большинством, переход к очередным делам, в котором правительство осуждалось, выражалось требование отставки кабинета Горемыкина и замена его министрами, пользующимися доверием Думы.

Начиная со времени этого заседания, нормальные отношения между правительством и Думой становились совершенно невозможными. Это являлось вполне естественным и вполне подтверждало мои предсказания, но совершенно непредвиденной и неожиданной оказалась форма, в которую вылилась борьба между Горемыкиным и народным представительством. Правительство, очевидно, могло избрать только два пути: или искренно попытаться найти почву для взаимного понимания и сотрудничества с Думой, несмотря на неудачное начало, или прервать всякую возможность дальнейших переговоров, путем роспуска парламента и назначения новых выборов. Я склонялся принять первый путь, хотя и видел, что для достижения успеха было мало шансов. В то же время я мог бы понять и противоположное мнение: отправить непокорных депутатов по домам, как это было сделано в 1862 и 1863 г.г. Бисмарком.

Горемыкин не сделал ни того, ни другого, а занял позицию, которая, я думаю, не имела прецедента в истории—он просто решил игнорировать Думу, рассматривая ее, как собрание беспокойных лиц, действия которых не имеют никакой важности, и публично заявил, что он не сделает даже им

чести рассуждать с ними, но будет поступать так, как будто их не существует. Он никогда не показывался на заседаниях Думы и склонял других министров последовать его примеру, или в крайнем случае посылать на ее заседания своих помощников. Кроме того, кабинет сделал ошибку, не приготовив ни одного законопроекта, чтобы представить его на рассмотрение Думы. Чтобы быть точным, следует указать только на два требования о кредитах, которые были представлены Думе—одно касалось вопроса об открытии школы и другое о сооружении паровой прачешной для Юрьевского университета.

Горемыкин не только не изыскивал способов загладить эту ошибку, но находил удовольствие в усложнении ее, не считая нужным вносить какой бы то ни было проект в Думу.

Последствия этого не замедлили сказаться. Ввиду презрительной позиции, занятой правительством по отношению к Думе, и за отсутствием материала для практической работы, Дума повела политику всевозможных запросов министрам по разнообразным поводам. Таких запросов было более трехсот и каждый из них давал повод для ожесточеннейших нападок на правительство, как, например, по вопросу о смертной казни, о провокационных действиях тайной полиции и в особенности об антиеврейских погромах, в организации которых обвинялось правительство. Только один Столыпин принимал вызов и импонировал Думе своим спокойным мужеством и искренностью своих ответов; другие министры или ничего не отвечали или посылали своих помощников, которые еще больше раздражали депутатов. В некоторых случаях представители правительства покидали залы заседаний с величайшей поспешностью, сопровождаемые насмешками и оскорблениями со стороны депутатов.

Другим последствием отсутствия внесения правительством законопроектов явилось то, что Дума, взяв на себя инициативу в этом вопросе, сама внесла на свое рассмотрение очень радикальные законы, особенно в области аграрных мероприятий, которые скоро сделались доминирующим предметом дебатов, ввиду большой страстности, проявленной во время обсуждения этого вопроса.

Длительная и горячая дискуссия этого чрезвычайно важного вопроса закончилась столь решительным столкновением с правительством, что вызвала немедленный роспуск Думы.

8*

Остановимся на минуту, чтобы ознакомиться с историей аграрной проблемы в России.

Ее происхождение относится к тому времени, когда император Александр II уничтожил крепостное право в России.

В отличие от того, что имело место в странах Западной Европы, русские крестьяне получили не только личное освобождение, но им были предоставлены также и земли.

Ожидалось, что таким путем будет навсегда исключена возможность образования аграрного пролетариата, и что революция, направленная против частной собственности и благосостояния, сделается невозможной, так как все замыслы европейских революционеров разобьются о наличность общины.

В действительности, общинный порядок, далекий от того, чтобы создать прогресс с экономической и социальной точек зрения, поддерживал и освящал положение вещей, которое, поистине являлось возвратом к первобытным временам, несовместимым с требованиями новейшей цивилизации, и препятствовало развитию земледелия так же, как и предприимчивости крестьянства.

Вошла ли идея общины глубоко в сознание русского народа? Нужно вспомнить, что она являлась основой воззрения славянофилов и что общинное владение признавалось ими, как один из наиболее существенных принципов, на основании которых они отстаивали идею превосходства русской культуры над культурой европейской. Мы видели уже, что все их теории в значительной степени вдохновлялись немецкой философией, и любопытно отметить, в этом особенно важном вопросе о земельном порядке, что русский законодатель руководствовался указаниями немецкого «ученого» барона Гаксгаузена, которому было поручено правительством осмотреть земледельческие области России и представить доклад, послуживший основой для земельного закона 1861 года.

Этот вестфальский юнкер, обладавший не бо́льшим научным багажом, чем простое знакомство с земельным положением в Пруссии, превратился если не в изобретателя общины, то во всяком случае в наиболее горячего защитника туманных концепций славянофилов, и таким образом Россия оказалась обязанной немецкой учености в вопросе о возврате к варварской системе земельного порядка, от которого она долго страдала и последствия которого она столь жестоко испытывает в настоящее время.

Начиная с первого пятилетия XX века, экономическое положение крестьян, которое все более и более ухудшалось в условиях земельной общины, вызвало ряд аграрных беспорядков и причинило много забот правительству. В связи с этим были образованы местные комитеты для предварительного ознакомления с вопросом, работа которых направлялась центральной комиссией под председательством сначала графа Витте, а позже Горемыкина. В 1905 году, в результате плохих урожаев, неудач русско-японской войны и вследствие революционной агитации, аграрные беспорядки достигли своей кульминационной точки. Требования крестьян базировались на весьма простой гипотезе: они получили часть земли крупных собственников полвека тому назад, но остались бедняками, следовательно, им необходимо получить ту землю, которая оставалась еще в руках их прежних господ. Этот взгляд крестьянства был чрезвычайно выгоден для революционных пропагандистов, которые без большого труда достигали успеха в призыве крестьян отнять у владельцев землю силой. Правительство не принимало мер к удовлетворительному разрешению аграрного вопроса и направило все свои усилия на энергичное подавление движения силой. Никаких шагов не было сделано для того, чтобы представить Думе какой-нибудь аграрный законопроект, который мог бы служить базой для дебатов, неизбежных с самых первых дней работы Думы.

Мы видели, какую выгоду извлекли из этого положения радикальные и революционные партии, оказавшиеся способными обещать крестьянам полное осуществление их стремлений, и какой поддержкой заручились они со стороны блока двух сотен крестьянских депутатов, которых правительство необдуманно ввело в Думу.

Дебаты по аграрному вопросу продолжались непрерывно до роспуска Думы и вызвали бесконечное количество речей, которые создавали недовольство правительством среди крестьянских депутатов и в крестьянском населении самых отдаленных уголков России.

В виду отсутствия правительственного аграрного законопроекта, Дума выдвинула не менее трех проектов, один другого радикальнее. Все три законопроекта, в разной степени, но единодушно, выдвигали принцип принудительной экспроприации земель из рук крупных собственников, принцип, ко-

торый встретил почти полное одобрение со стороны большинства Думы, но который был категорически отвергнут правительственной декларацией.

Наиболее трезвый из этих трех законопроектов принадлежал кадетской партии, которая фактически руководила Думой в то время. Автором его был Герценштейн, назначенный этой партией в качестве докладчика в комиссию по аграрному вопросу, избранную Думой.

Этот проект, хотя и провозглашал принцип принудительной экспроприации, признавал необходимость справедливого возмещения убытков земельных собственников и предвидел образование резервного фонда земли, остающегося в распоряжении государства.

Второй проект, названный проектом 104-х, являлся более радикальным и провозглашал национализацию всех земель империи, с тем, чтобы заведывание ими находилось в руках местных комитетов, избранных самим народом.

Наконец, крайняя левая Думы представила проект уничтожения всякой частной собственности на землю и объявления ее общественным достоянием, которым имеет право пользоваться каждый гражданин без различия пола и в таком количестве, сколько каждый может обработать своим личным трудом.

Правительство, потеряв инициативу в работах Думы, ничего не могло противопоставить этим трем проектам, за исключением бледной речи, произнесенной министром земледелия Стишинским, типичным представителем старого режима, хорошо известным своими крайне реакционными идеями. Его речь ограничивалась туманным обещанием расширения операций крестьянского банка и развития переселения в Сибирь.

Это произвело крайне неблагоприятное впечатление в Думе, которое увеличилось до степени величайшего раздражения, когда Горемыкин, обеспокоенный характером, который приняли дебаты, и возбуждением, царившим среди крестьян, и верный своей позиции игнорирования Думы, опубликовал в правительственной газете оффициальное сообщение по аграрному вопросу, пространно говорившее о том, что правительство не может принять принудительного отчуждения земель. Выбирая такой способ осведомления о взглядах правительства, т.-е. обращаясь к стране, минуя Думу, Горемыкин снова с очевидностью подчеркнул свое пренебрежение к народному

представительству, и эта форма обращения, скорее чем его содержание, вызвала единодушное негодование депутатов.

Тогда Дума решила отвечать ударом на удар и предложила аграрной комиссии выпустить непосредственное обращение к стране, в форме ответа на сообщение оффициальной газеты. Этот шаг, принятый ab irato, решил судьбу Думы, так как он дал возможность Горемыкину, как мы увидим позже, представить императору это обращение к стране, как открытый революционный акт.

Если отношения между правительством и Думой с каждым днем ухудшались, то столь же верно, что и внутри кабинета Горемыкина далеко не царило согласие.

Я уже отмечал его разнородный характер; чем более члены кабинета узнавали друг друга, тем более обнаруживалось различие их мнений, которое препятствовало достижению согласия по вопросам, предложенным их рассмотрению.

Горемыкин, который афишировал свое чрезвычайное олимпийское спокойствие и который видимо забавлялся своей ролью, не тратил труда, чтобы скрывать отсутствие уважения не только по отношению к Думе, но даже к Совету Министров, рассматривая это учреждение, как бесполезное новшество, и давая понять своим коллегам, что он созывает их просто для выполнения пустой формальности.

Каждый может легко вообразить себе, что представляли собою заседания Совета Министров при таких условиях: Горемыкин председательствовал со скучающим видом, с трудом снисходя до замечаний по поводу мнений, высказываемых его коллегами, и обычно заканчивал дебаты заявлением, что он хотел бы представить свое мнение императору для решения. Если кто-нибудь обращал его внимание на тревожное положение вещей в Думе и на дурное впечатление, которое это может произвести в стране, он отвечал, что все это «наивно» и цитировал крайне-правые газеты, субсидируемые им самим, в качестве доказательства, что все население предано монархической власти и что поэтому он не придает значения тому, что происходит в Таврическом дворце.

Крайние реакционные министры, князь Ширинский-Шихматов и Стишинский, хранили оскорбленный вид и, когда высказывали свое мнение по различным вопросам, никогда не упускали случая прибавить, что правительственная дея-

тельность станет возможной не раньше, чем будет восстановлена самодержавная власть.

Шванебах проводил время в нескончаемых нападках на графа Витте и на предшествовавший кабинет, никогда не забывая после каждого заседания посетить австрийское посольство, где он рассказывал о деталях дебатов своему другу барону Эренталю, и на следующее утро, несомненно, его рассказ становился известен Вене и Берлину.

Адмирал Бирилев, будучи совершенно глухим, даже не пытался присоединиться к дебатам; генерал Редигер никогда не проронил ни одного слова. Только Столыпин и Коковцов старались придать серьезный и достойный характер заседаниям, ясно и компетентно докладывая о делах своих ведомств, но они привлекали лишь поверхностное внимание своих коллег. Что касается меня, я чувствовал, что мои усилия перебросить мост через пропасть, отделяющую правительство от Думы, были осуждены на неудачу и служили только для того, чтобы дать мне репутацию, в глазах Горемыкина и его друзей, опасного либерала, которого необходимо обуздать во что бы то ни стало.

Странная линия поведения, принятая Горемыкиным—не сотрудничать с Думой и не вступать с ней в борьбу, но, так сказать, бойкотировать ее—скоро принесла свои плоды.

Малейшая попытка со стороны правительства искренно сотрудничать с Думой была бы встречена одобрением и симпатией в широких кругах умеренных либералов во всех частях страны, в то время, как, обратная политика, вплоть до роспуска Думы, могла в конце концов удовлетворить реакционеров и, может быть, буржуазию, которым надоело революционное возбуждение и которые всегда были склонны прибегнуть к применению силы; но и «непротивление злу», если придерживаться терминологии Толстого, которое практиковал Горемыкин, рассматривалось, как проявление слабости, и имело своим последствием непоправимое дискредитирование правительства в глазах самых широких общественных кругов России.

К концу июня общее отсутствие доверия к кабинету Горемыкина обнаружилось наиболее ярко по следующему случаю.

Правительство, нуждаясь в средствах для организации помощи населению, пострадавшему от неурожая, решилось

впервые представить Думе законопроект, предусматривавший открытие кредита в пятьсот миллионов рублей.

Дума сократила этот кредит до пятнадцати миллионов рублей, предоставляя его на один месяц, а Государственный Совет, в котором Горемыкин рассчитывал найти поддержку для восстановления первоначальной редакции законопроекта, согласился с Думой, что означало полное отсутствие доверия к правительству.

Этот вотум явился серьезным ударом для Горемыкина и окончательно уронил престиж его кабинета даже в глазах консервативной партии.

Ясно видя невозможное положение, в котором находилось правительство, я взял на себя смелость использовать мои личные отношения с некоторыми из членов умеренной либеральной партии в Думе и в Государственном Совете, чтобы посоветоваться с ними, в надежде найти какой-нибудь выход из затруднений.

Наши переговоры, к которым мы привлекли и Столыпина, становились все более интересными день ото дня и убеждали меня в возможности установить взаимное понимание между правительственной властью и народным представительством.

Я решил, наконец, открыть глаза государю на опасность положения и сообщить ему о результатах моих переговоров.

Дело это было трудное, ввиду противоречия его со всеми бюрократическими обычаями; император легко мог отказаться выслушать мнение министра иностранных дел по вопросу, который, строго говоря, не касался его ведения, но в этом случае я решил без всякого промедления подать в отставку.

С большими предосторожностями я пригласил к себе на дом небольшую группу моих политических друзей и мы вместе составили докладную записку, представить которую императору я принял на себя при первой же аудиенции, которая будет дана мне в Петергофском дворце.

Автором этой докладной записки был Львов, молодой депутат большого таланта, принадлежащий к умеренно-либеральной партии.

Я привожу документ этот in extenso, так как он обрисовывает наиболее полно то положение, в котором находилась Россия в это время:

«Отношения между Думой и правительством, которое представлено Советом Министров, совершенно ненормальны и создают действительную угрозу установлению порядка в империи.

Всякие сношения между Думой и правительством прерваны и между ними легла пропасть, созданная взаимным недоверием и враждебностью.

Ясно, что такое положение вещей устраняет всякую возможность какой бы то ни было творческой работы. Эта разобщенность проистекает прежде всего от состава министерства, который совершенно не отвечает требованиям современного политического положения. Личный состав министерства выбран из среды бюрократии, и это вызывает к нему глубокое недоверие со стороны широких общественных кругов.

Это та самая бюрократия, которая повинна во всех бедах, постигших Россию — в беспорядке и разрушении, царящих дома, точно так же как в неудачах японской войны, и нельзя отрицать, что эти упреки—правильны ли они или нет—будут всегда направляться против всякого бюрократического министерства.

Настоящий кабинет не только не стремится рассеять это неизбежное недоброжелательство, но увеличивает его целым рядом ошибок, которые он совершил.

Более того, всякое министерство, составленное исключительно из представителей бюрократии, неизбежно обречено на отсутствие доверия со стороны представительных учреждений, без которого невозможно приобрести необходимый авторитет в их глазах.

Не личные качества того или другого руководителя ведомства, не его опыт или добрые намерения способны обеспечить ему необходимый авторитет в политической жизни. Очень часто случается, что одного добросовестного исполнения бюрократических обязанностей оказывается недостаточно для успешного разрешения новых проблем в сложной и весьма разнообразной обстановке. А так как симпатии народа остаются с Думой — вся враждебность направляется против министерства и это не может не вызвать роковых последствий для управления государством и для спокойствия страны.

Дума, занявшая враждебную позицию по отношению к исполнительной власти, игнорируется этой властью и, встречая с ее стороны такое к себе отношение, вынуждена оставаться в оппозиции, не уделяя внимания практической плодотворной

работе. Дума такого состава перестает представлять из себя мирный законодательный орган и все более превращается в горнило революционных страстей.

Настоящий состав Думы, будучи плохо подготовленным — нужно признать это — к законодательной работе, ввиду недостаточной подготовленности большинства ее членов, не может быть однако охарактеризован, как исключительно революционный. Совершенно верно, что он включает крайние элементы, но они не играют руководящей роли. Большинство Думы состоит из сторонников мирной законодательной работы, враждебных революции. Только ненормальное положение и необходимость применять свои поступки к этому положению склоняют Думу к протестам и возбуждению по адресу правительства. Законы, внесенные Думой, заранее осуждены на отклонение.

Поставленная в такое положение, Дума теряет мало-помалу доверие к правительственной власти и привыкает рассматривать правительство, как враждебную внешнюю силу. Несомненно, что Дума, благодаря неудачной избирательной системе, не дает полного представительства всех слоев русского населения, напротив, — имеются значительные и влиятельные круги общества, которые совершенно лишены представительства.

Крестьяне далеки от того, чтобы отражать истинное настроение земледельческого класса. В Думе господствует так называемая городская интеллигенция и полуинтеллигентные представители земледельческих кругов. По мнению невежественных крестьянских масс, Дума настолько всемогуща, что может передать землю всему населению и избавить его от безработицы и голода.

Это одно обстоятельство делает не только нежелательным, но и весьма опасным открытый разрыв между правительством и Думой. Единственный путь, способный помешать этому, состоит в восстановлении нормальных отношений между обоими учреждениями, что невозможно без замещения нынешнего кабинета новыми министрами.

Необходимо призвать к власти людей, способных приобрести влияние на Думу.

Новое министерство одно только способно спасти авторитет правительства и вполне восстановить к нему доверие и уважение народа.

Нежелательно, однако составлять новое министерство из представителей какой-нибудь одной политической группы. Только образование министерства смешанного характера будет наилучшим образом отвечать требованиям момента. Это совершенно очевидно, так как в настоящее время правительство должно быть свободно от партийного влияния и от всякой зависимости от узких взглядов и теорий. Действительно, различные группы в Думе не имеют настоящих признаков политических партий, в собственном значении этого слова, поскольку они не приняли еще законченных форм и не являются правильным представительством слагающихся различных социальных группировок в стране.

Министерство, составленное из членов одной партии, было бы парализовано в своей деятельности теми обязательствами, которые были приняты ею в прошлом. Необходимо, чтобы перемены в направлении внутренней политики определялись инициативой монарха и не вынуждались бы у него влияниями той или иной партии.

Император свободен в замещении одного министра другим и, делая это, должен руководиться соображениями об общем благе, а не требованиями партий, участвующих в политических конфликтах. Это не должно, однако, обозначать, что какой-либо отдельный член Думы не может быть призван для работы в новом министерстве; наоборот, таким путем правительство дало бы доказательство своего решения порвать с прежней бюрократической системой. Настоящее министерство бессильно, потому что оно настаивает на продолжении своих ошибок и традиций, которые уже получили всеобщее осуждение.

Новое положение требует новых людей. Образование министерства с участием членов Думы, помимо того, что произведет благоприятное влияние на общественное мнение, в то же самое время внесет замешательство в ряды оппозиции. Все умеренные элементы объединятся для защиты министерства против нападок крайних элементов, которые будут таким образом дезорганизованы, и недоверие, существующее между народом и правительственной властью, будет уничтожено. Наконец, самый факт участия членов Думы в органе исполнительной власти увеличит интенсивность работы самой Думы. Ей станет яснее мысль о сложности проблем, стоящих перед государством, и она почувствует всю тяжесть власти. Это

успокоит крайние элементы и создаст тенденцию к умеренности, которая неизбежно появится, вследствие чувства ответственности за совершаемые действия. На пост председателя совета министров нельзя найти лучшего кандидата, чем настоящий председатель Думы Муромцев, который пользуется громадным авторитетом среди членов этого учреждения. Выбор Муромцева, человека холодной рассудительности и положительного ума, предпочтительнее перед выбором какого-нибудь другого общественного деятеля, так как он не принадлежит ни к одной партии, которая пыталась бы контролировать его политические поступки. Его замечательное самообладание и хладнокровие быстро снискали бы ему авторитет в административных кругах.

То, что Дума потеряет в лице Муромцева образцового председателя, если он сделается председателем Совета Министров, не должно рассматриваться, как препятствие, так как в результате этого центр влияния переместится от Думы к правительству и влияние Думы соответственно уменьшится. Правительство, а не Дума, примет на себя таким образом руководство в деле преобразования России.

Наиболее трудным представляется выбор министра внутренних дел. Ясно, что употребление военной силы и полиции для подавления революционного движения может быть доверено только человеку, который решался бы на энергичные действия только в случае крайней необходимости и в то же самое время восстановил бы в своем министерстве порядок и дисциплину, которые столь необходимы.

Человек, пригодный для этого дела, должен быть беззаветно предан своему долгу перед государством, так как эта служба требует в настоящий момент величайшей самоотверженности. Такой министр мог бы быть найден в лице члена настоящего кабинета Столыпина или в лице Муромцева, который мог бы совмещать обязанности председателя совета министров с обязанностями министра внутренних дел, при условии, что в этом случае он имел бы в качестве своих сотрудников Муханова и князя Львова [1]).

Менее затруднительно было бы распределить другие портфели.

---

[1]) Впоследствии председатель первого временного правительства после революции 1917 года.

Очень важно было бы включить в министерство Шипова, так как он пользуется большим влиянием среди известных социальных кругов, которые весьма разнообразны по своим политическим симпатиям, и так как он олицетворяет собою движение, имеющее только немногих представителей в Думе, но чрезвычайно влиятельное среди членов земства. Кузьмин-Караваев может быть назначен в качестве министра юстиции. Участие в министерстве Милюкова было бы особенно желательно, так как хотя он и не является членом Думы, его влияние в общественных кругах и в Думе чрезвычайно значительно. Несмотря на все его недостатки—громадное самолюбие и известную склонность к интригам—он обладает острым умом и чрезвычайно редким политическим чутьем. Его вхождение в министерство являлось бы даже незаменимым, так как он мог бы стать наиболее сильным защитником министерства от нападок на правительство крайней левой.

Участие членов Думы в министерстве не только выразится в замене настоящих министров новыми людьми, но передаст инициативу реформ из рук Думы в руки правительства. Только те мероприятия, целью которых будет парирование ударов революции, будут исходить от исполнительной власти.

Этот порядок должен быть принят со всем мужеством и решительностью».

8 июля, после того, как я закончил словесный доклад по иностранным делам, который я обыкновенно делал императору раз в неделю в Петергофском дворце, я решительно приступил к теме о внутреннем положении России.

Император выслушал с большой благосклонностью то, о чем я ему говорил, принял докладную записку, которую я достал из моего портфеля, и обещал внимательно ознакомиться с ней. Это казалось мне успехом и я возвратился в город, полный надежд, что доклад, написанный Львовым, произведет желаемое впечатление на императора, который, как казалось, был в общем расположен к соглашению с Думой.

Через несколько дней после представления докладной записки, я был призван императором, который сказал мне, что он прочел ее с большим интересом и был поражен силой и справедливостью аргументов, содержащихся в ней. Я воспользовался этим случаем, чтобы расширить, со всем тем красноречием, на которое я только способен, главные положения документа и пытаться убедить императора в необходи-

мости срочно провести их в жизнь, заменив кабинет Горемыкина коалиционным министерством, в котором были бы широко представлены члены Думы и Государственного Совета.

Я просил его выйти из того узкого круга, которым он ограничивал себя в выборе своих министров; принадлежа сам к кругам поместного дворянства и земства, я гарантировал, что этот класс не менее лойялен к монархии, чем бюрократия, которая создала непроницаемую стену между царем и народом.

«Единственной целью, которую я и мои политические друзья имеют в виду», — сказал я, — «является укрепление исполнительной власти, угрожающе потрясенной революционным движением и ошибками, совершенными кабинетом. Не бойтесь доверять нам, даже если мы покажемся вам сторонниками слишком либеральных идей. Ничто так не умеряет радикализм, как ответственность, связанная с властью. В течение моей долгой дипломатической службы, проведенной среди разнообразных народов под всеми широтами, я видел много общественных деятелей, которые были известны своим радикализмом, поскольку они оставались в оппозиции, и которые становились ярыми сторонниками порядка, когда они призывались к власти. Разве не правильно сказано, что наилучшая полиция рекрутируется из контрабандистов? Разве можно серьезно поверить тому, что люди, вроде Муромцева, Шипова и князя Львова, которые являются крупными землевладельцами и столь жизненно заинтересованы в поддержании спокойствия и в мирном разрешении аграрного вопроса, были бы менее преданными и менее консервативными, чем бюрократы категории Шванебахов, которые не имеют связи с землей и все благополучие которых состоит в получении жалованья двадцатого числа каждого месяца?»

Приведя затем другие аргументы, я обратил внимание императора, как министр иностранных дел, на впечатление, которое производит наш внутренний кризис на европейские кабинеты и общественное мнение. Я указал, что за-границей единодушно осуждается политика кабинета Горемыкина и что никто не ожидает восстановления нормального положения в России помимо призвания к власти новых людей и изменения политики. Это мешает нам предпринимать различные шаги в наших внешних делах и, как несомненно подтвердит министр финансов, подрывает наш финансовый кредит.

Во время моей речи, я с удовольствием отмечал, что император казался все более и более взволнованным. Он сделал, однако, ряд замечаний. По его мнению, в Думе господствовали наиболее крайние элементы и она больше походила на революционный митинг, чем на парламентское собрание. При таких условиях, какие шансы были на успех того, что мною предлагалось? Не могла ли подобная уступка быть расценена, как доказательство слабости со стороны монархической власти, и не вынудило ли бы это в самое короткое время приступить к энергичным мерам?

Я возразил на эти замечания, что даже предполагая, что мы впадаем в ошибку, даже если Дума будет продолжать проявлять упорство, положение было бы значительно улучшено, если последуют нашему совету, так как, даже в случае необходимости роспуска Думы, становилось бы ясно, что к этой крайней мере прибегли только после искренней попытки достичь взаимного понимания. Вся страна была бы благодарна государю, и если бы было ясно, что его попытка не удалась, благодаря революционной настойчивости со стороны Думы, здоровые элементы нации охотно поддержали бы правительство в его репрессивных мероприятиях. Возможно, что после всех усилий для достижения соглашения, государю придется прибегнуть к объявлению военного положения, но, даже если это случится, все же такое положение будет предпочтительнее, чем то, которое создано бессильным правительством, являющимся предметом для насмешек в России и за границей.

В конце аудиенции, которая продолжалась более часа, император, не принимая окончательного решения, уполномочил меня войти в переговоры с лицами, указанными в докладной записке, и с другими лицами, которые оказались бы нужными для дела создания коалиционного кабинета.

Было установлено также, что я должен привлечь к этому делу Столыпина, которому император собственноручно написал несколько слов, приглашая его быть моим сотрудником.

По возвращении в Петербург, я поспешил наметить план действий. С согласия Столыпина, я имел секретное совещание с руководящими членами Думы, начиная с ее председателя Муромцева, а для своих переговоров с Государственным Советом я привлек моего кузена, Ермолова, который играл там выдающуюся роль, в качестве председателя умеренной

группы или центра. Ермолов, как и я, принадлежал к классу поместного дворянства и был известен своими обширными познаниями в области агрономии. Его осведомленность в этой области была известна не только в России, но и за границей, в особенности во Франции, где он опубликовал ряд книг по агрономии. В царствование Александра III он был министром земледелия и оставался на этом посту некоторое время в царствование Николая II. Несмотря на принадлежность к бюрократическим кругам, Ермолов был связан с умеренными либералами в Государственном Совете, и в тот период, который я описываю, являлся лидером этой партии в верхней палате. Мое секретное совещание с членами этой палаты, которые предназначались для образования нового кабинета, имело место в его доме.

Столыпин участвовал в параллельной конференции и каждый вечер мы сравнивали результаты.

По мнению всех политических лидеров, с которыми мы советовались, наиболее естественным кандидатом на пост председателя Совета Министров являлся Муромцев, который пользовался наибольшим доверием Думы, но хорошо было известно, что император не питал к нему расположения и ввиду этого можно было опасаться серьезных осложнений. Другой ценный кандидат, Шипов, особенно влиятельный в земских кругах, имел больше шансов быть благожелательно встреченным в Петергофе, но был более необходим для поста министра внутренних дел.

Наибольшее затруднение представлялось в выборе портфеля для Милюкова, который, как можно было опасаться, вследствие его высокого положения в качестве главы кадетской партии и желания властвовать, не удовлетворился бы принять второстепенный пост, но потребовал бы для своей партии и для себя самого руководящей роли.

Все эти подготовительные мероприятия заняли некоторое время и мы были уже готовы закончить наши работы, чтобы пригласить на совещание Милюкова, когда события внезапно приняли критический оборот. 8 июля я вручил докладную записку императору; 17 июля Дума приступила к обсуждению предполагаемого обращения к стране, которое, как можно вспомнить, являлось ответом на правительственное сообщение по аграрному вопросу. Этот случай, который Горемыкин предвидел, послужил поводом для решительной борьбы. Тремя

днями позже Горемыкин созвал заседание Совета Министров и заявил, не давая даже себе труда спросить мнения своих коллег, что Дума заняла открытую революционную позицию и что он решил предложить на следующий день императору немедленно распустить Думу. Члены Совета в то же самое время приглашались собраться в этот день, т.-е. 21 июля, на дому у Горемыкина, чтобы ожидать его возвращения из Петергофа с указом о роспуске Думы, который должен быть подписан императором.

Что заставило Горемыкина принять столь поспешное решение? Узнал ли он что-нибудь о переговорах, которые велись нами в большом секрете с членами Думы и Государственного Совета? Это более чем возможно, но я никогда не мог окончательно убедиться в этом.

Однако, я слишком хорошо знал характер императора, чтобы сомневаться в успехе плана Горемыкина. Я считал все мои надежды разрушенными, и мне ничего не оставалось, как представить свою отставку императору, как только указ будет подписан, и я твердо решил сделать это, так же, как и Столыпин, который разделял мои чувства и был готов последовать ~~за мной~~ в вопросе о подаче в отставку.

Мы со Столыпиным приняли некоторые меры предосторожности, в ожидании грозных событий, которые могли воспоследовать. Он, как министр внутренних дел, был обязан принять меры к охранению общественного порядка, который легко мог бы быть нарушен вследствие разочарования, которое должно сопровождать роспуск Думы, и, считаясь с этой возможностью, он решил вызвать гвардейские отряды, расположенные в это время неподалеку от столицы. Это было сообщено мне, чтобы я был уверен в безопасности для посольств со стороны возможных беспорядков. Особенно необходимо было предупредить враждебные демонстрации против германского посольства, так как кайзер подозревался общественным мнением в даче Николаю II советов реакционного свойства, но так как было невозможно оказывать покровительство только одному этому посольству, представлялось необходимым принять соответствующие меры по отношению ко всем иностранным посольствам.

На следующее утро я отправил циркулярное сообщение всем послам и главам иностранных миссий, извещая их о том, что на некоторых заводах столицы ожидается стачка,

и, так как это может сопровождаться народными волнениями, в соседстве с посольствами будут расположены в ночь с 21 на 22 июля войска, которые окажут им в случае надобности свою помощь. Я прибавил, что войскам запрещено приближаться к посольствам, исключая того случая, когда они будут призываться ими самими.

Приняв эти предосторожности, я провел день в работах по министерству иностранных дел с таким рассчетом, чтобы оказаться способным сдать дела своему преемнику с возможно меньшей отсрочкой.

Здесь необходимо отметить утверждение, сделанное устно и в печати, указывающее, что когда сотрудничество Думы с кабинетом Горемыкина оказалось совершенно невозможным, к концу июня месяца генерал Трепов, который был в то время дворцовым комендантом, принял на себя инициативу образования кадетского кабинета и его неудача в этом направлении непосредственно вызвала роспуск Думы.

Я должен засвидетельствовать, что это утверждение, хотя и имеет некоторые основания, изложено не совсем точно. Насколько я знаю—а я думаю, что я совершенно точно информирован по этому поводу—в тот период, который я описываю, непосредственно перед роспуском, не велось никаких других ответственных переговоров относительно образования нового кабинета, кроме тех, которые были поручены императором мне и Столыпину.

Однако, вскоре после роспуска, по обстоятельствам, о которых я сообщу позже, генерал Трепов имел намерение создать кабинет из рядов кадетской партии и вел переговоры с представителями этой партии с этой целью. Я, может быть, остался теперь только один, кто знал все детали странной роли, которую играл генерал Трепов в этом случае, и ввиду разоблачений по этому поводу, сделанных в России и за границей, достоверных только отчасти, я считаю своим долгом в следующей главе дать более точное и более полное сообщение по этому предмету.

Вечером 21 июля я обедал в британском посольстве с сэром Артуром Никольсоном (ныне лорд Карнок), чье имя часто будет появляться в следующих главах этой книги. Одним из немногих гостей был сэр Дональд Мекензи Уоллес, который сделал блестящую карьеру, как корреспондент газеты

«Times» во время русско-турецкой войны и который в это время был дипломатическим корреспондентом этой большой английской газеты. Он считался в Англии величайшим авторитетом в русских делах и написал замечательную книгу о России, которую он довел до современных событий. Он свободно говорил по-русски, чего он достиг благодаря пребыванию в одной из центральных губерний России, где он жил в уважаемой семье сельского священника. Он имел знакомства во всех классах русского общества, и, когда император Николай, в то время еще наследник престола, совершал свое большое путешествие на Восток, сэр Дональд Валлас был приставлен к его особе английским правительством во время пребывания императора в Индии.

Таким образом он был лично известен императору, который относился к нему с таким уважением, что король Эдуард VII решил послать его в описываемое мною время с конфиденциальной миссией в Петербург. Миссия заключалась в том, чтобы ознакомиться с внутренним положением России, которое причиняло много заботы в Лондоне, и служить в качестве советника сэру Артуру Никольсону, который был недавно назначен на свой пост и не был еще au courant положения вещей в России. Сэр Дональд выполнял эту работу с большим умом и тактом. Он был принят в аудиенции императором, которому он рассказал с полной откровенностью свои наблюдения, стремясь поддержать позицию умеренных либералов. Я часто беседовал с ним и, так как мы держались одного и того же мнения относительно умеренного либерального движения, я рассчитывал на его скромность и сообщал ему о своих переговорах по вопросу об образовании коалиционного кабинета.

Когда мы беседовали с ним после обеда на балконе посольства, откуда открывался великолепный вид на Неву, сэр Дональд заметил мое дурное настроение, вызванное гибелью моих надежд, и просил осведомить его о положении вещей. Я не пытался скрывать от него события, которые приняли столь несчастливый поворот, но я ничего не сказал ему о том, что ожидается завтра. В этот момент к нам подошел сэр Артур Никольсон, который спросил меня, какова истинная причина того циркуляра, который был получен им в тот день. Не имея права сообщать ему правду, я ответил, что правительство имеет основания ожидать серьезных беспорядков

на следующий день, но что сэру Никольсону нет нужды бояться за безопасность своего посольства.

Из британского посольства я отправился вдоль по набережной к резиденции Горемыкина, где члены Совета Министров ожидали его возвращения из Петергофа.

Там я нашел всех членов Совета Министров, исключая Столыпина, который оставался в министерстве внутренних дел, чтобы сделать необходимые приготовления для coup de force, который должен последовать завтра.

Ожидая возвращения Горемыкина, Совет Министров обсуждал мелкие обыденные дела и, наконец, к полуночи мы услышали звонок, возвещавший прибытие председателя Совета Министров. И тотчас же в раме двери мы увидели его фигуру, поистине наиболее типичную для бюрократа. Приняв придворный вид и стоя на пороге, он обратился к нам по-французски, со следующей фразой, которая несомненно была подготовлена заранее с величайшей заботой: «Eh bien, messieurs, je vous dirai comme Madame de Sévignè apprenant á sa fille le mariage secret de Luis XIV : Je vous le donne en cent, je vous le donne en mille, devinez ce qui se passe».

Услышав это, я почувствовал слабую надежду, что предполагаемый роспуск Думы отвергнут императором, но моя надежда длилась недолго.

Позабавившись некоторое время нашим недоумением, Горемыкин заявил, что он имеет в своем портфеле указ о роспуске, подписанный императором, но что в то же самое время его величество соблаговолил освободить его от обязанностей председателя Совета Министров и решил назначить в качестве его преемника Столыпина, который должен получить от государя дальнейшие инструкции для дальнейших перемен в кабинете.

Рано утром на следующий день указ о роспуске Думы появился в оффициальной газете, и, когда депутаты прибыли к Таврическому дворцу, они увидели его занятым войсками, которые не позволяли переступить порога. Несколько попыток демонстраций были легко ликвидированы полицией. Короче говоря, нигде в столице не было серьезных беспорядков, и успех такого первого coup de force, казалось, подтверждал мнение тех, которые считали, что правительству нужно только обнаружить свою силу, чтобы оказать решающеее воздействие на революционные элементы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Столыпин и кадеты.

Решение императора не только распустить Думу, но в то же самое время поставить Столыпина во главе правительства, вместо Горемыкина, было поистине coup de téâtre, которого никто не ожидал, и меньше всего сам Горемыкин. Это нужно отнести на счет личной инициативы Николая II, который надеялся этим путем ослабить впечатление, которое, в связи с роспуском Думы, могло быть произведено в стране. В действительности, это назначение постигла судьба полумер: оно не удовлетворило никого. Партии оппозиции, не исключая и умеренных либералов, рассматривали этот акт, как прелюдию к полному уничтожению манифеста 1905 г., в то время как реакционеры, раздраженные отставкой Горемыкина, которого они считали жертвой, враждебно относились к назначению человека, связанного, по их мнению, с либеральным движением.

Что касается Столыпина, он был застигнут совершенно врасплох. Он работал вместе со мной, с величайшей искренностью подготовляя возможность образования коалиционного кабинета, в котором он был готов занять второстепенное место, под руководством человека, пользующегося доверием Думы, но он не считал себя достойным принять роль главы правительства. Момент был слишком критический, чтобы с его стороны было проявлено какое-либо колебание, и после аудиенции у императора на следующий день после роспуска, он не имел другого выбора, как принять тяжелую обязанность, возложенную на него. В то же самое время он принял ее при условии, что два министра, Стишинский и Ширинский-

Шихматов, которые были наиболее одиозны, благодаря их реакционным настроениям, были бы уволены в отставку. Он также удержал за собой право изменить в дальнейшем состав кабинета, введя в него членов Думы и Государственного Совета, в соответствии с нашим общим планом.

Положение было бесконечно усложнено неосмотрительным поведением, которое было принято подавляющим числом депутатов, поведением, которое я всецело отношу на счет кадетской партии, так как эта партия действительно руководила Думой.

В этом случае, как во многих других, лидеры кадет, и особенно Милюков, к несчастью, вели себя, как доктринеры, лишенные здравого смысла и понимания практической стороны политического воздействия, так как их партия способна была играть в этих условиях некоторую роль, которая несомненно привела бы их к власти, если бы они могли расценить создавшееся положение с должной умеренностью и спокойствием.

Указ, объявляя роспуск Думы, определял вместе с тем созыв новой Думы на 5 марта 1907 года.

Это предуказание характеризовало акт императора, как акт, правомерный для всякого конституционного монарха, в полном соответствии с манифестом 1905 года. Единственным недостатком было отсутствие даты новых выборов, но и эта формальная ошибка вскоре была исправлена. Таким образом, акт 21 июля не был сам по себе не-конституционным. Простой здравый смысл говорит, что это было к вящшему успокоению кадетской партии, так как это означало явный ее успех на последующих выборах, образование ею большинства во второй Думе и создание по отношению к правительству «оппозиции его величества».

Таковы были события, которые имели свой отзвук за границей, особенно в Англии.

Как раз во время роспуска Думы, ее делегация находилась в Лондоне, принимая участие в между-парламентской конференции.

Приветствуя эту делегацию, британский премьер-министр, который только что узнал о событиях, произнес следующие слова, столь далеко прозвучавшие и комментированные: «Дума умерла, да здравствует Дума».

Кампбелль-Баннерман, конечно, намеревался высказать этой фразой свое мнение, что роспуск есть совершенно нормаль-

ный акт, не являющийся выступлением против Думы, как учреждения. Но таково было незнание конституционных законов нашими правительственными кругами, что это восклицание было расценено, как вызов и дерзость, направленные против императора.

Мне стоило большого труда внушить моим коллегам и убедить самого императора, что Кампбель-Баннерман только перефразировал в приложении к Думе, поговорку, которая выражала в пред-революционной Франции незыблемость монархического принципа: «Le roi est mort: vive le roi!»

Вместо того, чтобы принять путь, указанный английским первым министром, кадетские лидеры призвали большую часть депутатов сделать весьма необдуманный шаг. Сто девяносто членов Думы собрались в Финляндии, под председательством Муромцева, и подписали призыв к русскому народу, который известен под именем «выборгского воззвания».

В этом воззвании правительство обвинялось в том, что оно преследует Думу за требование принудительной экспроприации земель в пользу крестьян. В то же самое время русский народ призывался к защите прав народных представителей, путем отказа платить подати, давать новобранцев в армию и признавать заем, который правительство должно было заключить без согласия Думы. Воззвание заканчивалось такими словами, которые могут рассматриваться, как призыв к революции: «Итак, ни одной копейки в казну, ни одного солдата в армию; будьте тверды в вашем отказе; защищайте ваши права все, как один человек; никакая сила не может сопротивляться непоколебимой воле народа. Граждане, в вашей неизбежной борьбе мы, которых вы избрали, будем вместе с вами».

Столыпин хорошо сделал, что не отнесся серьезно к выборгскому воззванию. Он позволил подписавшим воззвание вернуться в Петербург и только для соблюдения формы выдвинул против них судебное преследование, которое имело своим результатом лишение главных кадетских лидеров участия на выборах в будущую Думу. Милюков, не будучи депутатом, не подписал выборгского воззвания, и поэтому избегнул преследования.

Другой видный кадет, Родичев, был в это время в составе делегации в Лондоне и благодаря этому избежал судьбы своих товарищей.

В то время, как кадеты призывали народ к пассивному сопротивлению против правительства, путем отказа платить подати и давать новобранцев, социалисты попытались прибегнуть к средству, которое оказалось столь успешным в 1905 г.: они организовали всеобщую стачку. Ее постигла не лучшая участь, чем выборгское воззвание, так как она была быстро подавлена, прежде чем, успела причинить какой-либо вред.

Более серьезными представляются военные бунты, которые вспыхнули в это время в различных частях империи. Уже в июне месяце начались беспорядки в одном из полков гвардии и, что особенно обеспокоило императора в этом эпизоде, так это тот факт, что он сам получал свое военное образование в этом полку—Преображенском—и считал его особенно преданным монархии. Однако, эти беспорядки не носили политического характера и были вызваны дефектами командования, ввиду чего представилось возможным быстро принять необходимые меры к их прекращению. Но в конце июля и в начале августа беспорядки были вызваны революционной пропагандой и вылились в опасные восстания в Кронштадте и в Свеаборге, в весьма недалеком расстоянии от столицы.

Я отчетливо вспоминаю, насколько труден был этот период для Столыпина, который только что пришел к власти, не имея еще времени освоиться с деталями своих новых обязанностей.

Русская армия, после поражения на полях Манчжурии, возвратилась как раз в это время обратно на свои квартиры.

Неудачи, ею испытанные, вызвали естественным образом уменьшение уважения со стороны солдат к офицерам, и кроме того она прошла по обширным городам Сибири, где революционное движение 1905 года приняло громадные размеры. Большинство солдат принадлежало к крестьянскому классу и следовательно представляло весьма хороший материал для пропаганды социалистов в интересах их аграрной кампании.

Во время кронштадтского восстания я имел случай впервые наблюдать самообладание императора и его способность сохранять спокойный вид перед лицом столь важных событий. Эта способность к самообладанию, которая была ему свойственна в величайшей степени даже в самые трагические моменты, вызывала разнообразные и часто неправильные толкования. Она рассматривалась, как доказательство некоторой врожденной черствости и даже отсутствия моральной чуткости. Такое, на-

пример, объяснение дается д-ром Диллоном в его книге «Россия в упадке».

Но наблюдая не один раз императора Николая в различные критические моменты, я убежден в полной ошибочности этого мнения и хочу показать в правильном свете эту черту характера моего несчастного государя.

В тот день, когда восстание достигло своей кульминационной точки, я был у императора с моим еженедельным докладом о делах моего министерства. Это происходило в Петергофе, в императорской вилле, расположенной на берегу Финского залива против острова, на котором находится кронштадтская крепость, всего в пятнадцати километрах от нее. Я сидел перед императором за маленьким столом, находящимся перед окном с видом на море.

Из окон можно было ясно различить линии укреплений, и в то время, когда я излагал императору различные интересные вопросы, мы отчетливо слышали канонаду, которая, казалось, возрастала с минуты на минуту.

Он внимательно слушал и, как обычно, задавал вопросы, интересуясь мельчайшими деталями моего доклада.

Я не мог заметить на его лице ни малейшего признака волнения, хотя он знал, что в этот момент решалась судьба его короны всего в нескольких километрах от места, где мы находились. Если бы крепость осталась в руках восставших, не только положение столицы становилось бы весьма угрожаемым, но судьба его самого и его семьи была бы не менее угрожаема, так как пушки Кронштадта могли бы помешать всякой попытке бегства по морю.

Когда мой доклад был закончен, император некоторое время спокойно смотрел в открытое окно на линию горизонта.

Со своей стороны я был глубоко взволнован и не мог удержаться, даже с риском нарушить правила этикета, от выражения моего изумления перед его невозмутимостью.

Император видимо не разгневался на мое замечание, так как подняв на меня глаза, полные той чрезвычайной мягкости, которая столь часто описывалась, произнес слова, глубоко врезавшиеся в мою память:

«Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею твердую и полную уверенность, что судьба России, точно так же как судьба моя и моей семьи, находится в руках бога, который поставил меня на мое место. Что бы

ни случилось, я склонюсь перед его волей, полагая, что никогда я не имел другой мысли, как только служить стране, управление которой он мне вверил».

В ту же ночь восстание было окончательно подавлено и я знаю, что он получил об этом известие с тем же самым хладнокровием, с каким он слушал гром пушек за несколько часов перед этим.

Часто потом я имел возможность проверить те впечатления, которые были мною получены в тот день, и я никогда не имел основания изменить их. Я глубоко убежден, что источником, из которого император Николай черпал душевную ясность и веру в провиденциальный характер своего назначения, являлось религиозное чувство редкой напряженности.

Я скажу дальше о той особой черте, которую я отметил в его характере, и должен указать, что особый род мистицизма, владевший Николаем II, под влиянием трагических событий его царствования и мягкости его души, чрезвычайно возрос.

Я уже отмечал, что Столыпин оставил за собою право представить императору перемены в личном составе кабинета, путем привлечения в него лиц не из бюрократической среды. В согласии с планом, изложенным ранее в докладной записке императору, он имел в виду образование коалиционного кабинета, в котором были бы представлены главные партии, исключая тех групп, которые были явно революционно настроены.

Несмотря на позицию, занятую кадетами, Столыпин не оставил мысли пригласить в состав кабинета Милюкова, который не был пойман в выборгской ловушке.

На следующий день после своего назначения, он начал приводить в исполнение свой проект, пригласив меня оставить за собою портфель министра иностранных дел в новом кабинете и продолжать участвовать в переговорах, которые он намеревался вести с лицами, предназначенными для замещения различных министерских постов.

Столыпин занимал в то время дачу, расположенную на одном из островов Невы. Этот дом принадлежал государству и служил летней резиденцией для министра внутренних дел; он был чрезвычайно скромен по виду, но имел прекрасный сад. Всякий, кто живет в Петербурге летом, может вспомнить

особую прелесть островов на Неве с их виллами, которые отражаются в спокойной поверхности реки.

Я жил в это время во дворце министерства иностранных дел и каждый день, поздно вечером, отправлялся на дачу Столыпина совещаться с ним и беседовать с различными политическими лидерами, которые там собирались. Эти собеседования затягивались иногда до весьма позднего часа ночи и я живо вспоминаю мои поездки по островам в чудесные белые июльские ночи.

Милюков вспомнит, несомненно, как после одной из бесед, в которой он принимал участие, не имея своего экипажа, чтобы вернуться в город, он принял мое предложение поехать вместе со мной.

Был ранний час утра. Мы ехали в открытой коляске и по всей обратной дороге нас обгоняли многочисленные экипажи, возвращавшиеся из увеселительных мест. Я подумал о странном впечатлении, которое может производить появление министра иностранных дел в четыре часа утра, в одном экипаже рядом с лидером кадетов, который только что вернулся из Выборга, и которого все имели основание считать заключенным в тюрьму. Я поделился своими мыслями с моим спутником, который ответил, что он думает о том же самом и что мы оба подвергаемся риску быть серьезно скомпрометированными—он в глазах оппозиции, а я в глазах консерваторов. Но делать было нечего, и мы от души посмеялись над положением, которое, правда, не имело неприятных последствий. К счастью, никто из офицеров и молодых дипломатов, с которыми я обменялся приветствиями, не узнал Милюкова, и таким образом наше странное поведение не получило огласки.

Попытка создания коалиционного кабинета не имела успеха. После двухнедельных переговоров и вопреки усилиям Столыпина, различные лица, к которым он обращался с предложением вступить в министерство, один за другим отклоняли это предложение.

Подобно графу Витте в предшествующий год, Столыпин встретился с полной невозможностью ввести в правительство каких-либо общественных деятелей, которые были бы не связаны с бюрократическими или придворными кругами. Он решил заместить на время только два поста, которые оставались вакантными после ухода Стишинского и князя Ширин-

ского-Шихматова, и предложил их князю Борису Васильчикову, который стал министром земледелия, и моему брату Петру Извольскому, который был назначен на пост обер-прокурора святейшего синода.

Ни один из них не принадлежал к настоящей бюрократии. Князь Васильчиков, крупный землевладелец и новгородский предводитель дворянства, был избран членом Государственного Совета и не имел связи с официальным миром, кроме вице-президенства в Красном Кресте, который находился под непосредственным покровительством вдовствующей императрицы. Мой брат, который сделал блестящую карьеру в университете, несколько ранее был назначен на пост товарища министра народного просвещения. Князь Васильчиков и мой брат пользовались репутацией умеренных либералов и симпатизировали октябристам. Столыпин рассматривал эти назначения, как временные, так как, несмотря на неудачу в проведении своего плана, он все же не терял надежды образовать коалиционный кабинет, и намеревался снова попытаться сделать это после открытия второй Думы.

Какова была причина неудачи Столыпина?

Нужно с самого начала отметить, что «ошибка» Столыпина так же, как и моя, заключалась в том, что мы оба пытались создать коалиционный кабинет, вместо кабинета чисто кадетского, мысль о котором пришла в голову—mirabile dictu!—генералу Трепову.

Часто, до последнего времени, я задумывался над этим вопросом, и всегда приходил к одному и тому же заключению, что я и Столыпин были правы. Не нужно забывать, что в этот период, который мы рассматривали, даже кабинет, возглавляемый Столыпиным, но с участием элементов, не являющихся строго бюрократическими, казался новшеством, опасным для императора, который согласился на это с большим неудовольствием.

Тем не менее создание такого кабинета означало бы большой шаг вперед и открыло бы дорогу к дальнейшим мероприятиям для создания конституционного кабинета, в то время как схема о немедленном создании кадетского кабинета, напротив, привела бы несомненно к конфликту между верховной властью и новым правительством, которое потребовало бы с самого начала проведения радикальных реформ, на что император никогда не дал бы согласия.

Отказывая в своем сотрудничестве Столыпину, умеренные либералы, вроде князя Львова, графа Гейдена и других, делали серьезную ошибку и показывали, насколько несовершенны еще политические партии в России, подчиняющиеся влиянию преходящих страстей. Действительной причиной их отказа было то, что роспуск Думы вызвал во всех либеральных кругах, даже в самых умеренных, большое чувство раздражения, и следовательно, все приглашаемые лица боялись потерять свой престиж и свое влияние в стране, в случае, если бы они вошли теперь же в правительство.

Столыпин вполне отдавал себе в этом отчет, и был вынужден отложить осуществление своего плана до момента открытия второй Думы, когда успокоятся политические страсти и общественное мнение признает лойяльность намерений первого министра.

К этому времени относится весьма любопытный эпизод попытки генерала Трепова образовать чисто кадетский кабинет.

Прежде чем рассказывать об этом эпизоде, я должен предупредить, что мой рассказ может быть ошибочен в деталях, так как они мне не вполне известны.

Милюков и те из его друзей, которые сносились с генералом Треповым, могли бы исправить эти неточности и я заранее принимаю их поправки, но по основным вопросам этого дела я в настоящее время являюсь единственным человеком, который может дать свое свидетельство.

Я повторяю, как я уже раньше говорил, что перед роспуском Думы не было других ответственных переговоров по вопросу об образовании коалиционного кабинета, кроме тех, которые были поручены императором мне и Столыпину и которые были внезапно прерваны выступлением Горемыкина.

Теперь установлено [1]), что генерал Трепов начал переговоры об образовании кадетского министерства в последних числах июня. Точно так же установлено, что накануне того самого дня, когда был опубликован указ о роспуске Думы, кадеты, уверенные в своем успехе, занялись распределением министерских портфелей между собой.

Эти факты, которые не были известны ни мне, ни Столыпину, может быть, действительно имели место, но нужно от-

---

[1]) A. Viallate, «La vie politique dans les Deux Mondes». Статья M. Paul Bayer—«Empire Russe».

метить, что генерал Трепов начал переговоры с кадетами не только без согласия, но и без предварительного уведомления императора.

С другой стороны, за неделю до роспуска Думы, Столыпин был поражен, узнав из секретных источников, так же как и из уст императора, что дворцовый комендант заявил себя сторонником образования кадетского министерства и что он вел по этому вопросу переговоры с Милюковым и другими членами его партии.

Это произвело на нас ошеломляющее впечатление, так как генерал Трепов был известен, как наиболее горячий сторонник самодержавной власти и как душа реакционной партии. Было невозможно предположить, что красноречие Милюкова склонило его симпатии к радикальным взглядам кадетской партии. Равным образом было недопустимо думать, что он подпал под влияние руководящих людей этой партии. Его мужество было выше всяких подозрений; в наиболее критические дни 1905 года, он обнаружил величайшее самообладание, и его приказ «патронов не жалеть» стал знаменитым. Поэтому, кто бы мог поверить, что этот солдат, храбрый до самозабвения и фанатически преданный идее абсолютной монархии, может входить в соглашение с партией, которая главной своей задачей ставила низведение императора до роли конституционного монарха.

Не нужно затрачивать много времени и усилий, чтобы найти ответ на эту загадку.

Генерал Трепов, оставаясь верным своему принципу абсолютной монархии, боялся только того, чтобы, под влиянием умеренных либералов, император не согласился бы на установление порядка, соответствующего основам манифеста 1905 г.

Он видел, что император мало-по-малу уступает советам Столыпина и моим, и он считал своим долгом воспрепятствовать образованию коалиционного кабинета, которое мы отстаивали. Таким образом, у него появилась мысль парализовать наш план путем составления исключительно кадетского министерства.

Он рассчитывал с большим основанием, что подобный кабинет с первых же шагов должен был войти в конфликт с императором. Как только это случилось бы, он принял бы строгие меры, с помощью войск столицы, раздавил бы кадетское правительство и установил военную диктатуру, во главе

которой встал бы он сам. С этой точки зрения, уничтожение порядка, установленного манифестом 1905 года, являлось одним из более необходимых шагов, и генерал Трепов твердо решил предпринять его без малейших колебаний.

Через несколько дней после роспуска Думы, генерал Трепов представил свой проект императору.

Был ли склонен Николай II принять этот план и одобрил ли он генерала Трепова?

Неустойчивый характер императора и склонность вернуться к старому порядку вещей не исключают этой возможности.

Известно, что он знал о переговорах, имевших место между дворцовым комендантом и Милюковым, но также известно, что если он даже и склонялся вначале перед убеждениями генерала, он все же не решался одобрить их без предварительного совещания со Столыпиным, которому действительно он сообщил о возможности проведения их при первом удобном случае. Столыпин протестовал против этого со всей присущей ему силой, и в скором времени борьба с генералом Треповым закончилась полной победой Столыпина.

Император, окончательно убежденный Столыпиным, приказал генералу Трепову отказаться от проведения его проекта и прервать переговоры с Милюковым.

Генерал склонился перед ясно выраженной волей своего государя, но затаил жгучую ненависть против Столыпина.

С этого дня отношения императора к дворцовому коменданту были отмечены холодностью, указывающей на такое большое нерасположение к нему, что это в значительной степени послужило причиной его внезапной смерти вскоре после этого, в средине сентября, в то время когда император путешествовал на своей яхте у берегов Финляндии.

Его трагический конец естественно вызвал много толков, и некоторые подозревали возможность самоубийства. Внимательное и добросовестное исследование дало, однако, другие результаты. Выяснилось, что смерть была вызвана аневризмом, но более, чем вероятно, что порок сердца, которым страдал генерал Трепов, был значительно осложнен тем ударом, который был нанесен ему неудачей его проекта и, как следствием этого, потерей расположения со стороны государя.

Рассказывая о фактах, действительно имевших место, в связи с этим эпизодом, я далек от мысли как-либо оскорбить память покойного генерала Трепова, так как, несмотря на полное несогласие с его политическими убеждениями и осуждая его методы, я всегда уважал и даже удивлялся его энергии, его неизменному мужеству и его безграничной преданности личности государя.

Организуя свой coup de force, он следовал своему убеждению в том, что спасение России и монархического принципа требует возвращения, любой ценой, к самодержавному режиму. Я даже думаю, что перспектива стать диктатором имела на него лишь второстепенное влияние.

Вскоре после того, как император отклонил его проект, я имел с ним длительный разговор в Петергофе, в течение которого он откровенно объяснил конечную цель своих переговоров с кадетами, и я вспоминаю, что, как в этом случае, так и во времена критических октябрьских дней 1905 года, он производил на меня впечатление человека, одаренного замечательной силой воли.

Правда ли, что Милюков и другие кадетские лидеры принимали к сердцу предложение генерала Трепова и расчитывали с его помощью получить власть?

Некоторые серьезные писатели, симпатизирующие кадетам, как, например, Поль Буане, признают это. Лично я не могу уверить себя в этом, так как это заставило бы сомневаться в их проницательности и уменьи ориентироваться в политической обстановке. Я скорее склонен думать, что Милюков оттягивал время в переговорах с генералом Треповым и со Столыпиным, ожидая того момента, когда победа его партии на предстоящих выборах сделает его господином положения.

Что касается отношения императора в этом случае к генералу Трепову и к Столыпину — это особенно характерно и может объяснить ряд последующих эпизодов.

Легко поддающийся влиянию со стороны человека более сильного характера, чем он, особенно когда это совпадало с его склонностью к реакционным решениям, Николай II, тем не менее, был склонен уступать аргументам, которые апеллировали к его здравому смыслу и врожденной независимости характера. Этим объясняется то, почему Столыпин, одаренный твердой волей и способностью убеждать, легко разубедил императора в правильности позиции генерала Трепова.

Когда позже, в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах, император уступил воздействиям, приведшим его к падению и Россию к катастрофе, я глубоко убежден, что это случилось потому, что не было около него человека такой моральной силы, какой обладал Столыпин, преждевременная смерть которого явилась незаменимой утратой.

Немного разочарованный, но не потерявший окончательно надежды на создание коалиционного кабинета, Столыпин решительно приступил к работе, чтобы наилучшим образом использовать промежуток в семь месяцев с половиной до открытия второй Думы.

Его программа, которая была опубликована несколько позднее, в сентябре месяце, преследовала двойную цель: с одной стороны поддержать или вернее восстановить наиболее действительными мероприятиями общественный порядок, нарушенный в городах и еще больше в деревнях; с другой — подготовить ряд законопроектов для представления их на рассмотрение Думы. Он считал весьма важным избежать повторения ошибки предшествовавшего кабинета — предоставить новой Думе увлекаться бесконечными дебатами и бессильными декларациями. Войдя в Таврический дворец, депутаты должны были найти ожидающий их рассмотрения ряд законопроектов, целью которых было введение либеральных реформ в различные области национальной жизни.

Эта обширная программа включала следующие главные вопросы: свободу совести, habeas corpus, гражданское равноправие, государственное страхование рабочих, реформу местного самоуправления или земства, создание земства в тех частях империи, где оно еще не существовало (северо-восточные и балтийские губернии), создание земства и городских самоуправлений в Польше; преобразование местного суда, реформу высшей и средней школы, реформу налогового обложения и реформу полиции.

Но, помимо этой программы, достаточной самой по себе, чтобы занять Думу на долгое время, в этот период имелись и другие вопросы, которые требовали немедленного разрешения со стороны правительства. Например, было необходимо уничтожить некоторые законы, и из них особенно одиозные, как, например, преследования за различные убеждения, различия в положении евреев и православных, но над всем другим доминировал аграрный вопрос, который требовал быст-

рых мероприятий, так как в это время он достиг наибольшей остроты.

Ввиду необходимости принять быстрые решения, Столыпин воспользовался статьей 87 основного закона, которая предоставляла правительству право, во время перерывов в работе Думы и в случае исключительных обстоятельств, принимать различные мероприятия, при условии представления их на утверждение Думы через три месяца после начала работ законодательных учреждений.

Столыпина часто порицали за широкое пользование статьей 87, скопированной со знаменитой 14 статьи австрийской конституции, и я сам иногда был недоволен его излишней склонностью пользоваться этой статьей, как оружием против Думы и особенно против Государственного Совета. И впоследствии это была одна из причин нашего временного расхождения и окончательного разрыва в наших отношениях; но в тот критический период, который я описываю, необходимость немедленного разрешения аграрного вопроса поистине являлась делом «исключительных обстоятельств», предусмотренных статьей 87, так как этот вопрос являлся не только причиной всех беспорядков в сельских округах, но становился, так сказать, предметом домогательств революционных партий, которые воспользовались им, чтобы привлечь в свои ряды земледельческое население, путем обещаний более или менее радикального и утопического решения этого вопроса.

Прося меня сохранить за собою портфель иностранных дел в его кабинете, Столыпин знал, что он может рассчитывать на мое сердечное сотрудничество в выполнении его программы реформ и в подготовлении почвы для будущей согласованной работы между Думой и правительством.

Несмотря на значительную работу, которую требовали дела моего министерства—я только что начал трудные переговоры, которые привели через год к заключению соглашений с Англией и Японией—я принял активное участие в заседаниях Совета Министров, во время которых обсуждались, несколько раз в неделю, различные законы в процессе их создания. По закоренелой привычке русской бюрократии работать по вечерам — хорошо известно, что в России и Испании поздний час работы считается модным, — эти заседания происходили в очень поздний час времени и затягивались до

трех или четырех часов утра. Кроме того, приобретя за границей привычку рано вставать, я имел обыкновение принимать до полудня доклады различных начальников моего ведомства и следовательно мне не удавалось спать более четырех или пяти часов за весь период этой интенсивной деятельности.

Если к этому прибавить чрезвычайную напряженность, которой требовали текущие события, вскоре увеличившуюся ввиду бесконечных выступлений террористов, каждому легко понять ту степень физического и нервного напряжения, которые были необходимы для выполнения моих обязанностей.

Я должен отметить также, что громадная работа, выполняемая Столыпиным, высокие душевные качества которого и бесконечная преданность долгу общеизвестны, приводили меня в изумление все больше и больше с течением времени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Терроризм.

Втечение всего периода времени, в который заседала Дума, партия социалистов-революционеров подготовляла ряд террористических выступлений, направленных против высших чиновников государства и против агентов полиции, которые она практиковала с самого начала революционного движения.

В начале лета эта партия опубликовала в иностранной прессе заявление, что «ввиду открытия заседаний Думы и в ожидании, что народ уяснит себе политическое положение, следует отказаться от террористической тактики, не прекращая, однако, подготовки новых выступлений; центральный комитет партии укажет момент, когда вновь должна проявиться революционная активность».

Роспуск Думы дал сигнал к возобновлению террористических выступлений, которые проявились в ряде террористических актов.

В субботу, 25 августа, около трех часов пополудни, страшный взрыв разрушил часть дачи, занимаемой Столыпиным на островах.

Премьер-министр не пострадал, но около тридцати человек было убито и еще больше ранено, некоторые из них серьезно, среди последних двое детей Столыпина.

Я был в это время в городе, принимая визит в министерстве иностранных дел Нитрова, начальника двора великого князя Владимира, который просил его посоветоваться со мной относительно одного дела. Окончив разговор, я задержал моего посетителя еще на полчаса, желая показать ему неко-

торые внутренние украшения, которые делались в то время во дворце министерства.

Покинув меня, Митров отправился в резиденцию премьер-министра по другому поручению великого князя, и случилось так, что эта случайная отсрочка спасла его от смерти на вилле Столыпина, так как иначе он прибыл бы за несколько минут до катастрофы.

Извещенный по телефону о случившемся, я бросился в экипаж и через двадцать минут прибыл на место катастрофы, ужас которой превосходил всякое описание.

Около трети дачи было разнесено в щепы, и, если разрушение не было полным, то это произошло только потому, что дом был построен из дерева; каменное или кирпичное строение было бы разрушено совершенно и число жертв было бы более значительно. Можно было видеть погребенными под обломками разрушенного дома человеческие тела, частью мертвые, частью подающие еще признаки жизни. Там и сям валялись куски платья и окровавленные части человеческого тела; крики агонии и призывы на помощь разрывали сердце; перед входом виднелась бесформенная масса дерева и железа и трупы двух лошадей—все, что осталось от экипажа, который привез сюда исполнителей этого страшного дела. Буквально ничего не осталось от вестибюля и от трех комнат нижнего этажа, соприкасающихся с той, в которой в это время находился Столыпин; как будто чудом, действие взрыва коснулось только порога рабочего кабинета премьер-министра.

Я нашел его в маленьком павильоне в саду, бледного, но совершенно спокойного, отдающего приказания спокойным голосом, относительно помощи раненым, среди которых только что была обнаружена одна из его дочерей, девочка пятнадцати лет. Он собственными руками извлек своего единственного четырехлетнего сына из-под груды обломков.

Он сам рассказывал мне, как он нашел своего ребенка, наполовину погребенного под обломками дачи. Малютка не получил серьезных ран, но положение дочери было очень серьезно; ей была подана первая помощь и с большой тревогой ожидался известный хирург Павлов, вызванный по телефону.

Вот точное изложение того, что случилось, согласно тем сведениям, которые я получил на месте катастрофы.

Суббота была приемным днем Столыпина, и его ожидало много посетителей, разместившихся в комнатах нижнего этажа дачи.

С обычным мужеством он оставлял без внимания предупреждения о готовящемся на него покушении и продолжал принимать посетителей без всяких формальностей и совершенно свободно. Принимались все, кто желал говорить с министром, без представления какого-либо рекомендательного письма и даже без того, чтобы установить личность посетителя. Только немногие агенты тайной полиции были помещены в первой передней и внимательно осматривали всякого прибывающего посетителя. В следующей комнате один из крупных чиновников министерства, генерал Замятин, с помощью секретарей записывал имена посетителей и спрашивал их о цели посещения, прежде чем разрешить войти в следующую комнату—приемную—расположенную рядом с рабочим кабинетом министра, находившуюся в правом крыле здания и выходившую в сад. В верхнем этаже находились комнаты, занимаемые детьми Столыпина.

Прием начинался в два часа и в приемной находилось около сорока лиц всяких положений—высшие чиновники, финансисты и даже крестьяне, посланные своими обществами изложить свои нужды министру.

В половине третьего к подъезду дачи прибыло ландо, в котором находились три человека, одетые в военную форму. Они уже прошли первую переднюю, когда полиция, заметив, повидимому, какие-либо дефекты в одежде или поведении посетителей, задержала их у дверей второй комнаты. Послышался шум борьбы, сопровождаемый возгласом: «Да здравствует революция!»—и в тот же момент раздался страшный взрыв. Все находившиеся в первой комнате были убиты, включая и преступников, имена которых так и остались неизвестными. Во второй комнате генерал Замятин был тяжело ранен, а другие чиновники или ранены или убиты. В приемной около тридцати человек было убито, а остальные ранены. Три комнаты нижнего этажа были совершенно разрушены так же, как и в верхнем этаже, но благодаря тому, что дом был построен из дерева, остальная часть здания осталась невредимой.

Дверь между приемной и кабинетом министра была сорвана с петель, и Столыпин, который в это время разговаривал с

посетителем, был опрокинут на пол, но ни тот, ни другой не пострадали, только получили несколько царапин.

Среди убитых был прежний предводитель дворянства, полковник Шульц, начальник полиции Таврического дворца и несколько других чиновников высокого ранга, но большинство жертв состояло из полицейских агентов или скромных просителей, среди которых находилась и одна бедная женщина, труп которой был страшно обезображен.

Сила взрыва была настолько велика, что деревья по набережной Невы были вырваны с корнем и все стекла домов противоположной стороны набережной были разбиты.

В тот же самый вечер Столыпин вместе со своей семьей переехал в официальную резиденцию министра внутренних дел, но несколькими днями позже, ввиду трудности защитить здание от нападения террористов, он поселился в аппартаментах Зимнего дворца, которые не были заняты императором с начала революционного движения.

Обыкновенно в субботу вечером я покидал город и воскресенье проводил в Петергофе, где в это время двор имел резиденцию и где император предоставил в мое распоряжение аппартаменты в императорском дворце. Но в этот вечер Столыпин просил меня придти к нему, чтобы принять участие в чрезвычайном заседании совета министров, ввиду чего, я отложил свою поездку на следующий день.

В воскресенье я прибыл в Петергоф, где был приглашен на завтрак к императору; покидая вагон, я заметил большое оживление на платформе и узнал, что на вокзал только что прибыло тело генерала Мина, который в качестве командира Семеновского полка играл главную роль в подавлении московского возмущения.

Генерал был убит одной женщиной, которая произвела в него несколько выстрелов из револьвера, и, арестованная после выстрелов, просила полицию не толкать ее, так как при ней была бомба, чтобы бросить ее в генерала, если выстрелы из револьвера не достигнут цели.

Бомба, которая была у нее взята, представляла собою коробку из-под сардин и была заботливо положена на скамью, под охраной двух агентов полиции.

Подробное исследование установило, что она содержала весьма сильный взрывчатый материал, который произвел бы страшное разрушение.

За завтраком император высказал глубокое возмущение по поводу покушения на жизнь Столыпина и расспрашивал меня о подробностях катастрофы. Он выразил свое глубокое соболезнование министру и его семье и отнесся к ним с самым трогательным вниманием.

Начиная с памятной субботы, 25 августа, произошел ряд террористических выступлений, продолжавшихся с немногими перерывами в течение нескольких месяцев не только в Петербурге, но и во всей России. Благодаря энергичным репрессивным мероприятиям Столыпина, террористические акты постепенно становились менее частыми.

Группа террористов была арестована полицией как раз в то время, когда они готовились совершить покушение, причем план их состоял в том, чтобы нагрузить великолепный красный автомобиль германской марки взрывчатыми веществами и направить его к дверям Зимнего дворца, с которыми соприкасались аппартаменты первого министра. Если бы этот план был выполнен, разрушения были бы громадны.

Чтобы дать представление о чрезвычайном даре самообладания, которым обладал Столыпин, я приведу здесь эпизод, происходивший на три года позже описываемого мною периода, но весьма характерный для этой эпохи.

Столыпин присутствовал вместе с некоторыми другими членами кабинета на одном из первых авиационных испытаний в России, производимом летчиками, только что вернувшимися из Франции, где они учились летать. Один из авиаторов попросил Столыпина полететь с ним, и другие его товарищи с энтузиазмом присоединились к этой просьбе, заявляя, что они почувствовали бы величайшую бодрость от такого доказательства доверия к их искусству. Столыпин, не колеблясь ни минуты принял предложение летчика, офицера по фамилии Мациевский, и сопровождал его в полете, который длился около получаса.

Когда он опустился на землю, он нашел всю полицию в страшном смятении, и не без основания, так как ею были получены сведения за несколько дней до этого, что поручик Мациевский принадлежал к одной из наиболее опасных террористических организаций. Столыпин был осведомлен об этом перед отправлением на аэродром и, когда он соглашался

подняться с Мациевским, он знал очень хорошо, какому страшному спутнику он вручал свою жизнь. Оставляя поле, он поблагодарил пилота очень тепло и высказал свое восхищение перед его опытностью. Вскоре этот инцидент имел неожиданный эпилог. Во время полета, поручик Мациевский упал с большой высоты и погиб. Причина несчастного случая была необъяснима, так как видели, что пилот падал отдельно от машины, которая не казалась поврежденной раньше, чем она достигла земли. Это предрасполагало полицию думать, что Мациевский совершил самоубийство и что эта судьба постигла его по приговору комитета террористов, в наказание за то, что он предоставил возможность Столыпину избежать смерти.

Это случилось 14 сентября 1911 года, когда, после избавления от целого ряда покушений на его жизнь, Столыпин встретил, наконец, свою смерть в Киеве, убитый из револьвера во время театрального представления, на котором присутствовал император и весь императорский двор.

Любопытно отметить, что встречая опасность с удивительным мужеством, и даже временами бесполезно бравируя ею, он всегда имел предчувствие, что умрет насильственной смертью. Он мне говорил об этом несколько раз с поразительным спокойствием.

Я вспоминаю, что выслушивал его с некоторым недоверием, потому что, несмотря на то, что сообщения время от времени указывали на возможность террористического покушения против меня в ближайшем будущем,—я чувствовал полную инстинктивную уверенность, что я останусь жив.

Каждый из министров был приговорен к смерти по постановлению центрального комитета террористов. Иногда полиция имела информацию—или говорила о том, что имеет—что такому-то лицу поручено убить того или иного министра.

Например, согласно этой информации, я должен был погибнуть от руки женщины, известной среди террористов под именем «Принцессы», которая была описана мне, как имевшая восточную наружность, очень смуглая и отличавшаяся поразительной красотой. В действительности я никогда не имел случая встречаться с такой особой, и я весьма мало верю в эту детективную историю. «Принцесса», если она вообще существовала, могла бы легко выполнить свой план,

так как я отвергал все меры предосторожности, предлагаемые мне полицией, и предпочитал доверять своей звезде. Тем не менее, ввиду того, что покушения случались все чаще и чаще и нужно было предвидеть самое худшее, я старался так вести дела моего ведомства, чтобы они не пострадали в случае моего исчезновения; запечатанный конверт, лежащий в моем пюпитре, содержал все необходимые указания для моего преемника, который мог приступить к отправлению своих обязанностей без всякого промедления. Эти предосторожности оказались совершенно излишними, так как, несмотря на зловещие предсказания тайной полиции, против меня никогда не было сделано террористического выступления.

Однако, я едва не сделался жертвой покушения, направленного против великого князя Николая, который впоследствии был верховным главнокомандующим русскими армиями в 1914 году.

Это случилось во время моего возвращения из Царского Села—зимней резиденции двора—где я делал мой еженедельный доклад императору.

Великий князь Николай прибыл также в тот же самый день и вместо того, чтобы возвратиться в Петербург в своем специальном поезде, он остался обедать у императора.

Случилось так, что я занял место в его поезде, и как раз перед остановкой в Петербурге машинист заметил человека, положившего что-то на полотно и тотчас же скрывшегося. Машинист сразу остановил поезд, в нескольких шагах от адской машины, взрыв которой разрушил бы не только поезд, но и большую часть железнодорожной станции.

Этот эпизод укрепил мой фатализм и я никогда не сожалел об отказе в покровительстве со стороны полиции, которую Столыпин никогда не смог улучшить и агенты которой, как то показывают разоблачения Бурцева, играя двойственственную роль через посредство известного Азефа, были иногда не менее опасны, чем настоящие террористы. Убийство Столыпина было совершено одним из таких агентов, который служил одновременно и полиции, и революционерам.

Террористы нападали не только на высших чиновников империи, как, например, на министров, губернаторов, генералов и т. д., но и на чиновников всех рангов и особенно на

агентов полиции, которые расстреливались на улицах и погибали в громадных количествах.

Помимо покушений на лиц, террористы нападали на банки, церкви и общественные учреждения. Эти нападения были известны под именем «экспроприаций» и давали значительные суммы террористам, как, например, нападение среди белого дня на улицах Петербурга и «экспроприация» шестисот тысяч рублей, которые перевозились в государственный банк под охраной восьми казаков и нескольких агентов полиции.

Список одних высших чиновников, которых постигла смерть от рук террористов за этот период, слишком длинен, чтобы его привести полностью. Вот некоторые из имен: генерал Мин, граф Игнатьев, генерал Козлов, генерал фон-дер-Лауниц, градоначальник Петербурга, губернаторы Варшавы, Самары, Пензы, командующий черноморским флотом и т. д.

Террористы выполняли свои планы с поразительной смелостью и охотно жертвовали своей жизнью, если это было необходимо для достижения успеха.

Например, женщина, которая была арестована на улице, где она ожидала убить великого князя Николая, была одета в куртку, содержавшую значительное количество динамита, который она намеревалась взорвать, если великий князь избегнет револьверных пуль.

Я был свидетелем двух покушений и могу судить о том хладнокровии, с которым террористы действовали.

Генерал Козлов был убит в наиболее посещаемом месте Петергофского парка, в нескольких шагах от старого дворца, где я имел свои аппартаменты, и я видел убийцу из моего окна. Генерал Козлов, который был вполне безвредным лицом, имел несчастье походить по внешности на генерала Трепова, которого террористы действительно стремились убить.

Генерал фон-дер-Лауниц, градоначальник столицы, погиб почти рядом со мной, когда мы возвращались с торжественной церемонии открытия Пастеровского Института в Петербурге.

Заседание Совета Министров, состоявшееся вечером 25-го августа, после взрыва, на городской квартире премьер-министра, явилось величайшим событием.

Открывая его, Столыпин обратился к нам с речью, в которой указал в весьма энергичных выражениях, что покушение на него, которое едва не лишило его детей, не может оказать ни малейшего влияния на направление его политики. Его программа остается неизменной: безжалостное подавление всяких беспорядков и всяких революционных или террористических актов; проведение вместе с предстоящей Думой либеральных реформ; немедленное разрешение наиболее неотложных задач мероприятиями исполнительной власти и прежде всего—разрешение аграрного вопроса. Столыпин прибавил, что мы должны ожидать попытки со стороны реакционной партии использовать случившееся, чтобы склонить императора объявить военную диктатуру и даже уничтожить манифест 1905 года и вернуться к старому режиму самодержавной власти. Он заявил, что будет противиться этому всеми силами и скорее покинет свой пост, чем откажется от конституционного направления своей политики. Он закончил выражением надежды, что его коллеги поддержат его усилия в этом направлении перед императором.

Несмотря на то, что Столыпин произвел некоторые перемены в личном составе кабинета, он далеко не был однороден. Среди нас присутствовали такие реакционеры, как Шванебах, государственный контролер; а другие, как, например, Щегловитов, министр юстиции, скрывали свою склонность к крайней правой до поры до времени, когда стало очевидно, что это было угодно верховной власти. Но такова была сила красноречия Столыпина, что совет министров единодушно одобрил его предложение и обещал поддержать его перед императором.

Пришлось недолго ждать, чтобы опасения Столыпина осуществились. В течение времени, непосредственно следующего за взрывом 25-го августа, против Столыпина была поведена ожесточенная борьба со стороны реакционеров и известных придворных кругов.

Они настаивали на его немедленном замещении военным диктатором и открыто высказывали надежды, что это явится первым шагом на пути к полному восстановлению абсолютизма. Короче говоря, положение напоминало то, что последовало за убийством Duc de Berry 13-го февраля 1820 года, которое дало герцогу и герцогине д'Ангулем и ультра-реакционной партии предлог для ожесточенной кам-

пании против герцога Деказ, целью которого было «примирить Францию с монархией Бурбонов», путем проведения умеренной либеральной политики.

Но в то время, как Людовик XVIII, несмотря на свою нежную привязанность к герцогу Деказ, кончил тем, что пожертвовал своим фаворитом в угоду реакционному движению, которое он внутренне осуждал, Николай II, наоборот, уступил Столыпину и позволил ему проводить его программу, хотя тайные симпатии его склонялись в сторону крайних правых.

Борьба между Столыпиным и его противниками была очень ожесточенна.

Реакционеры, не достигнув успеха в своем стремлении вызвать падение премьера, громко призывали к принятию жестоких мер против террористов. Указывая на недействительность и медлительность обычных судебных мероприятий, они настаивали на необходимости предоставить полиции право расправляться с преступниками без всякого суда и следствия.

Столыпин энергично боролся против такого предложения, последствием которого могло бы явиться только создание полной анархии в империи. Он был вынужден даже защищать свою позицию против некоторых членов кабинета, вроде Шванебаха и Щегловитова, которые поддерживались военным и морским министрами.

В то же время выступления террористов становились все более и более угрожающими и требовали репрессивных мер, ввиду чего Столыпин, в качестве компромисса, представил императору на подпись закон, устанавливающий военный суд для суждения по наиболее тяжким преступлениям, совершенным в местах, объявленных на военном положении, включая сюда столицу и большую часть губерний империи.

Столыпина очень строго осуждали за установление таких судов, скопированных с австрийского уложения о военно-полевых судах, но нужно вспомнить, что он стоял перед лицом исключительно тяжелых обстоятельств.

В этой чрезвычайно напряженной атмосфере, вызванной описанными событиями и осложненной ожесточенной партийной борьбой, Столыпин работал над реформами, которые должны были быть представленными на рассмотрение Думы через шесть месяцев. Кабинет был пополнен назначением в качестве министра торговли Философова, просвещенного и

либерального человека, но, ввиду отсутствия однородности кабинета, Столыпину приходилось самому указывать и направлять работу по подготовке различных законопроектов. Что касается аграрного вопроса, наиболее важного из всех, он взял на себя труд по изучению всех его деталей, и ряд указов, которыми он трактовался, могут рассматриваться, как его личная заслуга.

Так как я являлся единственным членом кабинета, который, имел близкое знакомство с работой при конституционных и парламентарных режимах, я был призываем при решении всех вопросов, связанных с необходимостью применить новое законодательство к условиям, созданным манифестом 1905 года. Я охотно принимал эту экстра-работу, но что особенно заняло меня, в прибавление к моим обычным обязанностям, это аграрный вопрос, который всегда глубоко интересовал меня. По этому вопросу я имел долгие и частые совещания со Столыпиным, в течение которых я защищал систему мелкой частной собственности.

Я уже говорил раньше, что благодаря моему изучению социальной и экономической жизни Западной Европы, я далеко отошел от славянофильских доктрин и среди них от пресловутой теории о «мире».

С особым удовольствием я наблюдал, что Столыпин, несмотря на его привязанность ко многим славянофильским теориям, все более и более склонялся к уничтожению общинного владения и к установлению мелкой индивидуальной собственности для крестьян. Чтобы убедить его еще больше, я доставил ему интересную работу по истории аграрных реформ в Европе, которую я составил в различных странах, особенно в Дании, во время моего пребывания там, когда я доставил ряд докладов правительству по этому вопросу,

Переход от общинного к частному владению землей в Дании имел место значительно ранее, чем в других частях Европы, в конце XIII века, и был произведен в министерство графа Бернсдорфа, который начал осуществление этой реформы на своих землях и землях короны. Когда я изучал документы по этому вопросу в Копенгагене, я заметил сходство аграрных условий, которые существовали в Дании перед реформой, с условиями, до сих пор еще доминирующими в России, и меня особенно поразили благодетельные результаты, достигнутые за короткий период времени реформами

графа Бернсдорфа. Я имел копии со многих из этих документов, в целях наметить план раздробления и разделения старых общинных владений между крестьянами.

Эта работа в высшей степени заинтересовала Столыпина и я думаю, что она играла немалую роль в создании его собственных проектов аграрных реформ.

Предполагая дать русскому крестьянству индивидуальное право на землю, Столыпин одновременно создавал новое правовое положение для крестьян. До этого времени крестьянство пользовалось только ограниченными гражданскими правами и являлось объектом воздействия со стороны почти неограниченной власти общины. Новое законоположение являлось поистине актом раскрепощения; уничтожало специальные суды, юрисдикции которых подлежали до этого времени крестьяне; освобождало его от коллективной ответственности по платежу налогов; разрешало ему завещать свой кусок земли и предоставляло ему право в качестве землевладельца участвовать в выборах и в заседаниях земства. Короче говоря, крестьяне переставали быть классом, являющимся пасынком для государства, и фактически впервые становились русскими гражданами.

Но в то время, как Столыпин предоставил крестьянству право индивидуального владения землей, он абсолютно отказывался от мысли нарушать права крупных и средних земельных собственников и отвергал принцип принудительного отчуждения, в пользу которого высказалась Дума под влиянием кадетов и революционеров.

Его главной мыслью было внушить крестьянству уважение к собственности, которое не могло быть воспитано ни крепостным правом, ни распределением земли в 1861 году, ни общинным порядком. Правда, что в 1861 году крестьяне выкупали земли, которые приходились на их долю, но выкупные платежи, вносимые в форме годичной выплаты, обычно рассматривались, как внесение государственных налогов. Благодаря этому, факт выкупа земли, за которую они были должны, совершенно забывался крестьянами и они охотно прислушивались к речам агитаторов, которые внушали им, что они должны получить бесплатно ту землю, которая оставалась во владении их бывших господ.

Эти и другие мероприятия, составлявшие сущность столыпинской аграрной реформы, были изложены в ряде указов,

из которых главный, освобождавший крестьян от власти общины, был датирован 22-го ноября 1906 года. Проведенный в порядке пресловутой 87-й статьи, он должен был быть представленным на рассмотрение Думы через три месяца после ее созыва, как то определялось основными законами.

Так как заседания второй Думы были непродолжительны, дело по оформлению этой реформы в окончательный закон выпало на третью Думу.

Аграрные реформы были приняты Думой с небольшими поправками и изменениями подавляющим большинством, но в Государственном Совете они были встречены сильной оппозицией и прошли большинством одного голоса, включая в число голосовавших и министров, которые были членами этого учреждения.

Мой брат и я были назначены членами Государственного Совета только незадолго до этого, и нужно приписать нашим двум голосам, высказавшимся в пользу правительственного законопроекта, то обстоятельство что столыпинский проект аграрной реформы не был отвергнут, что могло бы весьма усложнить положение.

Любопытно отметить, что в оппозиции к проекту реформы оказались две крайние партии—правая и левая. Социалисты отвергали его: с точки зрения их коммунистических теорий, точно так же, как и с точки зрения реакционеров, это было нападением на священные традиции прошлого и шагом на пути к уравнению сословий—странная аберрация со стороны партии, которая называла себя консервативной и рука об руку с революционерами стремилась отвергнуть закон, который имел своей целью укрепление принципа частной собственности.

В Государственном Совете оппозиция проекту аграрной реформы была организована реакционной партией.

Когда этот законопроект был внесен в Государственный Совет, эта партия была особенно сильна, так как император назначал туда только лиц, хорошо известных своими реакционными тенденциями.

Назначение мое и моего брата было много раз отвергнуто императором, и только благодаря настойчивости Столыпина оно, наконец, состоялось.

Столыпинская аграрная реформа имела исключительный успех, превосходящий самые оптимистические ожидания.

К середине сентября Столыпин поместил в газетах пространное и составленное в энергичных выражениях сообщение о своей политической программе, в котором он заявлял о намерении правительства подавлять террористические выступления самым решительным образом и поддерживать порядок в стране любой ценой.

Через несколько недель ожидалась первая годовщина манифеста 1905 года, и социалисты предсказывали беспорядки и враждебные правительству демонстрации на этот день. Однако, ничего не случилось. Правда, террористы продолжали свои действия, но это, если пользоваться словами Столыпина, являлось только «случайными актами», и начинало казаться, что вся страна желает спокойствия и порядка и относится с доверием как к энергии, так и к искренности правительства.

За границей, особенно во Франции и в Англии, общественное мнение сурово критиковало роспуск Думы и в первое время высказывало мало доверия к проектам Столыпина, но следует отметить, что с этих пор европейская пресса начала отдавать должное его усилиям.

Я решил воспользоваться этими обстоятельствами и посетить Францию.

Было в обычае для вновь назначенного министра иностранных дел—русского или французского—воспользоваться первым удобным случаем, чтобы посетить столицу союзной страны и повидаться с людьми, стоящими у власти. Вследствие этого я получил разрешение императора посетить Париж, где я был принят президентом республики и беседовал с членами кабинета Сарриена, в котором Буржуа был министром иностранных дел, Клемансо—министром внутренних дел и Бриан—министром общественных работ.

Чтобы избежать проезда через Берлин, я решил проехать через Баварию, где моя семья, которую я не видел уже пять месяцев, проводила лето.

Моя жена поехала оттуда со мной в Париж, но на обратном пути, в соответствии с установившимся обычаем, необходимо было остановиться в Берлине, где я был принят императором Вильгельмом и виделся с канцлером, князем Бюловым.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Император Николай II.

Эту главу я воздерживался включать в мои мемуары, так как для ее появления необходимо было выбрать время, чтобы выполнить трудное и деликатное дело описания характерных черт императора Николая II.

Я не могу, однако, теперь отказываться от выполнения моего намерения по следующим соображениям.

Все, пережившие столь много трагических событий за последнее четырехлетие, приняли известие о смерти императора с некоторым равнодушием. Большинство газет в странах Антанты поместило только краткие заметки, и это создавало впечатление, что их авторы воздерживаются от полного высказывания своих мыслей. Поэтому всякий мог почувствовать, что такое умолчание являлось как бы осуждением поступков покойного государя. Единственным исключением из этой политики умолчания являлась лондонская газета «Daily Telegraph», опубликовавшая ряд статей, подписанных д-ром Диллоном, которые содержали не только ожесточенные обвинения Николая II за его ошибки, как правителя, но приписывали ему черты не только антипатичные, но и прямо отталкивающие.

Зная известный талант д-ра Диллона, как писателя, и его репутацию знатока всего, что касается России, я не мог не опасаться, что его заявления могут способствовать общественному мнению, уже подготовленному рядом легковесных статей и книг, вышедших после падения монархии в России, вроде книги Риве «Последний Романов» и Бинштока «Распу-

тин. Конец одного режима»,—принять без всякой критики те или иные слухи.

Следует признать, как общее правило, что совершенно необходимо жить в непосредственной близости к государю и ко двору, чтобы правильно судить об известных психологических явлениях, которые происходят от особых условий, не имеющихся в других местах.

Совершенно верно, что государь рассматривает людей и вещи под таким ложным углом зрения, который часто дает неправильную их оценку; совершенно верно также, что он редко проявляет себя таким, каков он есть на самом деле, и таким образом становится каким-то легендарным лицом.

Любопытно отметить, что обычные описания внешности императора были неправильны. Его малый рост преувеличенно толковался таким образом, что это толкование давало совершенно неправильное представление об его внешности. Когда он находился среди членов императорской фамилии, совершенно верно, что он выглядел маленьким в сравнении с другими, которые были все высокого роста. Он совершенно не походил ни на своих дядей, ни на своих кузенов, по своей фигуре, которую он унаследовал от своей матери, датской принцессы. Совершенно верно, что он был единственным среди императорской фамилии, кто не имел отличительных черт Романовых [1]).

Высокий рост и замечательная красота почти всех членов императорской фамилии обязаны своим происхождением жене Павла I, принцессе Вюртембергской-Монбельяр (сам Павел I был настолько мал ростом, что когда он прибыл в Париж в 1782 году, под именем графа Севернаго, парижское население наделило его весьма насмешливыми кличками во время его появления на улицах города).

Эти отличительные физические качества Романовых нашли свое наиболее полное выражение в личности императора

[1]) Следует вспомнить, что русская императорская фамилия имела отношение к роду Романовых только по женской линии. После смерти императрицы Елизаветы, русский трон перешел к герцогу Голштинскому Готторн, мать которого была дочерью Петра Великого. Под именем Петра III он был родоначальником русской императорской линии. Совершенно верно, однако, что рождение Павла I было незаконным, и его настоящим отцом был один из придворных, по фамилии Салтыков, ввиду чего члены императорской фамилии не имели ни капли крови Романовых в своих жилах.

Николая I, который, по отзывам современников, напоминал в юности древнего греческого героя. Эти физические качества сохранялись в течение трех поколений; император Александр III, отец Николая II, хотя и не был красив, но был человеком геркулесовского сложения и величественной внешности.

Когда император Николай II взошел на престол, он производил впечатление человека, принадлежащего к совершенно другой породе, чем его предшественники. Он совершенно не обладал теми качествами, которые обыкновенно импонируют толпе, и только на близком расстоянии он казался, если и не высоким, то во всяком случае хорошо сложенным, элегантным в своих движениях и более стройным, чем он казался на расстоянии.

К несчастью, его природный ум был ограничен отсутствием достаточного образования. До сих пор я не могу понять, как наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени неподготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности.

Образование Николая II не превосходило уровня образования кавалерийского поручика одного из полков императорской гвардии, офицеры которой принадлежали к «золотой молодежи» и обращали больше внимания на спорт и уменье держать себя в обществе, чем на изучение специальных дисциплин, даже тех, которые полезны для военной карьеры.

В то время, как император Николай I, этот поклонник прусского милитаризма, счел необходимым доверить воспитание своего старшего сына выдающемуся человеку той эпохи поэту Жуковскому, император Александр III избрал в качестве воспитателя для юного наследника престола невежественного генерала Даниловича, которой не имел других качеств, кроме своих ультра-реакционных взглядов.

Однако, возможно, что он являлся только номинально воспитателем Николая II, так как действительным руководителем его занятий был англичанин Хетс, который занимал место частного учителя в императорской семье.

Я знал Хетса очень хорошо и даже был его учеником почти в одно время с императором. Этот очень одаренный и обаятельный человек был преподавателем в императорском лицее, в то время, когда я учился там. Хотя он был очень строг, но его очень любили все студенты. Он обладал обшир-

ными познаниями и некоторым талантом: он очень недурно рисовал акварелью. Но особенную склонность он чувствовал к спорту и затратил много труда, чтобы воспитать в своих учениках любовь ко всем видам спорта. Ему Николай II обязан совершенным знанием английского языка и склонностью ко всем видам спорта, но легко понять, что Хетс, который с трудом говорил по-русски и не имел университетского образования, не был способен сообщить необходимые знания, чтобы приготовить своего ученика к роли русского государя.

Чтобы понять отдельные черты характера императора Николая II, нужно прежде всего принять во внимание ту обстановку, в которой он провел свое детство и юность до того момента, когда, достигнув двадцати шести лет, он вступил на трон, после внезапной смерти своего отца. В этой обстановке доминировала личность императора Александра III, который, обладая твердой волей, подчинял себе всех, кто приходил с ним в соприкосновение.

Как мы уже знаем, молодой наследник вступил на трон, будучи совершенно неподготовленным к роли государя; он никогда не принимал участия в рассмотрении государственных дел. Будучи застенчивым от природы и обладая чрезвычайно моложавой внешностью, он рассматривался своими родителями, как маленький мальчик, даже тогда, когда он давно перестал быть юношей. Он никогда не был наследником в глазах семьи и родных до самой смерти отца, а просто «Никки», миловидным молодым человеком, любящим спорт и литературу (у него была замечательная память на стихи), но совершенно неосведомленным в политической жизни своей страны.

Единственным случаем, когда наследник играл некоторую самостоятельную роль, была его поездка на Дальний Восток в 1890—1891 г.г. Эта поездка, если бы она была хорошо организована, могла бы оказать известное влияние на расширение умственного кругозора Николая II. Но, к сожалению, вместо назначения к нему в свиту людей со специальной подготовкой и знаниями, его сопровождали молодые блестящие гвардейские офицеры во главе с генералом Барятинским, придворным, очень любезным и хорошо воспитанным, но абсолютно неподготовленным к роли руководителя в такой поездке.

Лондонский двор поступил более предусмотрительно и прикомандировал к наследнику русского престола, на время его пребывания в Индии, человека особенно компетентного— сэра Дональда Мекензи Уоллес, о котором я говорил в предыдущей главе. Он снискал к себе большое расположение наследника, которому не было нужно ничего другого, как только иметь руководителя во время поездки.

Следует вспомнить, что Николай II в течение своей трагической жизни как бы преследовался роком, что началось с нападения на него одного фанатически настроенного японца во время его пребывания в Японии. Ему был бы нанесен смертельный удар по голове, но он был парирован стеком кузена Николая II, принца Георга Греческого, бросившегося к нему на помощь. Рана была очень глубока, но не серьезна. Говорилось, что умственные способности Николая II были ослаблены вследствие этого удара, но в действительности нет никакого основания для такого утверждения. Наоборот, император сам говорил мне, что после этого несчастного случая его перестали беспокоить частые головные боли, которыми он страдал с детства.

Но если покушение на его жизнь в Киото не причинило физически вреда, я уверен, что это создало чувство антипатии и даже ненависти у Николая II к Японии и не осталось без влияния на направление дальне-восточной политики, которая имела своим эпилогом русско-японскую войну.

Выросший в атмосфере самоунижения и пассивного повиновения, Николай II сохранял к памяти своего отца почти сверх суеверное уважение.

Император Александр III, как мы уже знаем, олицетворял собою идею абсолютной монархии и управлял Россией железной рукой в течение тринадцати лет, проводя строгую систему консерватизма и бюрократической централизации. Эта система стала догмой для лиц, которые являлись советниками Александра III и которые сохранили свои посты до начала нового царствования. Они делали все, что было в их силах, чтобы внушить молодому императору уважение к тому, что они называли «традициями царя-миротворца». Некоторая склонность императора Николая II освободиться от этих традиций встретила ожесточенное сопротивление со стороны его советников и можно сказать почти буквально, что в течение первых пяти лет нового царствования русская империя продол-

жала управляться тенью умершего императора. Увы, с моей стороны не будет преувеличением сказать, что когда советники Александра III уступили свое место людям по выбору самого Николая II, империя совсем не управлялась или, вернее, управлялась неразумно, что мною уже было описано.

Почтение Николая II к памяти своего отца проявлялось иногда в весьма странной форме. Например он, верховный вождь русской армии, никогда не соглашался принять более высокий чин, чем полковника, который был пожалован ему в прошлое царствование. Этот трогательный, но несколько наивный поступок сыновней почтительности не способствовал его престижу в военных кругах, где его всегда называли «полковник»,—кличка, которая в конце концов звучала, как насмешка, с оттенком пренебрежения.

Эта привязанность к традициям предшествовавшего царствования повинна до некоторой степени в той политической ошибке, которая вызвала весьма серьезные последствия для будущего России и участи самого Николая II.

Смерть Александра III, последовавшая скорее, чем того можно было ожидать, воскресила надежды широких либеральных кругов, которые были придавлены в течение его тринадцатилетнего царствования. Представители либерального движения, будучи удалены от двора и от всякой бюрократической деятельности, нашли себе убежище в работе в земстве. В этих кругах полагали, что молодой император окажется способным сделать то, что было уже сделано другими монархами в других странах, и примет линию поведения, отличную от той, которая практиковалась его предшественниками. Склонность молодого императора к либеральным идеям была возможна, по мнению либеральных русских кругов. Ввиду этого было решено использовать аудиенцию, которая была дана императором представителям земства для принесения поздравлений и пожеланий от этих учреждений, через несколько дней после восшествия царя на престол.

Петиция о создании конституционного правительства, составленная в более или менее ясных выражениях, была представлена почти всеми земствами и особенно энергично поддерживалась тверским земством, которое отличалось наиболее ярко выраженным либерализмом, ввиду чего пользовалось дурной репутацией при дворе. В ответ на эту петицию Николай II произнес те неудачные слова, которые квали-

фицировали пожелания земств, как «несбыточные мечтания», и заявил о своем твердом намерении поддерживать абсолютную монархию, которую он унаследовал от своего отца.

Вот каким образом рисуется д-ром Диллоном эта встреча царя с представителями земств, когда они приносили ему свои поздравления в Зимнем Дворце.

«Самодержец принял их в залитом светом зале, с нахмуренными бровями и плотно сжатыми губами, и повернувшись в пол-оборота к людям, избранным нацией, топнул своей маленькой ножкой и приказал им отбросить бессмысленные мечтания, которые он никогда не сможет принять».

Я сожалею, что мне приходится отмечать здесь разногласие с моим другом д-ром Диллоном, но в действительности эта сцена носила совершенно другой характер. Я знаю от очевидцев, что далекий от высокомерия в обращении к представителям земства, император Николай был смущен и с некоторым колебанием прочел по бумажке, находившейся в его руках, содержание своего знаменитого ответа. Более того, я знаю из совершенно достоверного источника, что ответ, который должен был сделать император, был предметом живейших обсуждений между императором и его советниками. Николай II колебался резко обрывать отношения с делегатами земства и был склонен дать менее резкий ответ, но его советники, возглавляемые Победоносцевым, убедили его в том, что память отца обязывает его твердо придерживаться традиций предшествующего царствования и что он должен положить предел всяким либеральным претензиям.

Победоносцеву же принадлежит авторство того ответа, который император получил от него в последний момент перед выходом в залу для аудиенции. Он читал его машинально, не отдавая себе даже ясного отчета в его содержании.

Если принять во внимание, что эта несчастная речь получила широкое распространение, будучи сообщена представителями земства своим избирателям в самых отдаленных уголках России, то можно понять, насколько правильно мое утверждение, что эта первая встреча Николая II с представителями народа положила начало тому отсутствию взаимного понимания, которое никогда не прекращалось во взаимоотношениях государя с народом и имело своим эпилогом через двадцать три года отречение императора во Пскове.

Автор ответа императора представителям земства, Победоносцев, оставался на своем посту обер-прокурора святейшего синода и в новое царствование. Этот человек, которого называли русским Торквемадо, был поистине злым гением Николая II, на которого он имел громадное влияние.

Я не буду останавливаться на описании этой зловещей фигуры, так как Победоносцев покинул политическую деятельность в тот самый день, когда я вступил в первый русский конституционный кабинет. Описание этой фигуры могло бы занять не только одну главу, но даже целый том. Поэтому я ограничусь указанием, что личность Победоносцева олицетворяла собой все, что было худшего у русской бюрократии, и что он, больше чем сам Николай II, ответственен за ошибки царствования несчастного монарха. Могу прибавить, что всякий раз, когда я входил с ним в общение—а это было очень часто за время моего представительства от России при Ватикане—мы всегда оставались враждебными друг другу и до сих пор я с большим удовлетворением вспоминаю мою борьбу против его тирании по вопросу о свободе совести в России.

Среди людей, которые не менее известны, но влияние которых на Николая II в начале его царствования было менее роковым, чем влияние Победоносцева, следует отметить князя Мещерского, собственника и издателя ультра-реакционной газеты «Гражданин».

Эта загадочная личность, grand seigneur по рождению, журналист—и журналист большого таланта—по призванию, играла значительную роль при дворе и в интимном кругу Александра III. Его влияние трудно объяснить, потому что он пользовался скандальной репутацией, подобно Эйленбургу при берлинском дворе.

Князь Мещерский, посвятивший себя журналистике с юных лет, никогда не претендовал на какой-либо пост в бюрократии или при дворе. Тем не менее он оказывал непосредственное влияние на государственные дела в течение царствования Александра III. В редакции «Гражданина» и в его салоне, где еженедельно происходили собрания, подготовлялись министерские кандидатуры, точно так же, как и реакционные мероприятия, которыми было отмечено это царствование. Эти пятницы, на которых я никогда не имел чести бывать, посещались министрами, чиновниками всех рангов,

генералами, епископами, журналистами, всеми теми, кому протекция их хозяина могла открыть возможность получать самые разнообразные должности, включая и дипломатические посты [1]).

В мае 1896 года, во время своей коронации в Москве, Николай II пытался во второй раз войти в соприкосновение с народом, и столь же неудачно, как и в первый раз. Рок, тяготевший над судьбой этого монарха, отмечал трагическими событиями это царствование.

Все помнят, как коронационные торжества были омрачены катастрофой, очень похожей на ту, которая имела место в Париже в связи с организацией народных гуляний в 1770 году, по случаю бракосочетания Людовика XVI. В обоих случаях беззаботность власти, которая организовывала торжества, привела к аналогичным последствиям: громадная толпа, собравшаяся в огороженном месте, достаточно обширном, но с плохо устроенными входами и выходами, была внезапно охвачена паникой, что вызвала громадное количество человеческих жертв.

Московская катастрофа, детали которой я имел тогда же случай узнать, неправильно толковалась и освещалась. Д-р Диллон в книге, которую я столь часто цитировал, утверждает, что ужасная катастрофа произошла в тот самый момент, когда императорская чета заняла свои места, приветствуемая военным оркестром, игравшим национальный гимн, и когда «полсотни миллионов голосов криками приветствовали самодержца Святой Руси и его супругу». Автор продолжает указанием на то, что император показал себя совершенно безучастным к этому бедствию, и утверждает, что оно не помешало серии обедов и балов, которые происходили при дворе и в иностранных посольствах до самого окончания празднеств.

В действительности произошло следующее. В это время я был русским представителем при Ватикане, и так как папа

---

[1]) Когда мне пришлось быть преемником графа Ламсдорфа и уволить из министерства некоторых из ставленников князя Мещерского, редакция «Гражданина» сделалась центром интриг, направленных против меня лично и против моей политики. За время моего пребывания на посту министра, не было ни одного номера этой газеты, который не содержал бы ожесточенных нападок на меня, рассматривая меня, как «кадета в маске» и чуть ли не сообщника революционеров.

Лев XIII был представлен на торжествах чрезвычайным посланником Аглиарди, князь Лобанов, русский министр иностранных дел, просил меня прибыть в Москву.

В Москве я остановился у моего кузена Муравьева, который был в то время министром юстиции, и каждый день я виделся с дядей моей жены, графом Паленом, которому была поручена роль главного распорядителя на торжествах. Понятно, что я имел исключительный случай знать мельчайшие детали празднеств и всего, что происходило за это время даже в интимной жизни двора.

Катастрофа произошла в очень ранний час дня и задолго до того, как император и его двор должны были прибыть на место торжеств. Через несколько минут после катастрофы мой кузен вызвал меня по телефону и, рассказав мне о случившемся, просил сопровождать его на место катастрофы, где он обязан был быть по должности.

Даже теперь, по прошествии двадцати двух лет, я не могу без содрогания вспомнить зрелище, которое я увидел, прибыв на Ходынское поле, где должно было состояться празднество. В ожидании министра юстиции, который должен был произвести первое расследование, все сохранило свой первоначальный вид и тела убитых, числом свыше трех тысяч, грудой лежали перед помостом, на котором раздавались подарки.

Я провел большую часть дня на поле и возвратился в город только вечером.

Я не имел случая видеть императора в течение дней, непосредственно следовавших за катастрофой, но через Муравьева, графа Палена и других лиц из придворных кругов я был хорошо осведомлен о всех деталях того, что происходило в Кремлевском дворце, в связи с катастрофой. Ввиду этого я могу засвидетельствовать, что Николай II был опечален происшедшим, и первым его движением было приказать прекратить празднества и удалиться в один из монастырей в окрестностях Москвы, чтобы дать ясное выражение своего горя.

Этот план был предметом горячего обсуждения в кругах царской свиты, причем граф Пален поддерживал этот план и советовал императору строго наказать виновников, не считаясь с положением, занимаемым лицами, ответственными за происшед-

шее, и прежде всего великого князя Сергея, дядю императора и московского генерал-губернатора, — в то время, как другие, особенно, Победоносцев и его друзья, указывали, что это может смутить умы и произведет дурное впечатление на принцев и иностранных представителей, собравшихся в Москву. Они говорили также, что публичное признание ошибки, совершенной членом императорской фамилии, равносильно умалению монархического принципа. Эти последние советы—увы—возымели большой успех, как это случалось и позже. Празднества продолжались. На этот день был назначен бал во французском посольстве в присутствии императорской четы и всего двора.

Посланник маркиз де-Монтебелло и его жена, пользовавшиеся большой любовью в русском обществе, зная, что происходит в Кремле, ожидали, что императорская чета не будет присутствовать на празднестве и предполагали отложить бал. Однако, он состоялся, и я отчетливо вспоминаю напряженность атмосферы на этом празднестве.

Усилия, которые делались императором и императрицей, при появлении их в публике, ясно были видны на их лицах.

Некоторые порицали французского посла за то, что он не проявил инициативы в вопросе об отмене бала, но я могу удостоверить, что маркиз и маркиза были вынуждены склониться перед высшей волей, направлявшейся прискорбными советами, о которых я уже упоминал.

Граф Пален, бывший министр юстиции в либеральное царствование Александра II, хорошо известный своим независимым характером и прямотой, был назначен лично императором рассмотреть дело и выяснить виновных.

Благодаря близкому знакомству с ним, я имел возможность день за днем наблюдать за результатами следствия и я был удивлен той странной несогласованностью в работе различных ведомств, которая существовала в России.

В этом случае, народное празднество, которое должно было собрать около миллиона человек, организовывалось двумя различными ведомствами — генерал-губернатором Москвы, великим князем Сергием, и графом Воронцовым-Дашковым, министром императорского двора, из которых каждый взваливал вину за происшедшее на другого. Было установлено, что если великий князь Сергий и не является единственным ви-

новником катастрофы, то во всяком случае он должен подлежать ответственности.

Граф Пален, не колеблясь, потребовал его наказания, но встретил сильное сопротивление со стороны других великих князей и ультра-монархической партии.

В конце концов некоторые из его подчиненных подверглись ответственности, а великий князь продолжал управлять древней столицей, население которой наделило его кличкой «князя Ходынского», в память события, приведшего благодаря его небрежности к катастрофе.

Этот печальный инцидент, которым сопровождалась коронация императора, рассматривался общественным мнением, как дурное предзнаменование для царствования и для собственной участи императора.

Несколькими днями позже произошел другой инцидент, который остался почти неизвестным, но произвел большое впечатление на императора.

Я сам присутствовал при этом инциденте.

Как камергер императорского двора, я был назначен вместе с другими шестью камергерами поддерживать императорскую мантию, которую император надевал во время ритуала вручения ему скипетра и державы перед возложением на голову императорской короны. В самый торжественный момент церемонии, когда император проходил к алтарю, чтобы совершить обряд помазания, бриллиантовая цепь, поддерживающая орден Андрея Первозванного, оторвалась от мантии и упала к его ногам. Один из камергеров, поддерживающих мантию, поднял ее и передал министру двора, графу Воронцову, который положил ее в карман.

Все это произошло так быстро, что не было замечено никем, кроме тех, кто находился близко к императору. Как я уже говорил, я был в их числе и в настоящий момент являюсь единственным очевидцем этого инцидента, оставшимся в живых. После церемонии, всем, кто видел это, было приказано не говорить об инциденте, и до сих пор он не был никому известен.

Если я остановился на описании этого инцидента, который может показаться незначительным, то это потому, что я знаю, какое глубокое впечатление было произведено им на Николая II и насколько он увеличил его врожденную склонность к фатализму.

Первые годы царствования Николая II были относительно спокойными, и в течение этого периода мировоззрение Николая II постепенно принимало те формы, которые обнаружили себя в последующую эпоху начала революционного движения 1905 года и русско-японской войны.

Это мировоззрение слагалось под влиянием ряда неблагоприятных условий. Слабость характера императора, развитие которой раньше подавлялось непреклонной волей Александра III, и настойчивые усилия советников прежнего царствования склонить Николая II к поддержанию традиций его отца, и неразумное поведение таких министров, как Сипягин и Плеве, и авантюры Безобразова—определяли события этого периода царствования Николая II. Наконец, склонность к мистике и вера в чудесное оказывали столь серьезное воздействие на императора, что создавали возможность для установления на него влияния таких проходимцев, какими были медиум Филипп и мужик Распутин.

Если к государственным людям типа Победоносцева можно еще относиться с некоторым уважением, поскольку они обладали несомненными дарованиями в практической деятельности, то что можно сказать о министрах, единственной целью которых было снискать себе расположение государя, посредством восхваления его реакционного настроения? К министрам этой категории относится Сипягин, министр внутренних дел, который получил этот пост благодаря семейной близости его к одному из виднейших представителей реакционной партии—графу Шереметеву.

Это был министр, которым владела мысль о введении при русском дворе традиций царствования Алексея Михайловича, второго царя из рода Романовых, отца Петра Великого. Этому уважению перед памятью царя Алексея, которое питал Николай, следует приписать то, что он дал своему наследнику имя, бывшее не в моде у русских государей со времени трагической смерти сына Петра Великого, несчастного царевича Алексея, который сопротивлялся прогрессивным реформам своего отца и был им принесен в жертву во имя интересов государства.

Это стремление воскресить времена Алексея Михайловича принимало иногда картинные формы, как то было, например, в одну из зим, когда в придворных кругах и в высшем обществе только и думали об устройстве маскарад-

ных балов в залах Зимнего дворца, отличавшихся полу-азиатской роскошью, которая характеризовала двор времен царя Алексея Михайловича.

Я был в это время за границей и знаю о происходившем только со слов присутствовавших, которые давали о нем восторженные отзывы.

Императорская чета, одетая в костюмы, выгодно оттенявшие моложавую внешность императора Николая и величественную красоту императрицы Александры, представляла царя Алексея и царицу Наталью. Великие князья и великие княгини так же, как и члены высшего петербургского общества соперничали друг перед другом количеством дорогих мехов и драгоценных камней.

Эти балы, которые были не только чудесным зрелищем, но являлись как бы символом политического направления императора и его советников, закончили первую половину царствования Николая II, чтобы уступить свое место другим, более тяжелым и тревожным настроениям, отметившим вторую половину его царствования.

Сипягин в это время имел в своей официальной резиденции в Петербурге комнату, отделанную в стиле аппартаментов царей в древних кремлевских дворцах, и принимал там императора Николая, сохраняя все детали этикета, принятого при московском дворе в XVII веке. При этих посещениях император играл роль Алексея Михайловича, а Сипягин—боярина Морозова, всесильного министра царя.

В то время, как император и его странный министр внутренних дел забавлялись этими невинными маскарадами, настоящая роль Морозова выполнялась Победоносцевым.

Влияние этой зловещей фигуры сказывалось во всех отраслях государственной жизни и его деятельность все более и более вызывала негодование среди просвещенных слоев русского общества и создавала оппозиционные или даже революционные настроения в стране.

Метод, которым пользовался Сипягин, заключался в том, чтобы систематически льстить молодому государю, восхищаясь его административными талантами.

В этом отношении никто не мог превзойти графа Муравьева, министра иностранных дел в период 1897—1900 г.г., льстивость которого поддается сравнению только с его поразительным невежеством в государственных делах. Его пред-

шественник, князь Лобанов, был настоящим государственным деятелем, но очень короткое время, так как вскоре умер. Этот выдающийся дипломат и историк взял на себя труд сообщать Николаю II исторические знания и дипломатическое искусство во время своих устных докладов императору. Он чувствовал к нему почти отеческую привязанность. Император, привыкший к совершенно другому обращению со стороны других министров, принимал, но с некоторой досадой, эти уроки от сотрудника своего деда. Эти уроки безвременно закончились, когда граф Муравьев, преемник князя Лобанова, не теряя времени, начал практиковать совершенно другой метод, чем его предшественник. Он заявлял всем, кто хотел его слушать, что он является только исполнителем воли своего государя, и что император, глубокое искусство которого в дипломатических делах он превозносил при каждом удобном случае, совершенно самостоятельно решает все мельчайшие детали международной политики.

Я вспоминаю, как один из иностранных представителей, аккредитованный в Петербурге, спрашивал меня однажды, нужно ли понимать эти заявления буквально, или граф Муравьев делает это для того, чтобы уклониться от ответственности. Я был смущен, увидев такое отношение дипломата к методу, который практиковался нашим министром иностранных дел в его взаимоотношениях с государем.

Мы видели, что граф Ламсдорф, который оказался преемником графа Муравьева в 1900 году, следовал тому же методу и довел отсутствие самостоятельности в решении дел своего ведомства до такой степени, что счел возможным оставаться на своем посту даже тогда, когда фактически он не мог выполнять своих обязанностей и когда император решал наиболее важные дела министерства с помощью Безобразова и его банды.

Чтобы закончить перечень министров, которые принимали участие в деле оформления взглядов императора, следует отметить еще имя Плеве, который был преемником Сипягина на посту министра внутренних дел. Одаренный замечательной настойчивостью и силой воли, он непоколебимо шел к своей цели, заключавшейся в том, чтобы укрепить самодержавную власть и систему бюрократической централизации. Он был настоящим воплощением полицейской системы,

доведенной до крайних пределов, когда полная неразборчивость средств принимала совершенно невероятные формы. Он организовал с помощью известного Зубатова рабочие об'единения, назначение которых состояло в том, чтобы парализовать влияние социалистов. Другими словами, они организовывали стачки, которые руководились полицейскими агентами. Он практиковал также особую полицейскую систему, которая имела двуличных агентов, служивших одновременно правительству и террористам. Наиболее известный из этих агентов, Азеф, был разоблачен русским публицистом Бурцевым. Плеве сам стал жертвою этой организации, так как он погиб от заговора, в котором Азеф принимал деятельное участие. Тот же самый Азеф руководил позже покушением на жизнь великого князя Сергея.

Министерская карьера Плеве совпала с событиями, непосредственно связанными с русско-японской войной. Будучи осведомлен об истинных целях Безобразова и его друзей, он не только не стремился парализовать их влияние на императора, но повторил ошибку, которая столь много раз приводила к гибели,—отвлечь внимание общества в сторону войны, чтобы избежать революции—он подталкивал Николая II все дальше и дальше на пути конфликта с Японией.

Можно легко представить себе, каким образом люди, только что описанные мною, достигли успеха на этом пути.

Наиболее странной и неожиданной фигурой в этих авантюрах был Безобразов.

Каким образом этот человек в течение нескольких лет играл руководящую роль в вопросе об агрессивной политике, со стороны России—до сих пор не поддается моему пониманию.

Он происходил из хорошей семьи; его отец был очень богат и занимал пост губернского предводителя дворянства в Петербурге. Безобразов был вначале офицером одного из блестящих полков гвардии, в котором служил и мой брат, и я часто встречался с ним за этот период. Он испытал затем превратность судьбы, покинул полк и поступил на гражданскую службу в Сибири. Только через двадцать пять лет он снова показался на петербургском горизонте, и все с некоторым изумлением узнали, что неизвестным путем он приобрел доверие государя, которому он изложил обширный план политической и экономической экспансии на Дальнем

Востоке. Это было ни больше, ни меньше, как пресловутое дело о лесных концессиях на Ялу, которые сделались впоследствии предметом оживленных сношений между Россией и Японией и вызвало в конце концов войну между этими странами.

Я не буду утомлять читателей подробным изложением схемы Безобразова, которая, по его мнению, открывала широкие перспективы для России и обещала баснословные барыши ее участникам. Достаточно сказать, что это было совершенно фантастическое предприятие, один из тех проектов, которые поражали воображение Николая II, всегда склонного к химерическим идеям. Значительно более трудно объяснить влияние, которое получил этот претенциозный хвастун на императора. Одна из теорий по этому поводу считает вероятным, что благожелательный прием, который был оказан Безобразову и его проектам, обусловливался тем, что император был ослеплен биллионами, которые мерещились ему от этого предприятия. Это совершенно абсурдно, так как Николай был совершенно равнодушен к деньгам и даже не знал им цены.

Однако возможно, что Безобразов, поддерживаемый адмиралами Абазой и Алексеевым, возымел полное влияние на императора, так как он говорил не только о политико-коммерческом предприятии, но также и об общем направлении наших дипломатических отношений с Японией. Нужно отметить, что этот статс-секретарь без портфеля приобрел для себя право непосредственно сноситься с представителями императора на Дальнем Востоке и сообщать императорские приказания, минуя министра иностранных дел.

Как я отмечал в предыдущей главе, это послужило основанием для того, чтобы я подал в отставку с занимаемого мною поста представителя в Токио.

Ознакомясь со всем этим, разве можно удивляться тому, что император мог подпасть под влияние такого вульгарного проходимца, каким был известный Филлипп, начавший свою карьеру в качестве мясника в Лионе, сделавшийся позже спиритом, гипнотизером и шарлатаном, который был осужден во Франции за различные мошенничества и кончил тем, что превратился в желанного гостя при русском имераторском дворе, и сделался советником императрицы и императора не

только по делам личного характера, но даже по делам большой государственной важности.

Всякий должен быть поражен сходством карьеры Филиппа и несколько позже Распутина с той ролью, которую играли в высшем французском обществе в конце XVIII века шарлатаны и месмеристы (магнитезеры), того же порядка.

Повидимому существует таинственный закон истории, определяющий аналогичные последствия одних и тех же причин, как то было век тому назад, когда при приближении революционного кризиса, французское общество старалось забыться в области таинственного и чудесного. Совершенно верно, что Филипп был проходимцем низшего разряда, который не может быть поставлен рядом с графом Сен-Жермен и даже с Калиостро, но секрет их успеха был один и тот же и влияние «Comte pour rire »[1]) над ландграфом Гессенским, и «Неизвестного философа»[2]) над герцогиней Бурбонской или Иосифа Бальзамо[3]) над кардиналом Бурбонским, ничем не отличается от влияния Низьера Вашоль—alias Филипп, на императора и императрицу России.

Пребывание Филиппа при русском дворе было кратковременно и не имело серьезных последствий.

Лионский мясник преследовал, повидимому, только материальные выгоды и никогда не пытался вмешиваться в придворную или политическую жизнь. Его смерть оставила место свободным для более замечательного лица, Григория Распутина, который пользовался влиянием, вплоть до падения романовской династии и распада русской империи.

Необыкновенные приключения этого безграмотного, пьяного и бесстыдного мужика, который появился из отдаленных мест Сибири, чтобы стать интимным советником и даже можно сказать идолом русской императорской четы, уже нашли свое описание в литературе. Многочисленные книги, посвященные описанию этой невероятной карьеры, представляют, конечно, большую ценность. Наиболее яркой и обоснованной работой по этому вопросу мне представляется книга д-ра Диллона „Россия в упадке", столь часто мною цитированная. Я не буду здесь входить в рассмотрение существа вопроса, так как

---

[1]) Имя присвоенное Вольтером графу Сен-Жермен.
[2]) Как называл себя Луи Клод Сен Мартен.
[3]) Настоящее имя Калиостро.

я не могу, на основании личных наблюдений, ничего прибавить ни полезного, ни интересного.

Несмотря на то, что первое появление Распутина в Петербурге относится ко времени 1905-6 г. г., как раз к тому периоду, когда я стал министром иностранных дел, он вмешивался только в дела двора и касался только того, что относилось исключительно к делам императорской фамилии, и хотя я часто посещал дворец, я никогда не имел случая видеться с ним и поэтому не имею о нем личных воспоминаний. Все, что я знаю о нем за это время, мною получено от Столыпина, от некоторых близких ко двору лиц и от моего брата.

Д-р Диллон указывает, что мой брат должен был покинуть пост обер-прокурора святейшего синода, благодаря интригам Распутина.

Это совершенно верно. Этим он обязан вмешательству императрицы Александры в некоторые назначения по духовному ведомству, которые он не мог одобрить. Императрица была инспирирована Распутиным, который в это время еще не вмешивался в государственные дела, но был озабочен устранением одних епископов, которые были ему враждебны, и протежировал другим, на поддержку которых он мог рассчитывать.

Я нашел только одну неточность в повествовании д-ра Диллона.

Он повторяет известный рассказ о том, что Столыпин был излечен Распутиным от нервного потрясения, которое было причинено ему во время взрыва 25 августа.

Я могу удостоверить, что Столыпин был абсолютно спокоен и здоров в это время и что ему никогда не пришла бы в голову мысль по этому или по другому поводу обращаться к лицу, о котором он всегда отзывался с величайшим отвращением.

Я также отношусь с недоверием к утверждению д-ра Диллона, что Николай II отказался начать войну, в связи с событиями на Балканах в 1912 году, следуя совету Распутина. Автор очевидно повторяет то, что граф Витте однажды говорил мне, но это не убеждает меня в правильности такого утверждения.

Я всегда указывал на глубокое религиозное чувство, которое руководило императором в его духовной жизни. Каким

образом случилось, что это чувство могло превратиться в вульгарную веру в предрассудки и в полную подчиненность такому лжепророку, каким являлся Распутин — эту задачу я не мог разрешить путем моих собственных наблюдений.

Я могу объяснить это явление только влиянием на Николая II со стороны императрицы Александры, преувеличенный мистицизм которой вызывался, повидимому, патологическими причинами. Чтобы судить о подобном явлении, необходимо обладать специальными познаниями, которых я не имею.

Не менее трудно, особенно для европейцев, понять тот сложный комплекс причин, который обусловливал влияние Распутина не только на слабовольного императора и императрицу, но и в самых разнообразных кругах, среди которых он вращался.

Это влияние, я думаю, не может быть объяснено гипнотическими способностями, которыми он обладал в величайшей степени. Чтобы понять эту загадку, необходимо быть несколько знакомым с религиозными и мистическими направлениями, которые время от времени проявлялись в России, оказывая громадное влияние на духовную жизнь русских, как в низших, так и в высших слоях общества.

Общая тенденция этих верований направлялась в сторону стремления к грехопадению, часто даже преступному, которое сопровождалось верой в очищение от греха с помощью божественного милосердия.

Так называемая „религия страдания", черты которой находят свое описание у Толстого и Достоевского, сопровождалась часто болезненными искажениями и исходила из возвышенной теории о том, что для получения прощения необходимо совершить грех. Таковы наиболее характерные черты русских сект, среди которых самой распространенной сектой является „хлыстовство". Ее обряды, которые очень напоминают обряды самобичующих и конвульсионистов, и мистицизм которых связан с эротическим возбуждением, имели своих адептов не только в низших, но и в высших слоях русского общества. В начале XIX века высшее общество Петербурга переживало сильный прилив мистицизма.

Император Александр I, по своем возвращении из Парижа, в 1814 году, сам подал этому настроению пример под влиянием баронессы Крюденер, и если эта знаменитая женщина, которая внушила мысль о Священном Союзе, и не была

подвержена эксцессам извращенных верований, которые были тогда в моде, то некоторые из ее последователей и подражателей в конце концев, повидимому, переходили границу, отделяющую мистицизм от известных патологических проявлений. Достаточно указать на Татаринову, друга баронессы Крюденер, открыто покровительствуемую некоторое время императором Александром I.

Собрания в одном из аппартаментов, которые она занимала в одном из императорских дворцов Петербурга, повидимому, походили на собрания „хлыстов".

Я не пойду дальше этой короткой характеристики элементов интересующей нас проблемы, не буду анализировать их, или входить в детали, еще неопубликованные по этому вопросу, так как я коснулся его лишь с чувством глубочайшего сожаления.

Я совершенно согласен с мнением д-ра Диллона, которое высказано в его книге, что действительная роль Распутина выразилась в том, что он обнаружил невежественным слоям русского народа все наиболее одиозные стороны автократического режима, что может быть успешно сравнено только с действием некоторой химической реакции, которая объединила все элементы русского общества против самодержавного режима.

В то время, когда я вступил на пост министра иностранных дел и вошел в близкое общение с Николаем II, он еще не проявлял чрезмерной склонности к мистицизму и к ультрареакционным идеям, которые характеризовали последний период его царствования. Неудачи русско-японской войны и революционное движение, которое непосредственно следовало за войной, видимо образумили императора. Осуществив счастливую мысль о замене Горемыкина Столыпиным, он проявлял большую склонность следовать советам премьер-министра. Он внушал все больше доверия, как мне кажется, в том, что он будет благожелателен к новым учреждениям, несмотря на то, что по своему воспитанию и врожденным симпатиям, он был склонен к реакционным настроениям.

Я надеюсь, что мне удалось опровергнуть в предыдущей главе известные толкования поведения Николая II в деле о заключении секретного договора в Биорке и показать, что хотя он обнаружил слабость и неосмотрительность, он был далек от мысли об измене своему союзнику. Мне даже ка-

жется, что его лойяльность наиболее полно обнаружилась в той позиции, которая была им занята по отношению к Франции и другим союзным державам в последний период его царствования. Разве не счел себя обязанным бывший английский посол в России сэр Джордж Бьюкенен публично выразить благодарность добрым намерениям императора, когда он заявил, что он считает своим долгом опровергнуть росказни о стремлении русского царя заключить сепаратный мир с Германией.

«Я убежден»,—заявил Джордж Бьюкенен,—«что нет ни одного слова правды в этих слухах. Император несомненно совершил много ошибок, но он никогда не был изменником. Он никогда не пренебрегал общим делом союзников и всегда являлся преданным и лойяльным другом Англии».

Французское правительство подкрепило это заявление опубликованием письма, адресованного императором Николаем 13 мая 1916 года президенту Пуанкаре, которое ясно показывает, что, несмотря на все усилия склонить его пойти на соглашение с Германией, он никогда не соглашался покинуть союзников.

Император строго осуждался за то, что он очень легко соглашался на отставку того или иного министра и, внешне принимая точку зрения кого-либо из своих советников, действовал в совершенно потивоположном направлении. В доказательство этого, приводились случаи, когда какой-либо министр, покидая министерство, был в полной уверенности относительно доверия к нему со стороны государя, и, только прибыв домой, узнавал о своей отставке.

Эти упреки справедливы. Я сам был свидетелем того, с какой легкостью Николай II позволял разубеждать себя в решениях, которые были приняты им со всей видимой твердостью и убежденностью. Но все это доказывает только одно—инстинктивную боязнь, которая свойственна многим слабым, людям, боязнь, которая препятствует им сказать или сделать что-нибудь неприятное кому-либо в его присутствии.

Когда он решал уволить министра в отставку, у него не хватало моральной твердости сказать это ему лично, но, наоборот, предрасполагало обращаться с ним с удвоенной любезностью и вниманием и уже после этого послать письменное сообщение об отставке. Есть люди, и в особенности жен-

щины, для которых такое поведение является только искусством и которое пускают в ход лесть и обнаруживают склонность соглашаться со всем, чтобы усыпить бдительность собеседника. Одним из мастеров этого искусства являлся бывший канцлер германской империи, князь фон-Бюлов.

Относительно императора Николая II я уверен, такая характеристика была бы неправильна.

Проанализировав характерные черты Николая II и указав на те влияния, которым он подвергался с самого своего детства, я попытаюсь, не без сомнения в успехе, дать общую его характеристику.

Он обладал слабым и изменчивым характером, трудно поддающимся точному определению.

Во время событий 1905 года, эта величайшая его слабость спасла монархию. Революционное движение, которое достигло больших успехов после русско-японской войны, в действительности началось значительно раньше, чем в предшествующее царствование. Это движение, подавляемое в течение тринадцати лет Александром III, неизбежно должно было порвать путы и обнаружиться даже в течение железного управления этого государя, и еще более напряженно за время слабого управления его преемника.

Но в то время, как Николай II, подчиняясь неизбежному, отсрочил катастрофу, даровав хартию 30 октября 1905 г., непреклонная воля Александра III, по всем вероятиям, не склонилась бы перед вихрем событий, что повело бы монархию к гибели. Это случилось бы так же, как описывается в известной басне о дубе и розовом кусте, где слабый выживает, в то время, когда сильный гибнет.

Двенадцатью годами позже, Николай II, действуя под руководством реакционной партии, погиб, потому что он попытался бороться с силами, которым он не мог противостоять.

Действительной причиной падения монархии в России является безрасудное стремление этой партии воскресить и упрочить в двадцатом веке—перед лицом необходимости создать новый строй — анахронизм самодержавной власти, «наиболее опасной из всех видов власти», как писал мой предок в своей исповеди императору Александру I, «так как это ставит судьбу миллионов людей в зависимости от величия ума и души одного человека».

Несмотря на свои хорошие качества, Николай II не обладал «величием ума и души», которые необходимо было противопоставить домогательствам реакционеров, и это вызвало катастрофу.

Мне труднее руководствоваться теми же самыми соображениями в той части записок, которые касаются императрицы Александры.

В своих отношениях к ней я никогда не переступал черты придворного этикета, принятого в отношениях подданного, хотя бы он и был министром и советником государя, с императрицей.

Я никогда не был принят в узком кругу лиц, который находился около нее и всегда держался от него на некотором расстоянии.

Настоящей причиной ее холодности по отношении ко мне была моя склонность к либеральным и конституционным идеям.

Совершенно справедливо, что Мария Антуанетта не менее заслужила кличку «австриячки», чем императрица, снискавшая себе, со стороны ненавидевшего ее общественного мнения, название «немки».

Что касается императрицы, то, несмотря на то, что она была иностранкой по рождению и воспитанию, окруженная искусственной атмосферой двора,—в виду чего нет ничего удивительного в том, что она совершенно неправильно понимала чаяния русского народа,—можно сказать с полной искренностью и убеждением, что она чувствовала себя русской из русских, когда она симпатизировала ультра-реакционной партии и верила в привязанность России к формам самодержавной власти.

Совершенно верно, что императрица Александра недружелюбно относилась к сближению с Англией и высказывала это свое мнение совершенно откровенно во время моих переговоров по этому поводу с лондонским кабинетом, но в это время она не играла решающей роли в направлении политики, которую она приняла на себя позже, и я никогда не имел основания жаловаться на ее вмешательство в эти переговоры.

Это все, что я могу сказать на основании моих личных наблюдений об императрице Александре.

Я не хочу касаться вопроса о том, какое влияние производила на Николая II ее религиозная истерия, ни деликатного вопроса о покровительстве, которое она оказывала Распутину. Я не могу пролить новый свет на эти вопросы, и мое свидетельство не было бы полезным в этом случае.

Мне значительно легче отдать дань матери Николая II, Марии Феодоровне.

Ее доброта и ласковое обхождение согревали мрачное царствование Александра III, и она оказалась способной создать такую атмосферу при дворе, которая смягчала проявление чрезвычайно деспотического характера государя. Она знала нерешительный характер молодого императора и отсутствие у него подготовки для дела управления страной. Совершенно естественно, что в начале его царствования она внушала ему мысль с уважением относиться к традициям отца, непреклонная властность которого покоряла всех, кто приходил с ним в соприкосновение.

Когда другие влияния стали превалировать над ее влиянием у императора Николая, ей ничего не оставалось делать, как оказаться простым наблюдателем событий, течению которых она не могла помешать.

* * *

Я только мельком упоминал о других членах императорской фамилии, из которых никто не играл значительной политической роли за тот период времени, описание которого вошло в эти мемуары.

Великий князь Сергий одно время имел значительное влияние на Николая II и рекомендовал ему некоторых министров, известных своими реакционными идеями; но он был убит террористами в 1905 году.

Великий князь Николай, ставший позже верховным главнокомандующим русских армий в 1914 году, командовал в это время гвардейскими полками и отдавал все свое внимание военным обязанностям, не вмешиваясь в политику.

Великий князь Владимир являлся командующим гвардией до назначения на этот пост великого князя Николая, но, страдая болезнью, которая вскоре стала для него роковой, он не мог оставаться на службе в армии. Он был человеком замечательно образованным, и его знания по истории часто

восторженно комментировались французскими учеными. Он скорее склонялся к либеральному образу мышления, и без всяких оснований его считали одним из тех, кто советовал императору Николаю II приступить к реакционным мероприятиям и особенно к той линии поведения, которая была принята в дни несчастных событий 22-го января 1905 г. [1]).

Он всегда относился с большим огорчением к этому ложному обвинению и я часто слышал, как он строго осуждал меры, принятые ультра-консервативной партией.

Его жена, великая княгиня Елена Павловна, германская принцесса по рождению, была тем не менее вполне русской и даже француженкой по своим симпатиям и имела много друзей в Париже. Она также была предметом несправедливых нападок, которые обвиняли ее в шпионаже в пользу ее родины. Я имел случай знать, что она была совершенно далека от подобных намерений и что она строго осуждала политику германского императора—правдивость чего подтверждается фактами. Зимою в Петербурге она имела блестящий салон, который посещался сливками русского общества и дипломатическим корпусом, встречавшими ее широкое гостеприимство и в Царском Селе, в ее летней резиденции.

Среди других членов императорской фамилии, я отмечу только великого князя Николая Михайловича, столь же известного в России, как во Франции, как автора исторических работ, которые доставили ему почетный случай быть избранным в члены французского института.

Высоко образованный и весьма талантливый, он, единственный из членов императорской фамилии, являлся искренним сторонником либеральных идей, которые он высказывал с такой откровенностью, что заслужил при дворе прозвище «Филиппа Эгалите».

Он был в хороших отношениях с императором и имел обыкновение говорить с ним совершенно откровенно.

---

[1]) В воскресенье 22-го января 1905 г., процессия, состоявшая из нескольких тысяч рабочих, во главе с агитатором священником Гапоном, направилась к Зимнему дворцу, чтобы представить императору петицию о введении конституционных реформ. Процессия была встречена войсками, которые задержали ее и стреляли в манифестантов, из которых значительное число было убито. Это «Кровавое Воскресенье» обычно рассматривается, как начало революции 1905 года.

Они сообща работали в области исторических наук—великий князь был председателем императорского исторического общества, а Николай II—почетным его председателем.

Это общество было основано в царствование Александра II группой выдающихся людей, во главе с князем Лобановым и Половцовым,—последний был известен, как весьма богатый человек и как любитель-коллекционер. Он оказал большую услугу русской исторической науке опубликованием значительного количества дипломатических документов, полученных из главных архивных хранилищ Европы.

Я был одним из наиболее преданных членов общества, что давало мне возможность часто встречаться с великим князем, который делал мне честь своей дружбой в течение более чем двадцати лет.

Император имел обыкновение созывать собрания Исторического общества один раз в год, и в этом случае он председательствовал.

Сообщения на исторические темы читались различными членами и всякие правила этикета были отброшены. Во время дискуссий, которые затем следовали, великий князь был на первом плане, ввиду своей глубокой эрудиции и необыкновенной памяти.

Несмотря на глубокое уважение, которое Николай II питал к нему, великий князь не имел на государя политического влияния и не занимал никакого поста на государственной службе. Подобно вдовствующей императрице, с которой он был в близких, дружеских отношениях, он был простым наблюдателем событий, которые в то время имели место, проникая их острым взглядом, доходящим до степени предвидения.

Единственный упрек, который я могу сделать ему, заключается в том, что он не сумел выйти из своего пассивного состояния на более активное и практическое служение своей стране.

Повествование было бы неполным, если бы я не упомянул о лицах, которые составляли интимный круг императора Николая и императрицы Александры. Постоянно этому кругу приписывалось большое политическое влияние и говорилось, что при дворе существует «потсдамская клика», которая задавалась целью уничтожить симпатии царя к Франции и толкнуть его в объятия Германии.

Эти слухи могли казаться правдоподобными, вследствие наличности двух лиц с немецкими фамилиями, которые были членами этого кружка—барона Фредерикса, министра императорского двора, и графа Бенкендорфа, маршала двора. Но в этих слухах нет ни слова правды.

Министры никогда не пытались проникать в частную жизнь императорской четы и, помимо часов делового собеседования с государем, они появлялись во дворце только в официальных случаях.

Правда, что император делал некоторые исключения из этого правила в мою пользу и я часто имел случай соприкасаться с ним в более интимной обстановке, чем мои коллеги, но эта близость была тем не менее только относительной, так как я никогда, собственно говоря, не был в числе лиц, которые участвовали в частной интимной жизни Николая II.

Лицом, наиболее близким к государю, был барон Фредерикс, министр императорского двора. В своей юности он был одним из наиболее блестящих офицеров гвардии и даже в своем преклонном возрасте он сохранил чрезвычайно элегантную внешность.

Он пользовался полным доверием императора и непререкаемым влиянием на него, которым он никогда не злоупотреблял. Это влияние, как я уже отмечал, не касалось области политических вопросов. Бывали, конечно, случаи, когда тот или иной министр обращался к нему с просьбой представить императору то или иное дело в благоприятном свете. Он отказывался содействовать реакционерам, и я могу засвидетельствовать, что он никогда не внушал императору враждебного чувства по отношению к Франции и благожелательного по отношению к Германии.

Все, что я говорю о бароне Фредериксе, приложимо в равной степени и к маршалу двора графу Павлу Бенкендорфу, младшему брату бывшего посла в Лондоне. Будучи очень образованным и либеральным человеком, он никогда не имел, к несчастью, случая отстаивать либеральные идеи перед императором. Он не только не был агентом германофильской пропаганды при дворе, но, напротив, был особенно нелюбим, так же, как и его брат, посол, Вильгельмом II.

Никакой политической роли не может быть приписано и гофмаршалу двора князю Александру Долгорукову, фа-

мильярно называемому «Санди». Этот grand seigneur, принадлежавший к одной из наиболее родовитых фамилий России и к ветви этой фамилии, которая была известна красотой, обладал величественной фигурой и манерами настоящего аристократа. Вместе с бароном Фредериксом и графом Бенкендорфом он составлял trio, которое придавало церемониям и приемам при дворе наиболее элегантный и величественный вид, никогда не превзойденный, поскольку я видел, ни одним другим двором.

Совершенно верно, что в это время в России существовала могущественная германофильская партия, но ее следует искать не при дворе, а в среде членов ультра-консервативной партии Государственного Совета.

Императору приходилось, может быть, не зная об этом, усиливать эту партию систематическим назначением в верхнюю палату лиц, придерживающихся реакционных взглядов.

Во главе свиты императрицы Александры находилась статс-дама двора. Этот пост был сначала предоставлен княгине Голицыной, а после ее смерти Нарышкиной.

Обе они были настоящими grandes dames, образованными и учтивыми, но ни та, ни другая не имели влияния на императрицу, которая никогда не была с ними вполне интимна.

Единственным лицом, которое пользовалось этой близостью, была Вырубова, но она не имела официального поста при дворе. Ее имя часто упоминалось наряду с именем Распутина, наиболее горячей последовательницей которого она, повидимому, являлась. Я видел ее всего раз или два и воздержусь от каких-либо коментарий по поводу нее.

СОДЕРЖАНИЕ.

		Стр.
	Предисловие	5
I.	Политическое положение России в 1905—1906 г.г.	13
II.	Секретный договор в Биорке	29
III.	Первая Дума	62
IV.	Граф Витте	80
V.	Поместное дворянство	100
VI.	Кабинет Горемыкина	112
VII.	Столыпин и кадеты	134
VIII.	Терроризм	149
IX.	Император Николай II	163